

Владислав Конюшевский

Основная миссия

Попытка возврата – 4

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Владислав Конюшевский Основная миссия»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-9942-0795-6

Аннотация

Может ли пришелец из будущего в одиночку изменить мир? Умные политики и маститые ученые доказывают нам, что нет. Но Илья Лисов не знал этого авторитетного мнения. Против своего желания оказавшись 22 июня 1941 года на советско-германской границе, он вынужден был вступить в бой с фашистами, просто для того чтобы выжить. А потом, освоившись в новом времени, Илья решает сделать попытку повлиять на события, чтобы уменьшить количество погибших в войне. С трудом, но это ему удается. И вот на дворе конец лета 1944 года. Скоро конец войны, и как будут складываться послевоенные отношения с союзниками? Как не допустить «холодной войны» и «железного занавеса»? Об этом надо думать уже сейчас. А одним из инструментов в решении этой задачи является спецгруппа Ставки Верховного Главнокомандования, в состав которой входит полковник НКВД Илья Лисов, личный порученец Генерального секретаря ЦК ВКП(б) товарища Сталина. Только помимо основной работы Лисов еще постоянно помнит слова Вольфа Мессинга о какой-то таинственной миссии, которую должен выполнить человек из будущего. И если приказы руководства ясны и понятны, то в чем заключается его личная миссия, Илья может только предполагать...

Владислав Конюшевский

Основная миссия

Глава 1

1944 год. Штаб 128-й авиационной базы особого назначения

Начавшийся наконец дождь принес с собой долгожданную прохладу. Но самое главное, набежавшие тучи позволили откинуть штору светомаскировки, которая до этого напрочь перекрывала доступ свежего воздуха. Зато сейчас влажный, наполненный полынным, степным духом ветерок смог беспрепятственно проникнуть в помещение и разогнать густой табачный дым, из-за которого у меня уже начала побаливать голова. Хотя голова гудела не столько от табачного перегара, сколько от напряжения, вызванного темой разговора. Не скажу чтобы странной, но просто столь же далекой от меня, как утомленный яхтами олигарх далек от забот сантехника из ЖЭУ. И ведь вопросыки подкидываются... Вон, например, как этот:

– А ты можешь сказать мне, что такое пропаганда? Ну просто своими словами?

– Издеваешься?

Я неодобрительно посмотрел на Тверитина, но Стас был совершенно серьезен и, сидя за столом напротив, молча постукивал пальцами по столу, ожидая ответа. Глядя на его серьезную физиономию, я пожал плечами и ответил:

– Пропаганда – это звездех, распространяемый властью с целью достижения своих целей.

– И все?

Собеседник поставил локти на стол и, сложив ладони домиком, насмешливо прищурился.

– Нет не все, но это основное. А вообще, пропаганда – это способ подачи информации, призванный манипулировать сознанием людей. Ну и побуждать их к каким-то действиям.

Блин, вот никогда не задумывался над определением пропаганды. Она лилась отовсюду, и нутром я отлично знал, что это такое, только вот словами, да еще приличными, выразить свое знание не мог, из-за чего сейчас пребывал в раздраженном состоянии. А Тверитин, покачивая головой, поправил:

– Побуждает к действиям агитация. Хотя эти два понятия между собой неразрывно связаны. А вообще, пропаганда – это распространение информации в любом ее виде. Часто заведомо ложной информации, но позволяющей добиться требуемого результата. И распространяться эта пропаганда может вовсе не только средствами массовой информации. В ее распространении может быть задействовано все, вплоть до слухов и сплетен. Я не буду говорить про лозунги, кинофильмы, памятники и плакаты. Это само собой разумеется. Но ты знаешь, что даже музыка может являться пропагандой. Просто мелодия, без слов. Даже какая-то обычная вещь может быть пропагандой. Она может не нести никакой символики, но все равно являться пропагандой. Только скрытой, воздействующей на подсознание. И главное в любой пропаганде – это чтобы она оказала нужное воздействие на общественное мнение или какую-то целевую аудиторию.

Хмыкнув, я констатировал:

– Слишком умный. Убивать пора!

Стас, поправив очки, улыбнулся:

– Пробовали – не получилось... Закурим?

Он подвинул мне коробку папирос, но я демонстративно достал из пачки свою сигарету и с вызовом посмотрел на собеседника. Только Станислав моим действием вовсе не смутился, а наоборот, широко улыбнувшись, жестом попросил, чтобы я его угостил трофейным «Кэмэлом».

От же жук! Вот так, с лету, переиграл ситуацию и теперь показывает, что готов перейти из положения доминирующего учителя в положение ученика. Увидел, что его собеседник ошетинился всеми иголками и превратился в оппонента, и тут же дал задний ход, сглаживая ситуацию. Сейчас, небось, задаст какой-нибудь вопрос о последней нашей операции. И слушать будет, открыв рот и восхищенно ахая. М-да... Тверитин еще и психолог хороший. Только и я не лыком шит, а так как с этим парнем мне еще, похоже, предстоит немало

работать, то я решил не заморачиваться с вывертами НЛП и не меряться письками, а просто, сдвинув к нему свою пачку и забирая его папиросы, со смешком предупредил:

– Если ты сейчас спросишь о моем боевом прошлом, то я тебя уважать перестану.

Хе! Судя по тому, как в глазах Стаса что-то мигнуло, я сделал свое предупреждение вовремя. После этих слов он несколько секунд молча смотрел на меня, а потом, рассмеявшись, протянул руку со словами:

– Ты извини. Иногда меня заносит. А что, в будущем все такие «подкованные»?

– Не больше, чем в прошлом.

– Понятно... Чай будешь, а то что-то в горле пересохло?

– Буду.

И, глядя, как новый начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разливает чай в стаканы с металлическими подстаканниками, я, хмыкнув, вспомнил наше с ним сегодняшнее знакомство. То есть уже вчерашнее. Время-то – за полночь...

* * *

А начиналось все... М-да, начиналось все очень даже нестандартно. Мы еще толком не отошли после нейтрализации диверсионного отряда Армии Крайовой, как вдруг поступила новая вводная. Оказывается, на совместный аэродром, который поляки буквально позавчера собирались перепахать залпами реактивных минометов, должны были прибыть нарком НКВД Иван Петрович Колычев и посол США в СССР Уильям А. Гарриман. В связи с этим нам предписывалось находиться в составе встречающих. Хорошо хоть не в почетном карауле, но я так и не понял, с какого переполюха спецгруппу ставки вообще для этого задействовали. Тем более что Гусев лично мне запретил при виде посла выкрикивать антиамериканские лозунги и показывать ему «факи».

Лозунги и «факи», конечно, относились к разряду шуток, только вопрос, для чего осназ вообще вытащили на эту встречу, остался. Но начальство на то и начальство, чтобы в некоторых случаях иметь возможность просто рывкнуть, не объясняя причин и на этом закрыть вопрос. Лишь потом Серега все-таки снизошел до ответа и сказал, что это личное распоряжение наркома. А еще чуть позже, глядя на поднятую вокруг ожидающегося приезда суету, мы с ним пришли к выводу, что все это «жу-жу» неспроста. Ну не будут ради Колычева выстраивать почетный караул, тем более что Иван Петрович тут был неделю назад и все происходило очень даже демократично, без всякой помпы. Да и посол... Я, конечно, не знаток протоколов, но из-за этого америкоса вряд ли подобная буча поднимется. Нет, летуны вполне могли захотеть устроить пышную встречу своему высокопоставленному земляку, только ведь в наличии было два выраженных в парадную форму караула – советский и американский. А это уже совсем другой коленкор.

И только когда я увидел среди офицеров людей Власика, все непонятки разрешились наконец в наиболее вероятное предположение. А именно – помимо вышеперечисленных персон, на авиационную базу особого назначения, ожидается прибытие товарища Сталина. Гусев, прикинув расклады, согласился со мной, и поэтому мы даже не удивились, когда после посадки на откидном трапе увидели знакомую коренастую фигуру.

Верховный, выйдя из самолета, вместе с Гарриманом прошелся вдоль почетного караула, попозировал журналюгам, пожал руки «невидимкам» и отправился в специально подготовленный ангар толкать речь. По теперешним временам весьма короткую, минут на тридцать. Но довольно информативную.

Вначале он осветил международную обстановку и поздравил американцев с большими успехами их войск в Италии. Отметил также огромную результативность действий совместной базы для достижения общей победы. А потом огорошил (во всяком случае, меня) тем, что, поблагодарив летчиков, объявил о закрытии 128-й АБОН. Дескать, свою задачу база выполнила, и так как целей в освобожденной Красной Армией Восточной Европе для стратегической авиации не осталось, то союзнические авиаторы теперь будут постоянно

дислоцированы в Италии.

М-да... Я только покрутил головой. А ведь действительно – сейчас немцами контролируется только Западная Европа, в том числе северо-запад Австрии и запад Германии. И чтобы обрабатывать цели в этих районах, а также во Франции и разных Бельгиях с Нидерландами, им вовсе не надо делать огромного крюка для посадки на востоке. Расстояния-то резко сократились, и летуны могут работать со своего родного аэродрома без заходов в гости.

Потом Верховный рассказал о достигнутых на сегодняшний день результатах операции «Суворов» и как-то незаметно съехал на последние события, что происходили в этих местах. Тут уже среди летчиков поднялся удивленный ропот. Они ведь были ни сном ни духом об опасности, висевшей над их головами. А теперь, когда на сцене, после широкого жеста Сталина: дескать – вот они ваши спасители, появились русские «невидимки», америкосы после секундной паузы разразились аплодисментами и свистом. Иосиф Виссарионович, который явно не привык к такому странному выражению одобрения, слегка поморщился, но тут же, взяв себя в руки, начал улыбаться, а потом пригласил на трибуну Гарримана.

Посол тоже разразился речью, в начальной своей части сильно схожей с выступлением Верховного, но, освещая захват АКовцев, добавил, что попытка покушения на военнослужащих США воспринята президентом их страны очень близко к сердцу. Причем настолько, что с согласия советского правительства в расследовании этого покушения будут принимать участие следственные органы Соединенных Штатов.

Ага, вот оно! Я даже заерзал на своем месте. Ну все – держись, Миколайчик! Теперь тебе небо с овчинку покажется! Теперь тебя будут нагибать не только «восточные варвары», но и америкосы, а против этих объединенных усилий у тебя кишка тонка! А ведь при расследовании вполне возможен и выход на твоих хозяев...

Очередной раз поразившись прозорливости Колычева, я опять обратил внимание на сцену, так как там происходили интересные события. Гарриман после окончания своего спича заявил, что его правительство в знак благодарности за спасение жизни своих летчиков приняло решение наградить советских бойцов террор-групп Бронзовой звездой. И тут же, не сходя с места, приняв из рук помощника коробочки с наградами, начал одаривать ими слегка обалдевших «невидимок». Правда, мужики растерялись буквально на секунду, а потом армейские навыки дали о себе знать. Я даже фыркнул от восторга, когда первый получивший из рук посла звездочку темно-золотистого цвета на красно-сине-белой ленте (а это оказался Федька Свиридов) козырнул, пожал ему руку, а потом, четко повернувшись к залу, громко рявкнул:

– Служу Советскому Союзу!

А за ним «отслужили» свое и остальные ребята. Судя по всему, Верховному эта ситуация тоже очень понравилась, так как он благожелательно кивал и улыбался в знаменитые усы каждому выходящему. И потом, когда все закончилось, еще добавил, что, мол, от советского правительства бойцы получают награды в Кремле, так как статут этих наград подразумевает награждение именно там.

В общем, как я понял, наши решили обыграть ситуацию по полной. В другом случае эта, в общем-то рядовая, операция по поиску и обезвреживанию диверсионной группы противника тянула бы только на Красную Звезду. Ну или если толково составить наградной лист, то на «Знамя» – максимум. А здесь, похоже, пахнет орденом Ленина. Да-а... на что только не пойдешь в пропагандистских целях...

Единственно несколько напрягла мысль о том, что моих ребят могут как-то обойти при раздаче «ништяков». Но, рассудив трезво и посмотрев на просто лучившееся лицо Ивана Петровича, сидящего в президиуме, я тут же успокоился. Американскую висюльку мне и даром не нужно, но вот советскими наградами мы точно не останемся обделенными. Конечно, воюем не за них, но все же, все же, все же...

А потом был небольшой банкет, после которого нас вызвали в дом, где расположился Сталин. Нас – это не в смысле меня и Гусева, а всех моих парней. Кстати, было очень

прикольно за ними наблюдать. Они, когда узнали, куда именно мы идем, сильно спали с лица. Даже невозмутимый Марат, который в обычной жизни своим спокойствием мне всегда напоминал индейца, безостановочно облизывал губы и вертел головой, как будто воротник гимнастерки неожиданно стал давить на горло. Про остальных я вообще молчу. И это вполне понятно – когда некто Лисов первый раз входил к Иосифу Виссарионовичу, он испытывал похожие чувства. Хотя для меня тогда Сталин был не более чем историческим персонажем. А ведь для ребят он – ВСЁ. Реально – ВСЁ. Это позже будут стараться смешать его имя с грязью, но на сегодняшний момент он не просто руководитель страны, а руководитель страны, практически выигравшей самую страшную войну в своей истории. И сейчас все прекрасно понимают, что будь на его месте любой другой, то немцы бы уже давно соединились с японцами где-то в районе Урала. Но даже не это главное. Главное то, что уже несколько лет наблюдается просто пик обожания Верховного. И встреча с ним воспринимается обычными людьми как нечто запредельное, поэтому ребят так и колбасит. М-да... вот тебе и «культ личности» в самом ярком своем проявлении. Хотя правильно говорят: «Был культ, но ведь была и личность»...

В конце концов уже перед самой дверью в кабинет я не выдержал и, сказав сопровождающему нас сотруднику охраны: «Секунду подождите», обратился к мужикам:

– Отставить дрожание! Ведете себя, ёпрст, как барышни перед процессом дефлорации! Вы – офицеры Красной Армии! Возьмите себя в руки!

В ответ Жан, криво улыбнувшись бледными губами, даже попытался пошутить:

– Я только сержант. Мне можно...

– Тогда – делай, как я!

И, кивнув сопровождающему, рубанул строевым шагом в открытую им дверь.

А после всех положенных слов Сталин, оставив Гусева, Колычева и какого-то незнакомого мне очкастого парня сидеть за столом, прошелся перед нашим строем, внимательно вглядываясь в лица стоящих перед ним парней. Те, не дыша, задрав подбородки, ели высшее начальство глазами. Я еще подумал, как бы у них косоглазие не наступило от чрезмерного усердия, но в этот момент Виссарионыч улыбнулся и сказал:

– Вольно, товарищи, – а потом, отступив на шаг, поинтересовался у Колычева: – Иван Петрович, а что это в особой группе Ставки со званиями творится? Или товарищ Гусев своей волей разжаловал всех? Вот, например, Илья Иванович должен быть полковником, но носит майорские погоны. А товарищ Шарафутдинов, – Верховный безошибочно ткнул пальцем в Марата, – майор, но стоит передо мной капитаном.

Гусев вскочил и доложил:

– Товарищ Сталин, это сделано из соображений секретности! Звания, а также рода войск спецгруппа меняет исходя из поставленных задач!

Вождь, как будто про это раньше и не знал, удивленно покачал головой, но потом, улыбнувшись, ответил:

– Это хорошо. А то я уж было подумал, что товарищи в чем-то провинились...

– Никак нет, товарищ Сталин! Результаты работы подразделения выше всяких похвал!

Это уже Колычев вставил свои пять копеек. Верховный глянул на него, после чего жестом усадил вскочившего наркома и, хмыкнув, сказал:

– Знаю, это я просто пошутил. А то наши герои, – он кивнул в сторону застывшего строя, – уж очень сильно нервничают. А товарищ Сталин, он ведь не Зевс-громовержец, он обычный человек, который может и пошутить, и посмеяться.

После этого, опять пройдясь перед нами, он, став серьезным, выдал:

– Товарищ Колычев постоянно держал меня в курсе относительно действий вашей группы. И они действительно – выше всяких похвал. Один захват Вельдберга позволил нашей контрразведке не только вычислить местонахождение гитлеровских подразделений с функциями аналогичными вашим, но и проследить возможные пути и каналы эвакуации нацистских бонз. А исходя из данных советской разведки, они уже бегут! Только далеко уйти им не удастся, и благодаря вашим действиям время на их поиск и поимку сильно

сократилось. Поэтому от лица советского правительства выражаю вам благодарность!

– Служим Советскому Союзу!

Сталин после хорового вопля шутливо прикрыл себе ухо ладонью и, посмеиваясь, укорил:

– Совсем оглушили. – После чего, положив трубку на стол и направив палец в нашу сторону, продолжил: – Добавлю, что ваша операция по поимке Вельдберга будет достойно оценена. Но не здесь, а в Кремле. И еще, по поводу найденного золота, хочу сказать, что нами принято решение наградить вас ценными подарками. Какими – сейчас сообщать не стану, пусть это будет сюрпризом, о котором вы тоже узнаете в Москве. Поэтому готовьтесь, товарищи, завтра вы вылетаете в столицу нашей Родины. Товарищ Гусев, займитесь подготовкой бойцов к встрече со столицей. И на этот раз – без всякой секретности. Пусть люди наденут все свои награды и заслуженные погоны.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте, и... – Готовая следовать за Серегой пятерка застыла на месте, опять повернувшись к Верховному. – Я хочу сказать, что очень рад личному знакомству с одной из лучших спецгрупп нашей армии.

А потом прошел вдоль строя и пожал всем руки. У меня мелькнула мысль, что пацаны теперь правую руку год мыть не будут, и, с трудом задавив смешок, собрался было уже идти вслед за генерал-майором, но Сталин, в лучших традициях «Семнадцати мгновений» остановил меня словами:

– Товарищ Лисов, а вас я попрошу задержаться. – И дождавшись, когда за моими ребятами закроется дверь, выдал: – Илья НИКОЛАЕВИЧ, я хотел бы вас познакомить с нашим новым начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – Stanisлавом Игоревичем Тверитиным...

Опаньки! Если Верховный выделил мое настоящее отчество, то значит, этот начальник в курсе, что собой представляет Лисов на самом деле. Я более внимательно взгляделся в подходившего ко мне парня. Так, рост примерно метр семьдесят шесть, возраст – чуть за тридцать, очки с минусовыми стеклами. Характерная особенность – когда Сталин говорил, «пропагандист» держал голову чуть повернутой к говорящему левым ухом, значит, правое плохо слышит. И еще: с той же стороны на фейсе несколько мелких шрамов. Ага, похоже, этот паренек вовсе не кабинетный сиделец и успел повоевать. Или не повоевать, а просто попасть под взрыв. Поэтому – барабанной перепонке пипец, глаз поврежден и на морде отметины. Но руку не зацепило. Это я отметил, отвечая на крепкое рукопожатие Тверитина.

В принципе, так наше знакомство и состоялось. Сталин в дальнейшем разговоре подтвердил, что главный идеолог действительно знает о моем иновременном происхождении, а потом, побеседовав с нами еще минут двадцать, отправил обоих со словами:

– Вам теперь придется плотно контактировать, так что начинайте притираться друг к другу. А сейчас можете быть свободны.

Козырнув Верховному, мы вышли, и, уже идя по коридору, Stanisлав предложил:

– Ну что, может, сейчас ко мне? Вы не против? Я думаю, у нас друг к другу будет масса вопросов.

– Пойдемте. Мне всегда было интересно, как именно творится пропаганда.

– Пропаганда? – Тверитин ухмыльнулся и, открывая передо мной дверь в отведенную ему комнату, спросил: – А вы знаете, что это такое?

Вот так провокационно началась наша первая беседа. Правда, через полчаса мы уже договорились перейти на «ты», но общий накал снизился лишь после того, как основательно «прощупали» друг друга. И поэтому после чая разговор пошел гораздо более доверительный и человечный. А собеседник он оказался – обалденный. И знаний у парня было просто выше крыши. Знаний и упорства в достижении поставленных целей.

– Я чуть больше чем полгода назад был назначен на эту должность и пришел в ужас,

когда увидел, что творится в идеологическом секторе! – Стас махнул рукой, рассыпая пепел. – Догадывался, предполагал, но никак не рассчитывал встретить такое... Это же ни в какие ворота! Болото, по-другому состояние дел не назовешь. Те, кто должен отвечать за идеологию, настолько обленились и обросли жиром, что ни о каких изменениях и слышать не хотели! До них просто не доходило, что с двадцатых годов все очень сильно поменялось! А в идеологии ведь очень важно не только понимать текущий момент, но и моментально реагировать на него. И не только в идеологии, а и в экономике. Ведь не зря товарищ Сталин начал проводить экономические преобразования. А пропаганда должна действовать гораздо быстрее и объяснять все нововведения с выгодной для государства точки зрения.

– Это точно. – Ткнув папиросой в переполненную пепельницу, я ухмыльнулся. – После речи Верховного бойцы начали трясти замполитов, требуя объяснений и толкований, а те сами ни ухом ни рылом. Тупо зачитывали спущенные сверху распоряжения, а вот чтобы доступно объяснить начавшиеся реформы, так это получалось буквально у единиц. А остальные просто бздели и при зачитывании утвержденного текста только что в обморок не падали. Кстати, насчет «утвержденного» – я сам был свидетелем, как один замполит полка, волнуясь, интересовался у своего дивизионного начальства: не является ли присланная бумага вражеской провокацией. А уж на вопрос бойцов: «Так это что – почти что новый НЭП?», заходились криком и пенились, как огнетушители. Уж больно резко сменилась линия партии и, как сказал бы незабвенный основоположник ленинизма – твердокаменным большевикам это как серпом по одному месту.

Стас кашлянул и, странно глядя на меня, вклинился в монолог:

– М-да... Хорошо, что Иосиф Виссарионович меня предупредил...

– Насчет чего?

– Насчет того, что у товарища Лисова весьма своеобразное отношение как к партии, так и к отдельным ее представителям.

Я покладисто согласился:

– Не переносу замполитов. Нет, и среди них нормальные люди встречаются, но мне они попадались крайне редко. В основном стукачи, которые только и могут, что тупо цитировать заранее написанные и спущенные сверху цидули. При этом, не отступая от текста ни на одну запятую. А если вдруг сами что-то напишут – для доклада там или выступления, то речь будет состоять из одних штампов и лозунгов...

А про себя подумал, что Тверитин, наверное, опупел, когда услышал мою характеристику из уст вождя. Да и я, когда очередной раз, уже после опросов, со Сталиным говорил, честно говоря, забздел основательно. Тогда, помню, после страстного монолога, где я, войдя в раж, крыл всех и вся, Верховный, отложив трубку, долго смотрел на меня немигающим взглядом, а потом подвел черту:

– Слушая вас, я очередной раз убедился, что вы, товарищ Лисов, не только авантюрист, но еще и ярко выраженный антикоммунист.

Похоже, вид у «товарища Лисова» после этих слов, звучавших, как приговор, стал несколько бледноватый, так как Виссарионыч негромко рассмеялся и продолжил:

– Но это делу не помеха. Нам остро необходим критический взгляд на наши недостатки, да и антикоммунизм ваш больше наносной, и я думаю, со временем он пройдет. А если даже не пройдет...

Тудыть твою в качель, вот как я ненавижу подобные паузы, которые Верховный умеет держать мастерски. А если учесть весьма скользкую тему разговора, то седых волос за эти секунды у меня прибавится в разы. И хоть собеседник знает про то, что смерти я не боюсь, и знает причины этой небоязни, но один черт – страшно! Ведь страшит даже не смерть, а возможное разочарование в этом человеке.

Но Иосиф Виссарионович, как будто подслушав мои мысли добавил:

– Если не пройдет – тоже ничего страшного. Вы за эти годы уже поняли, что товарищ Сталин вовсе не такой людоед, как про него говорили в вашем времени. И я совсем не хочу вас в этом хоть как-то разубеждать и подвергать репрессиям за честно сказанные слова и

обозначенную гражданскую позицию. Только поверьте мне – ваша позиция будет меняться. Вы ведь на своей шкуре почувствовали, что такое капитализм в самом антигуманном его проявлении, и до вас постепенно дойдет, что нашему, социалистическому, пути развития – альтернативы просто нет. Только не надо путать военный социализм и то, что мы в ближайшем будущем начнем строить. Я думаю, лет через семь-восемь мы вернемся к этому разговору, и я с удовольствием послушаю ваше изменившееся или... или не изменившееся мнение.

Так что после того разговора все эти намеки, озвученные главным пропагандистом, мне по барабану. У меня, считай, карт-бланш от самодержца, поэтому хоть как-то менять свое отношение к зажавшимся аппаратчикам я начну только тогда, когда они сами начнут меняться.

Хотя... вот этот идеолог, похоже, вполне нормальный мужик. С тараканами, конечно, все поймать меня пытается, но это нормально. В нашем деле по-другому не выжить, какой бы ты замечательный ни был. Да и видимся мы первый раз, поэтому вполне понятно его желание разъяснить собеседника, насколько это возможно. Ведь он прекрасно понимает, что весь наш разговор будет доведен до Колычева. Просто потому, что так положено, исходя из специфики моей службы. И я прекрасно знаю, что Стас в свою очередь поделится со Сталиным.

А так как нам вместе еще пахать и пахать, то друг к другу притираться надо полюбому. Только сейчас он меня опасается гораздо больше, чем я его, поэтому и пытается нащупать ту степень доверия, которая вообще возможна в нашей ситуации. Ну да ничего! Пару-другую кило соли вместе съедим, и все устаканится. Его бы в мою группу и в дальний рейд, там бы мы быстро снюхались. Но такой экстрим невозможен, так что все будет зависеть только от времени.

А Тверитин тем временем продолжал:

– Что же касается так нелюбимых тобою партийных работников... А ты учиываешь, что у них нет права на ошибку? Вообще нет! Авиаконструктор, к примеру, если сильно ошибется, то максимум, что ему грозит, так это «шарашка». А если ошибется партийный работник? Ведь не зря про них говорят: «Открыл рот – рабочее место готово».

– Говорят как раз таки про «закрыв рот»...

– Это непринципиально. Так вот, если этот рот хоть в чем-то ошибется при донесении идеи партии, то пощады не будет. Поэтому люди в основном просто боятся допустить ошибку. Но в чем-то ты прав – очень мало осталось среди партаппаратчиков по-настоящему инициативных людей. Ведь самое интересное, что были разосланы циркуляры и рекомендации по подготовке населения к реформам. Только срабатывали они через раз. Те, кто действительно горел своей работой, сделали все, чтобы информация сработала, как задумывалось. А остальные... им ведь ничего не надо. Только паек, власть и привилегии, на прочее – плевать. Нет, они делают свое дело, но очень косо, потому как превратились за эти годы в ярых конъюнктурщиков.

– Понятно, – откинувшись на стуле, я заложил руки за голову, – конъюнктурщики тебе не нужны. Тебе нужны креативщики.

– Кто?

Стас перестал вещать и несколько секунд шевелил губами, бормоча:

– Креатив... ага... созидание... творчество... Английское слово? Но ты опять прав! В этом деле нужны именно творческие люди, которые будут ежесекундно отслеживать настроения в обществе и моментально реагировать на все изменения на местах. Не с недельной, месячной или полугодовой задержкой, а именно моментально! И это ведь не только внутри страны делать нужно, но и по всему миру. Вот сейчас у нас задача – создание положительного образа СССР в глазах мировой общественности. Ну, пока мы немцев бьем, это делать довольно легко. Но ведь, насколько я знаю, после этой войны начнется «холодная война». А это значит, что из первой задачи вытекает вторая – не допустить «холодной войны». И мы уже начали работу в этом направлении.

Я заржал и ответил:

– Видел, видел, как америкосы за нашими портками охотятся.

– Во. – Тверитин поднял палец. – Это мелочи, но из таких мелочей и складывается идеологическое воздействие. В данном случае – пропаганда советских «невидимок» как самых сильных, умелых и страшных бойцов. Люди всегда тянутся к чему-то сильному и героическому, поэтому детали вашей униформы настолько популярны. Каждый хочет хоть как-то приобщиться к живой легенде. А вот, к примеру, на Тихоокеанский ТВД, где о террор-группах слышали только краем уха, но куда идут наши военные поставки, в стволы некоторых минометов вкладывается завернутая в ветошь бутылка водки. И записка, написанная женским или детским почерком. Что-то наподобие: «to dear american brother-in-arms». И это тоже капля на наши весы. А из таких капель и складывается мировое общественное мнение.

– М-да...

Я только удивленно крутил головой, слушая разошедшегося Стаса. Блин! А ведь действительно, вот так вот, по мелочи, по чуть-чуть, постепенно преподносить миру облик измененного Союза. Нас представляли зверями и дикарями, а что если все переиграть? Нет, варварами сразу нас считать не перестанут, но если это повернуть в свою пользу? Создать, так скажем, совершенно новый облик советского человека в глазах мировой общественности.

Когда я озвучил эту идею Тверитину, он только хохотнул:

– А мы что делаем? Видишь ли, я читал записи твоих опросов и понял одну интересную штуку. Если опустить наши природные богатства и территории, то знаешь, почему к нам такое отношение на Западе?

– Потому что они – козлы!

– Это тоже опустим... А к нам так херово относятся даже не столько из-за коммунистической идеологии, а просто из-за того, что мы – белые.

Я удивился:

– Это в каком смысле?

– В самом обычном. В смысле – цвета кожи. Внешне ведь мы ничем не отличаемся от европейцев, и они подсознательно ждут схожих с ними поведенческих реакций, а их нет! – Стас хлопнул себя кулаком по ладони, продолжая: – Нет, потому что у нас совершенно другой менталитет. СОВЕРШЕННО. И вот когда до них дойдет, что мы пусть и белые, но ДРУГИЕ, то отношение поменяется. Ведь, к примеру, к тем же японцам до войны не было никаких претензий. Да, делают харакири – несколько, конечно, варварское занятие, но это традиция и поэтому воспринимается европейцами спокойно. Кланяются безостановочно, орут как потерпевшие, едят всякую гадость. Но это совершенно никак не влияет на отношение, потому что европейцы внутренне к подобному готовы и воспринимают такое поведение как само собой разумеющееся. А вот по отношению к нам – влияет и еще как!

Хм... а ведь если подумать, то так оно и есть. Мордально мы действительно ничем не отличаемся, и иностранцы наших за границей начинают вычислять даже не по русскому говору, а по немереному потреблению горячительных напитков, купанию в фонтанах и яростным дракам с грабителями, которые тоже сразу не распознают в своих жертвах русских. Только когда пьяненький турист, вместо того чтобы покорно отдать кошелек здоровенному негру, начинает метелить этого самого негра, да еще и радостно материться, до грабителя доходит, что он круто попал, потому что нарвался именно на выходца из России.

Только вот как изменить это отношение, я не очень понимал. То есть конечная цель понятна, но вот как ее добиться? Спросил у Стаса. Тот, подумав несколько секунд, ответил:

– Вообще, разрабатывается очень обширная и комплексная программа. И для внутреннего применения, и для внешнего. Вот для внешнего мы просто начнем создавать образ русского. Вон, как в Штатах делают. Ты ведь можешь сразу ответить, как представляешь себе обычного, среднего американца?

– Могу, – я с готовностью выпрямился на стуле, – это жирная свинья, которая заботится только о собственном благополучии. Своих родителей он сдает в дом престарелых, а с детей, по достижении ими шестнадцати лет, начинает взимать плату за проживание в собственном доме. Науками не интересуется. Обычно умеет только писать, а с арифметикой уже полные нелады, поэтому даже элементарные вычисления делает на калькуляторе или компьютере. Носит чехол для дирижабля, ошибочно принимая его за футболку. Считает, что весь мир должен жить по его образу и подобию. Да, очень любит себя, гамбургеры и Макдональдс.

Тверитин, пока я говорил, слушал, приоткрыв рот, а потом, тряхнув головой, выставил руки вперед:

– Стоп, стоп, стоп! Я спросил не про будущего американца, а про настоящего. Сейчас, как ты себе их представляешь? Во что одеты и чем занимаются простые люди? Самый первый и самый яркий образ?

– А, вот ты о чем. Ну тут вопросов нет. Самый яркий образ это, конечно, ковбой в перьях. Весь такой загорелый, работающий и отлично стреляющий.

– Вот. Именно образ ковбоя в широкополой шляпе, узких саржевых брюках и с двумя кольтами является наиболее ярким символом Америки. А мы создадим образ советского человека.

Я ехидно хмыкнул:

– Строителя коммунизма? И кстати, то что ты назвал «саржевыми брюками», образованные люди обычно называют джинсами...

Стас на подначку внешне никак не отреагировал и ответил:

– Нет, идеологии в этом образе практически не будет. А для Запада обычный советский человек будет выглядеть приблизительно так: крепкий, здоровый, малость грубоватый и работающий. Под европейского денди его маскировать все равно бессмысленно, поэтому мы решили отталкиваться от американского опыта. Тем более что у нас много общего: огромные территории, многонациональность, множество неосвоенных земель. Так вот, русский одевается обычно в гражданский вариант разгрузки (уж если она сейчас настолько популярна, то грех этим не воспользоваться) и в удобные мешковатые штаны со множеством карманов. На ногах крепкие ботинки или полусапоги. Живет он в бревенчатой избе – эдакий коттедж из круглых бревен. Его жена или подруга, как правило, небольшого роста, но фигуристая и непременно с длинной косой. Скулы высокие, глаза большие. На ногах – сапожки. Носит юбку до колен, а если зима, то легкий полушубок отличной выделки. Оба – замечательные стрелки и в свободное от работы время любят поохотиться на медведя или внезапно напавшего врага. На такой случай русский держит дома автомат, а у жены стоит любовно ухоженная винтовка с оптическим прицелом.

Слушая Тверитина, я постепенно дурел, но увидев хитрющий блеск в его глазах, возмущенно завопил:

– Да ты меня прикалываешь, паразит такой! А еще – главный агитатор! Постыдился бы! Я ведь на секунду подумал, что ты это серьезно... И поэтому обалдел вконец...

Стас рассмеялся, хлопнул меня по плечу и примиряюще сказал:

– Ты первый начал... А я, конечно, шучу. Если бы все было так просто... Но кстати, я тебе озвучил один из вариантов, который среди десятков прочих разрабатывался нашей командой. Так что в каждой шутке есть только доля шутки. А вообще, – он мечтательно поднял глаза к потолку, – нам сейчас очень-очень не хватает телевидения. В смысле – не того экспериментального вещания, которое есть сегодня, а массированного внедрения под девизом: «Телеприемник – в каждый дом!». Ведь это получается наиболее действенный и мощный источник пропаганды. Конечно – грамотно подобранное движущееся изображение, да еще и с наложенным текстом может дать потрясающий эффект! Товарищ Сталин, разумеется, уже отдал распоряжение всячески форсировать работы в этой области, но ближайшие года два, до начала промышленного выпуска приемников и развертывания телесети, нам придется обходиться тем, что есть. И кстати, хотел задать тебе вопрос: ты,

наверное, напалмовые бомбардировки в своем времени видел только на экране?

Я удивился внезапной смене разговора, но честно ответил:

– Да. А откуда ты знаешь?

Завсектора, не отвечая на мой вопрос, тем временем задал следующий:

– То есть, когда предлагал свое изобретение, «вживую» работу напалма представлял слабо?

– Почему? – Этот вопрос меня даже слегка возмутил. – Я еще с детства помню, как при подготовке бойцов спецназа обливали напалмом стену здания, которое они должны были атаковать. Или старую технику им же поливали... Во где моща! Пирогель броню бэтэра прожигал, как воск! А для запаха туда еще тушки крыс кидали, ну чтобы пробрало посильнее и к реальности быть ближе. Кстати, именно из-за запаха я про напалм и вспомнил. Только непонятно, как ты угадал, что сами бомбардировки я только на экране видел?

Тверитин улыбнулся.

– Догадался. Просто мой друг был в объединенной команде, которая доводила до ума твоё предложение. Да... если бы ты им тогда под горячую руку попался, я бы тебе не позавидовал.

– А что не так?

– Ну... – Стас задумался, а потом ответил: – В общем-то, все не так. Мне это Савелий объяснил как специалист. Ведь сгущенный нефтепродукт применялся еще в Первую мировую войну и сошел со сцены именно в силу своей неэффективности. То есть, что касается площади и интенсивности поражения, он и рядом не стоял с обычными бомбовыми ударами. Ты, наверное, когда по телевидению результаты напалмовой бомбардировки видел, то был сильно впечатлен?

– Еще как – море огня и сгоревшие трупы.

– А в Крыму как было?

Почесав щеку, я ответил:

– Несколько не так, но эффект был сильный!

– Вот именно что – эффект, а не эффективность! И еще учти, что твой рецепт очень сильно доработали. И даже не столько его, хотя там специалисты превзошли самих себя, а именно способ применения. Ведь как вышло – когда сверху химикам-оружейникам спустили эту задачу, то они ее выполнили очень быстро и передали получившийся продукт летчикам. А те схватились за голову, так как отлично знали, насколько мизерный результат будет при его использовании. Ведь надо не только обработать напалмом территорию, но еще и попасть в нужную цель, а это практически нереально. Только сверху требовали результата, поэтому химики и летуны провели испытания, полностью подтвердившие их опасения. Когда же они обратились к товарищу Сталину, пытаясь объяснить бесполезность этой затеи, то им дали почитать боевое донесение летчиков, наносивших удар по румынским позициям. И данные разведки об эффективности этого удара. Да еще и пальцем недвусмысленно погрозили... Испытатели утерлись и стали думать, что же делать. Ведь вся загвоздка в том, что в первый раз его применили именно с «У-2»! А у него скорость и высота тогда были такие, что летчик мог сброшенной с самолета гайкой попасть в голову любому, на выбор, противнику. Только вот днем этот самолет можно сбить хоть из пистолета. Да и полезная нагрузка у «У-2» – мизерная. А при использовании огнесмеси с нормальных бомбардировщиков она становится практически бесполезной. Там ведь и скорость и высота совсем другие.

– Ага, как же – «бесполезной»! Я сам видел, как после бомбардировок с ТБ, фрицы пачками сдавались. И среди пленных – психов целая толпа была! Сошедших с ума от такой «бесполезности»!

Стас кивнул, соглашаясь:

– Конечно. Особенно если учесть, что была придумана новая тактика применения авиаударов специально для использования твоего боеприпаса. С летчиков ведь тоже спросят, если задача будет не выполнена. Вот поэтому так и действовали – первые волны ТБ несли напалм, а замыкающие самолеты отрабатывали обычными осколочно-фугасными бомбами,

которые накрывали выскочивший на тушение пожара личный состав. Да плюс эскадрильи «У-2», ночью точно работающие «жупелом» по обнаруженным днем опорным пунктам.

– Да ну... – Я, пребывая в сомнениях, покачал головой. – А как же вопли Геббельса о применении русскими бесчеловечного ОМП?

– А что ему еще было делать? Даже без напалма крымская группировка сдалась бы, просто на несколько дней позже. А тут – такое оправдание! Ведь на «генерала мороза» это поражение не спишешь – климат не тот, а вот спихнуть свое поражение на русское чудовищное оружие – в самый раз! И вспомни, тогда сразу же появилось множество очевидцев, которые рассказывали про «огонь с неба», до жути все приукрашивая. Но тут Геббельс сам себя перехитрил. Мы ведь впоследствии практически не применяли огнесмесь, именно в силу ее малой эффективности, но зато, когда для добивания почти сломленного противника, начинали обрабатывать его «жупелом», то он довольно часто «ломался» окончательно. Не из-за потерь, которые были гораздо меньше, чем при применении обычных бомб, а именно потому, что немцы психологически были готовы к панике при виде льющегося с неба огня. И право на эту панику им дал сам Геббельс своими завываниями о «бесчеловечном оружии». Единственное, где напалм себя показал очень неплохо, были вражеские аэродромы. Вспомни, сколько тогда самолетов сожгли, прежде чем немцы придумали новую тактику противодействия? Ну и в польских лесах, когда оттуда гитлеровских окруженцев выкуривали, он тоже был выше всяких похвал.

Е-мое! Я слушал Стаса, и уши у меня горели рубиновым огнем. Неужели все действительно так? Хотя сейчас, вспомнив все обстоятельства, я уже в этом не сомневался. Блин! Вот уж лопухнулся так лопухнулся! Только вот зачем он это все мне сейчас рассказал? Хочет отыграться по очкам и показать, что и они не пальцем деланные? Хм, похоже, тут другое. Похоже, Тверитин таким образом намекает, что я, конечно, могу вещать Кассандрой, но все сказанное мною вовсе не обязательно станет претворяться в жизнь, так как не является истиной в последней инстанции. Ну, в принципе, он где-то прав. И этот рассказ не является каким-то выпадом, а просто тонко обозначает границы будущих взаимоотношений. Я-то кто – простой времяпроходимец, да еще и с карт-бланшем от Верховного, а вот вся ответственность за грядущую совместную работу будет лежать именно на начальнике Управления. Угу – понятно... Понятно и принято. Единственное...

– А Иосиф Виссарионович про это знает?

Задав вопрос, я с напряжением ждал ответа, и Стас не стал томить.

– Знает. После операции в Крыму к товарищу Сталину на прием пришел главком авиации с химиками и они подробнейшим образом все ему объяснили.

Ну вот и хорошо. Раз Виссарионыч в курсе, значит, на это «чудо-оружие» не будет возлагаться неоправданных надежд. И еще – по логике разговора, если я прав в своих предположениях относительно поднятой темы, то главный идеолог теперь должен меня подбодрить и указать на плюсы, чтобы Кассандра от такого поворота не замкнулась и не стала бояться предлагать что-то новое. Интересно только, как он это будет делать? После столь сокрушительного облома, я бы, например, даже не нашелся, что можно хорошего сказать про «жупел». Но, чтобы дать шанс собеседнику, пробормотал:

– А мне он так ничего и не сказал...

И Тверитин не обманул моих надежд:

– Наверное, расстраивать не хотел. Но если говорить серьезно, чего ты переживаешь? Ведь главное – это конечный результат. А вот как раз он – самый замечательный! И пусть эффективность у предложенного тобою оружия маленькая, но ведь все твердо уверены в обратном. И это сделано не без помощи активной пропаганды! Ведь когда немцы несколько раз использовали сгущенный бензин против советских войск, психологический эффект был практически нулевым. А все потому, что наши солдаты были убеждены в том, что гитлеровцам не известен секрет нашего грозного оружия, и поэтому они смогли изготовить только его жалкое подобие. И эта убежденность у них появилась тоже благодаря нашему своевременному вмешательству. – Стас подмигнул и, закуривая очередную папиросу (мои

сигареты к этому времени уже закончились), сожалеюще сказал: – Все-таки очень не хватает телевидения. Мы бы так развернулись... Хотя еще перед прилетом сюда у меня появилась одна мысль относительно последнего дела вашей группы и освещения попытки поляков уничтожить американских летчиков.

Во как у человека язык подвешен! И нашел ведь слова! Недаром главным болтуном пригласили работать. Довольный, что правильно вычислил своего собеседника, я сказал:

– Стоп. Просто сразу хочу обозначить наши позиции в дальнейших взаимоотношениях. Окончательные решения принимаешь ты, потому что отвечаешь за них головой. Я, когда командование прикажет, буду при тебе просто прикомандированным советником. Ты меня можешь слушать, а можешь не слушать, так как, даже зная будущее, я могу ошибаться. Мысль понята верно?

Тверитин, удивленный резкой сменой разговора, пару секунд молча глядел на меня, а потом внезапно расплылся в широкой улыбке:

– Верно. И я очень рад, что ты это сразу понял, а то я, честно говоря, немного побаивался работать с такой неординарной личностью. И хотел, и боялся. Тому было множество причин. И, как мне кажется, ты все эти причины для себя уже разложил по полочкам.

– Разложил не разложил, но проникся. И субординации тоже не чужд, только на легкую жизнь все равно не рассчитывай. Если буду считать себя правым – спорить будем до хрипоты. Но последнее слово, конечно, за тобой.

Собеседник хмыкнул:

– А ты думаешь, сейчас у меня по-другому происходит? Команду-то я под себя подбирал... – И, удивленно покрутив головой, добавил: – Но как ты меня быстро раскусил. Я-то все думал, ну как же до тебя эту мысль довести, а ты ее первый озвучил.

– Не прибедняйся. Ты ее довел очень даже популярно – только тупой не поймет. И предлагаю – если уж мы определились в начальных взаимоотношениях, перестать друг друга осыпая комплиментами и заняться делом. Что ты там про кино говорил?

– Согласен! – Быстро переключившись, Станислав вскочил со стула и, меряя комнату быстрыми шагами, начал излагать свою идею: – Я вот все думал про «картинку» – и вот она «картинка»! Телевидения толкового пока, конечно, нет, но ведь есть кинематограф! Да, это требует больших затрат, но в данном случае овчинка стоит выделки! Вот скажи, как бы ты отнесся к совместному цветному советско-американскому фильму на эту тему?

– Чего-о-о?

– А что ты так изумился? Считаешь это невозможным? Зря! Рузвельт еще полтора года назад попросил Голливуд заняться производством фильмов о Советском Союзе. Ты что, «Миссию в Москву» не видел, или «Песнь о России»? А «Три русские девушки»?

Хм, вообще-то эти фильмы я видел. И полностью с них опупел. Одно дело, когда подобное кино делают у нас, но вот от америкосов я такого совершенно не ожидал. В той же «Миссии в Москву», снятой по книге Джозефа Дэвиса, дана просто потрясающая оценка политике СССР. В этом фильме руководители моей страны изображены не красноглазыми монстрами-людоедами, а наоборот: дальновидными, умными и взвешенными политиками. А уж когда я увидел и услышал, что американцы в своей картине оправдывают не только войну с Финляндией, но и договор Молотова-Риббентропа, то чуть не подавился семечками. Поэтому, после слов, что чистки конца тридцатых годов были направлены на улучшение безопасности страны в преддверии войны, я даже не удивился, так как удивляться было уже дальше некуда. Одна только мысль осталась: эх, сюда бы в кинозал, современных мне демократов посадить! Их бы точно кондратий хватил, если бы они узнали, как во время войны отзывались об СССР в «незыблемой цитадели демократии». Зато я понял – когда буржуинам действительно приспичит, то они готовы не только говорить правду, но и снимать о ней фильмы. Но когда надобность в России отпадает, то на Западе моментально

включают свою многоствольную говнометалку...¹

А Тверитин тем временем развивал свою мысль:

– Так что после выхода серии фильмов об СССР американцы неоднократно обращались к нам с просьбой, снять совместную картину. Последний раз, месяца полтора назад, от MGM поступали подобные предложения. Думали снять художественное кино о действиях наших террор-групп и их морских пехотинцев в Югославии.

Удивившись, я спросил:

– Это когда они совместно действовали? Тем более в Югославии?

– Никогда, но это роли не играет. Для них главное, чтобы в фильме присутствовали «невидимки» вместе с американскими солдатами.

– Понятно. А при чем тут наша последняя операция?

– Да как ты не понимаешь? Представь – мы ведь будем экранизировать практически реальную историю! За это любой сразу ухватится! И все будет показано как есть, разве что добавится история чудесного спасения русским «невидимкой» американской корреспондентки, к примеру из «Вашингтон пост», которая приехала на совместную базу освещать визит товарища Сталина и американского посла! Ну и конечно внезапно вспыхнувшая между ними страстная любовь, куда уж без этого...

Поперхнувшись от неожиданности, я заржал так, что чуть не кувыркнулся со стула, и сквозь смех выдавил удивленному Стасу:

– Любовь между Верховным и Гарриманом?! Да еще и страстная!? Ой, сейчас помру!!

Какое-то время Тверитин недоуменно смотрел на дрыгающего ногами собеседника, но потом, сам не выдержал и, рассмеявшись, ответил:

– Дурак, между нашим солдатом и американкой! А заодно будет показан не только военный быт, но и жизнь обычных людей – хуторян, которые всячески содействовали поимке врага.

– Может тогда сразу – колхозников? Ты ведь сам «пел» про идеологию?

– Нет, колхозники это перебор. В данном случае действовать надо гораздо тоньше. Идеология в таком фильме должна быть тщательно скрыта. Разумеется, она обязательно будет присутствовать, но практически незаметно.

– Это ты опять так шутишь? Я имею в виду – насчет фильма?

Стас пожал плечами:

– Какие уж тут шутки. Сейчас, по приезду, буду подключать наших сценаристов, режиссеров и выходить на американцев.

– Круто! А на главную женскую роль кого пригласишь? – Тут, представив себе фигуристых забугорных поп-див, я моментально перевозбудился и с жаром выдвинул свое предложение: – Кстати, про Мэрилин Монро ты ничего не слышал? Очень, очень советую! – Но следующая мысль заставила вернуться с небес на землю. – Хотя... Блин, отставить! Она еще скорее всего даже не актриса... Эх, жалко-то как!

Вспомнив душераздирающие формы главного секс-символа Голливуда, я в расстройстве шмыгнул носом и замолк.

Станислав, недоуменно покосившись на меня, спокойно ответил:

– Нет, про Монро не слышал. А вот на примете держу Кэтрин Хэпберн, Энн Севедж и Вивьен Ли. Предпочтительнее всего конечно же Ли.

– Ха, губа не дура! А она согласится?

Тверитин плотоядно оскалился:

– Куда она денется, если в этом будут заинтересованы ее работодатели?

– Ну тады – ой!

¹ Данные фильмы, снятые в Голливуде, имели место быть в реальной истории. – Здесь и далее примечания автора.

В общем со Стасом мы просидели почти до утра. Разговор шел то о задуманном фильме, то о подковерной возне как в правительстве, так и на местах, где было много недовольных новой линией Сталина, то о политике. Кстати, новый знакомый меня сильно удивил, сказав, что американцы, даже в случае железных доказательств участия англичан в попытке покушения, никаких особых действий предпринимать не станут. Да и мы слишком сильно давить не будем. Это, мол, просто нецелесообразно. Но зато те же америкосы могут здорово одернуть своих людей из демократической партии, которые всячески ратуют за Польшу. На поляков нам в данном случае плевать, главное, что будут опарафинены те, кто пропихивал Трумэна на пост вице-президента. Этот сенатор (не без нашей помощи) находится под следствием, но костяк его команды выбрал нового кандидата и сильно давит на Рузвельта. А тут вдруг такой козырь в руки старине Франклину. И, судя по всему, Рузвельт этот козырь использует на все сто.

Слушая Тверитина, я уже было хотел возмутиться насчет «нецелесообразности», но последние его слова заставили меня всерьез задуматься. Блин! А ведь действительно – мало ли наше правительство выражало недовольство действиями поляков? Но что пшки, что их английские друзья, на советское бурчание плевать хотели. И зная это, я периодически задумывался над конечными результатами всей проводимой операции. Нет, вычисление «крота» в верхних эшелонах власти – это, само собой, дело хорошее. Но вот дальше – зачем вся эта бодяга, да еще и проведенная с таким огромным размахом? Пусть даже все складывалось бы по первоначальному плану – то есть была бы предпринята массированная атака на аэродром крупными силами Армии Крайовой. Ну накрошили бы великополяков, взяли «языков», и что? Очередная нота? Может, пожестче, но по сути все останется, как и было. Нам сейчас, действительно, сильно ссориться с Англией смысла нет. А вот если принять во внимание слова Стаса насчет демократической партии... Может, в этом вся соль? Не допустить во власть тех, кто впоследствии развяжет «холодную войну». Епрст! Как интересно получается...

М-да, надо будет у Колычева поинтересоваться, прав я в своих рассуждениях или нет. Хотя, если он мне ничего раньше не говорил, то и сейчас вряд ли что скажет. Нарвусь только на очередное напоминание относительно секретности, и этим все дело закончится.

Пока я размышлял, Стас, широко зевнув, предложил:

– Ну что, может, закончим на сегодня? Как-никак, уже через четыре часа вылет.

– Согласен.

Поднявшись, я пожал руку Тверитину и, уже подходя к двери, полюбопытствовал:

– Слушай, раньше неудобно было, а сейчас вроде можно спросить – тебе где так фейс покоцало? На фронте, миной?

– В шахте.

От такого неожиданного ответа я только крикнул и удивленно уточнил:

– Так ты не только на журналиста отучился, а еще успел и шахтером поработать? Вот ведь никогда бы не подумал.

Стас криво ухмыльнулся:

– И я не думал, только пришлось-таки три года «давать стране угля» в шестом Особлаге. Самое смешное, что попал я туда за то, за что сейчас мне деньги платят да еще и нахваливают. А вышел в начале сорок второго по амнистии. Тогда очень многих выпускали. И так как поражение в правах практически со всех амнистированных было снято, то вернулся домой, в Москву. А дальше – фронт и работа корреспондентом «Известий». Потом – командировка к белорусским партизанам, где познакомился с Петром Мироновичем Машеровым. Познакомился и подружился. А еще через четыре месяца был отозван в столицу и вызван на Лубянку. Сначала перетрусил, но Петро объяснил, что наркому НКВД для какого-то важного дела нужны нестандартно мыслящие личности. И что, когда Машеров в разговоре с Лаврентием Павловичем озвучил несколько моих идей, то Берия очень сильно ими заинтересовался. У него ведь особый талант – находить нужных людей...

– Ого! Воистину судьба играет человеком – вчера зэк, а сегодня кремлевский житель. И главное, через кого?!

– Да, именно через Берию. Я же говорю – у него талант... И еще, если уж так разговор повернулся... – Стас как-то смущенно замолчал, а потом продолжил: – Когда товарищ Сталин мне про тебя рассказывал, то упомянул и о том, что ты по поводу арестованных говорил. Поэтому – спасибо тебе! Если бы не ты, я бы до сих пор на нарах парился. И тысячи остальных тоже...

Я в смущении чуть не шаркнул ножкой.

– Чего уж там. Если что – обращайтесь еще!

Тверитин рассмеялся.

– Ну уж нет! Теперь «если что» не будет! Я это точно знаю! Все ведь меняется, неужели ты не чувствуешь?

Демонстративно понюхав воздух, я ответил:

– Вроде ничем не пахнет...

Не обратив на мое ерничанье никакого внимания, собеседник продолжил:

– Ничего, почувствуешь еще! А вообще, конечно, странно: кто бы мне в Особлаге сказал, что начнутся такие перемены, и я буду говорить с пришельцем из будущего... Это ведь фантастика!

– А то, что бывший зэк станет главным идеологом – это не фантастика? Вот то-то! – После чего, окинув гордо-шутливым взглядом Стаса, добавил с грузинским акцентом: – Так випием же за кибернетику!

– Что?

– А, – я махнул рукой, – не обращай внимания. Это из одной старой комедии, которую еще не сняли.

– Да, кстати, про комедии, трагедии и все такое прочее. До тебя, конечно, это доведет товарищ Колычев, но сразу предупреждаю – готовься. Я все знаю насчет песен и теперь заранее говорю: относительно кинофильмов будет то же самое. Только не надо делать такие испуганные глаза – тебя к киноаппарату никто ставить не собирается. Просто будешь надиктовывать сюжеты. Все, какие вспомнишь. И это относится не только к кинематографу, но и ко всей сфере искусства. Как советской, так и иностранной. Да и у технарей, насколько мне известно, к тебе множество вопросов опять накопилось...

Вот зараза, как знал, что просто так с меня не слезут. Только увидел эту хитрую, очкастую морду, так и понял – приехали. Этот – не отвяжется, пока своего не добьется! Интересно только, что за вопросы ко мне со стороны ученых появились, я ведь вроде все рассказал, о чем знал и не знал? Хотя Гусев как-то говорил, что даже во время глубокого гипноза многое можно пропустить просто потому, что оператор не знает, какие именно вопросы задавать. А пациент может о чем-то и не вспомнить, считая это само собой разумеющимся. Вон, как с шариковой авторучкой вышло...

Я про нее уже после всех гипнотизеров просто в разговоре вспомнил. Хорошо, Колычев обратил внимание на мои слова. Оказывается, патенты на эти шариковые ручки уже всю выдавались, но сами ручки были полным отстоем. Паста в них либо засыхала, либо вытекала, пачкая одежду. И над их усовершенствованием трудились лишь отдельные энтузиасты. А когда я сказал, что именно шариковая ручка является основным пишущим инструментом моего времени, то за ее доводку посадили целую лабораторию. И результат не заставил себя долго ждать – буквально через три месяца появилась не мажущая и не засыхающая паста. СССР получил на это изобретение новый патент, и теперь шариковые ручки активно используют авиационные штурманы и крупные партаппаратчики. Правда, этих суперпопулярных новинок еще мало, но, по слухам, строится целый завод с закупленными за валюту станками, так что в ближайшем будущем Союз их и на экспорт поставлять начнет. Да еще и с разноцветными пастами! На этой ниве даже советские частники стали рубить свою денюгу малую. То есть совсем не малую, но вот как завод построят, так и цену можно будет сразу снижать, а частникам скорее всего останется ниша по изготовлению особо

эксклюзивных или подарочных авторучек.

М-да... и, исходя из этого, гадать, что именно от меня понадобилось технарям, можно до морковкиного заговенья. Поэтому, с трудом удерживая зевок, я сказал Тверитину:

– Вот когда командование прикажет, тогда и начнешь меня третировать. А пока у нас своих дел по горло. Война-то еще идет...

– Той войны – на месяц осталось, а сейчас вся страна уже вовсю переходит на мирные рельсы. Поэтому я и говорю – готовься.

– Ладно, – все-таки не удержав зевок, я передернулся всем телом, – пойду готовиться. Спать осталось всего ничего, а завтра, я так думаю, еще тот денек будет!

И, пожав руку красноглазому от недосыпа Стасу, пошел к дежурному требовать машину.

Глава 2

– А теперь главный приз – а-а-автомобиль!

Нет, разумеется, вслух никто ничего подобного не говорил, только у меня в ушах почему-то звучали именно эти слова. Причем сказанные голосом Якубовича с соответствующими зазывно-истерическими интонациями. А все потому, что перед нами на плацу стояли пять поблескивающих светло-серой краской «Побед». Самых настоящих, которые я видел еще в раннем детстве. Только здесь это были не побитые временем и дорогами рыдваны, а новенькие, еще пахнущие свежей краской машины.

Колычев гордо, как будто он сам приложил руку к их изобретению и выпуску, посмотрел на наш строй и, царственным жестом протянув руку, предложил:

– Ну что, товарищи, можно приступать к осмотру! Разойдись!

И мы разошлись... Ух как разошлись! Сгрудившись возле ближней машины, бойцы спецгруппы моментально открыли все, что открывается, и только что не начали отвинчивать все, что отвинчивается. Стоящее неподалеку и с улыбкой глядящее на нас начальство на своем месте оставалось буквально несколько минут, и вскоре потерявший всякую генеральскую выдержку Гусев уже торчал из-под поднятого капота и возбужденно говорил подошедшему наркому НКВД:

– Иван Петрович, вы только посмотрите! Какая компоновка! А двигатель?! Не четырех-, как на основном выпуске, а шестицилиндровый, и, как мне сказали, форсированный, аж на девяносто лошадок! А стеклоочистители? Смотрите, смотрите они ведь не механические, не пневматические, а электрические! – В этот момент замигал правый поворотник, и восторженно подпрыгивающий командир обратил на него внимание: – О! И указатель поворота – электрический!...

В общем, Серега тараторил без передышки. Я тоже внес свою лепту и, выныривая из-под переднего крыла, добавил:

– У нее еще и кузов несущий!

Ползающий рядом Гек в этот же момент завопил:

– Козырев, собака злая, прекрати крутить руль, ты мне чуть голову не прищемил!

Только Змей на его крик внимания не обратил и продолжал активно вертеть баранку, имея при этом вид пятилетнего пацана, которому подарили давно вожделенный велосипед. Искалиев, сидящий рядом с Женькой, выглядел не менее восторженным. Расположившись на переднем диване, он периодически дергал и нажимал рычаги и кнопки на приборной панели, искренне радуясь, когда после очередного нажатия происходило какое-то действие. Особенно его умилил потолочный плафон, выключателем которого Даурен щелкал с искренним наслаждением.

Глядя на это, я заметил:

– Слушай, Марат, а тебе не кажется, что если Змею вместо автомобиля отдать только баранку, Жану – потолочную лампочку, а Геку – передний амортизатор, их счастье ничуть не уменьшится?

Собеседник кивнул:

– Еще как кажется. Да у них с позавчерашнего дня, когда в Кремле награды получали, этого самого счастья – полные штаны. До сих пор не очухались от эйфории.

Я хмыкнул:

– А сам?

Шарафутдинов непроизвольно покосился на новенький орден Ленина, весьма органично вписавшийся в его «иконостас», и ухмыльнулся в ответ:

– Я-то ладно, а вот ты что теперь делать станешь? Дважды Герою положен бронзовый бюст на родине. А ты даже имени своего настоящего не помнишь, что уж говорить про место рождения... Где бюст теперь ставить будут?

В этот момент к нам неслышно подошел Гусев, оторвавшийся наконец от созерцания «ГАЗовского» шедевра, и спросил:

– Чего это вы тут шепчетесь?

– Да вот, Шах интересуется куда бы мой бюст, – я изобразил руками арбузные груди, – присобачить? Лично я думаю – пусть возле нынешнего дома ставят. Во всяком случае, если увижу, что мой благородный профиль слишком сильно засижен голубями, всегда смогу протереть!

Но Колычев, который услышал мою реплику, обломил:

– Никаких голубей. Он будет стоять в УСИ. Нам лишняя популярность не нужна, а там ты его всегда сможешь начистить до блеска. Я даже специальную бархотку для такого дела выделю!

Шмыгнув носом, с деланной обидой я ответил:

– Вот всегда так! Как другим, так памятник на родине, а как мне, так бархотку. И вообще – если я в УСИ буду стоять, то там меня дневальный каждый день полировать будет! Лично за этим прослежу!

Сергеа хохотнул:

– Ага, и так до тех пор, пока у тебя морда, как на старых монетах, не сотрется вконец!

– Это в тебе зависть говорит – у тебя только одна Звезда, а у меня уже две! И вообще, товарищ генерал-полковник, я хотел бы очередной раз обратить ваше внимание на недостойное поведение товарища генерал-майора! – Колычев вопросительно приподнял бровь, а я, обличающе выставив палец в сторону подхихикивающего Гусева, доложил: – Когда мы уходили на последнее задание, командир особой группы Ставки собрал у нас документы, награды и личные вещи. А когда вернулись, то сказал, что ничего не брал и вообще нас первый раз в жизни видит! Ладно бы он один раз такое сотворил, но подобное практически постоянно происходит! И если документы с орденами Гусев со скрипом еще возвращает, то личные вещи – никогда! Согласитесь, это ведь не дело?

От такого поворота рассмеялся даже обычно невозмутимый Марат, а Иван Петрович, вздохнув, проговорил:

– Ну Лисов! Вот как ляпнет – хоть стой, хоть падай! Хотя, честно говоря, я твои перлы в блокнотик записываю. Вот выйду на пенсию – издам книгу анекдотов. Только ты за языком все-таки следи.

– А что такое?

– Что такое? – Тут Колычев закипел с полоборота и приказал: – А ну, за мной! – И направился в сторону небольшой трибуны, стоящей в отдалении. Дойдя до нее, он продолжил свой наезд: – Да у меня рапортами на тебя уже шесть папок заполнено! Такое впечатление, что интуиция тебе не только полностью заменила мозг, но и начала давать сильные сбои! Ты хоть иногда думай, когда, что и кому говорить! И вообще – хочу задать тебе вопрос: для тебя в этой жизни хоть что-нибудь святое осталось?

– Иван Петрович, да что случилось? Что я опять такое страшное сказал? А главное – кому?

– Не «Иван Петрович», а товарищ генерал-полковник!

– Виноват!

Вытянувшись по стойке смирно, я задрал подбородок и решил молчать, пока командир не выговорится. А Колычев, неожиданно успокоившись, как-то грустно сказал:

– Я понимаю, почему ты такой циник, но неужели ты не понял до сих пор, как люди относятся к Владимиру Ильичу Ленину?

М-да, вопросец... Но вот к мумифицированному жителю мавзолея народ действительно относится с огромным пиететом. Я, когда с этим столкнулся, очень удивился, что «старика Крупского»² боготворят не меньше, а может даже и больше, чем самого Сталина. Для меня он – ну мумия мумией, а вот для подавляющего большинства других... И если даже про Виссарионыча ходили, пусть и рассказывающиеся с большой оглядкой, анекдоты, то про Ленина их не было. Наверное... Во всяком случае – я пока не слышал ни одного. И как-то за три года пребывания здесь вообще счастливо избегал этой темы, никак не затрагивая язвительными словами личность основоположника.

Только сейчас я, кажется, начинаю понимать гнев начальства. Вот надо же было такому случиться, что буквально на днях рассказал Гусеву творчески переработанную лубочную байку из жизни сушеного вождя. Я ее еще в начальных классах читал, но в дополненном виде она мне понравилась гораздо больше... Да еще и вышло так удачно – Серега как раз вспоминал о сравнительно недавнем визите начпо 23-й армии Голованова, который Ленина видел живьем и до сих пор, по прошествии стольких лет, страшно гордился самим фактом этой встречи. И не просто гордился, а при каждом удобном случае не упускал возможности оповестить окружающих об этом эпизоде своей биографии. Даже мне, помнится, удалось послушать из уст начальника политотдела песнь о «самом человечном человеке». Тогда я сдержался, а когда Серега напомнил о Голованове, эта байка выскочила из меня сама собой: мол, сидя в Петропавловской крепости, незабвенный Ильич из хлебного мякиша сделал чернильницу, из молока чернила, а из соседа по камере – Надежду Константиновну Крупскую...

Гусев от такого пассажа на несколько секунд остолбенел, а потом начал вопить, словно заводской гудок. Но так как ругаться приходилось шепотом, то, видимо, оральное воздействие посчитал недостаточным и при первом же удобном случае стукнул Колычеву. Поэтому теперь, отвечая на вопрос Ивана Петровича, я возмущенно сказал:

– Как относятся – знаю. Не надо держать меня за идиота. И свои слова я тщательно фильтрую. Во всяком случае – гарантирую, что в доносах на меня нет ни одного реального факта, а интонации к делу не пришьешь! Но даже если и высказывал какие-то мысли, показавшиеся доносчикам крамольными, то опять-таки эти мысли ни в коем случае не шли вразрез с новой политикой партии. При других раскладах я бы узнал о ваших папках не сейчас, а гораздо раньше. А с Гусевым я еще поговорю! Мало – сам голосил как припадочный, так еще заложил лучшего друга и глазом не моргнул! У, кровавая гэбня, пицотмильонов лично замученных...

Последние слова я пробурчал совсем уже под нос, но нарком услышал:

– Чего? Какие пятьсот миллионов? Ты о чем?

– Да так, присказка будущих демократов... А вообще, Иван Петрович, я ведь все понимаю и палку стараюсь никогда не перегибать. Понимаю даже, почему Серега вам передал мои слова. Мне ведь в ближайшем будущем придется плотно контактировать с Тверитиным и его командой. А так как все что связано с идеологией по умолчанию – сильно мутное дело, то Гусев за меня испугался и решил с вашей помощью сделать необходимую накачку. Чтобы я не особо зарывался. Поэтому сейчас официально хочу сказать: товарищ генерал-полковник, никаких «левых» мыслей пропагандисты и вообще посторонние люди от меня не услышат. И я сделаю все, чтобы в ваши папки не попали дополнительные стукаческие бумаги!

Видимо, я был прав в своих предположениях, так как взгляд у Колычева изменился, и

² Старик Крупский (анекд.) – В. И. Ленин.

он уже не грозно, а насмешливо проговорил:

– Зарекалась лиса кур воровать... Но ты, действительно, будь крайне осторожен. Мало ли что и как повернется. Поэтому постарайся, чтобы при работе с новыми людьми к тебе не было никаких нареканий.

– Постараюсь, товарищ генерал-полковник!

– Ладно, ладно, хватит тянуться, – нарком улыбнулся и кивнул в сторону машин, – ну как тебе «ценные подарки»?

– Отличные машины! Только я свою до ума еще доводить буду.

– Ну это понятно. Хотя... а что именно сделать хочешь?

Я глянул на серенький автомобиль и твердо сказал:

– Внутри еще не лазил, поэтому сказать тяжело, но вот относительно внешнего вида... В первую очередь – покрасу в яркий цвет. Скорее всего, в красный. А то у нас все машины черного, белого и зеленого цвета. Или как вот эта – блеклого. Скучно... А потом, может быть, даже крышу спилю и получится кабриолет! Это будет круто – ярко-красный кабриолет!

Иван Петрович удивился:

– А не слишком ли? В смысле – не слишком ярко для машины?

– Так в этом вся фишка! Да и по яркости, честно говоря, глаз стосковался. В армии все или зеленое или пятнистое. На гражданке почти так же. Начиная одеждой и заканчивая техникой. А тут – войне конец, все радуются, и моя бибика как дополнение салюта! Просто камуфляж и темные тона вот тут уже сидят, – я провел рукой по горлу, – и, думаю, что не только у меня. На улице же единственное яркое пятно – это трамвай. Вот и хочу внести новую струю.

– Хм, возможно, ты и прав...

Колычев задумался, а я, глядя на него, прикинул, что, вполне может быть, мои слова теперь будут обсуждать на самом верху, и, возможно, недолго моя яркая машина будет оставаться редким зрелищем на улицах Москвы. Если, конечно, не начнут экономить на красках... Ну да там видно будет, а сейчас, кивнув в сторону шеренги автомобилей, я подмигнул собеседнику:

– Что, Иван Петрович, может прокатимся? По Москве да с ветерком?

Тот в ответ покачал головой:

– Нет, это без меня. Дел много, так что как-нибудь потом покатаешь. Мы с Гусевым сейчас уезжаем, а вы – развлекайтесь. Но учти – ты у меня должен быть к шестнадцати ноль-ноль.

– Есть к шестнадцати ноль-ноль!

Я козырнул и пошел к ребятам, а минут через десять мы, разместившись в двух машинах, уже летели в сторону Красной площади. Ну летели – это сильно сказано, но до сотни свой пепелац я разогнал влегкую. Правда, Гек, сидевший за рулем второй тачки, начал отставать, поэтому я сбросил скорость до семидесяти и принялся просто глазеть по сторонам, краем уха слушая болтовню Марата с Жаном и вспоминая те события, что произошли с нами за последние дни. А этих событий хватало...

* * *

Началось с того, что, когда мы прилетели в столицу, неожиданно встал вопрос о размещении. То есть в гостинице нам забронировали номера, только эту самую гостиницу мы с Геком отвергли в два голоса. Он зазывал к себе в гости, а я к себе. В конце концов мы разделились, и к Лехе поехали Искалиев с Козыревым, а ко мне Шарафутдинов с Гусевым. Пучкову было проще – у него были весьма хозяйственные сестры, а вот у меня... Из всех спальных мест у меня была казенная кровать и не менее казенный диван, на котором мог поместиться только невысокий Марат. Когда Серега понял, что спать ему, скорее всего, придется на полу, он начал стонать и ругаться. Но управдомша, у которой я хранил ключи,

во-первых, растаяла от встречи со мной, а во-вторых, увидев настоящего генерал-майора, который пыхтел от возмущения из-за бытовых неурядиц, развила бурную деятельность. В общем, уже через пять минут нам была предоставлена никелированная кровать с шариками и комплекты постельного белья. Я расцеловал тетю Надю, а про себя подумал, что как ни крути, но мебелью, наверное, пора обзаводиться, а то и друзей разместить негде будет. Не побираться же постоянно? Да и с бельишком тоже что-то решать надо...

Тут мои мысли были прерваны громкими криками, и не успел я толком обернуться, как на меня налетел Игорь Селиванов. Он как раз на обед домой пришел, а тут глядит – дверь к соседу открыта и там какая-то сутолока. А среди толпящихся военных стоит Лисов собственной персоной! В общем, пока мужики таскали по комнатам кровать, Игореха, который уже избавился от костыля и завел себе протез вкупе со стильной тросточкой, вываливал на меня последние новости, главной из которых было то, что он женился! Потом он представил нам вышедшую на гам жену – высокую симпатичную девчонку, которая смущенно пожала всем руки и тут же пригласила пообедать с ними. Но у нас были свои планы, поэтому, договорившись встретиться вечером, мы на время распрощались. Только перед самым уходом Селиванов поймал меня возле двери и тихо сказал:

– Илья, ты там в прошлый раз у меня деньги забыл. Я понимаю, зачем ты это сделал. И хочу сказать спасибо – они меня тогда здорово выручили. Но теперь я совсем не студент, зарабатываю нормально, так что не вздумай отказываться взять деньги обратно!

– Не вопрос! – Я хлопнул Игореху по плечу и, подмигнув, продолжил: – Ты теперь инженер, да и вообще – неплохо устроился. Поэтому отказываться не буду. Но учти, с меня еще подарок на свадьбу! Его-то примешь?

Селиванов рассмеялся.

– Приму!

– Ну тогда – до вечера!

И, распрощавшись со старинным знакомцем, мы двинули к автобусной остановке.

А потом, уже на Красной площади, встретились с остальными ребятами. Глядя, как Змей вьется вокруг Ирины Пучковой, я только хмыкнул и, пихнув в бок Серегу, показал глазами на ставшего вдруг очень неуклюжим лейтенанта. Гусев, пожав плечами в ответ, выдал:

– А чего ты удивляешься? Они ведь почти год переписываются, как из пулемета. Козырев в Москву штук десять своих фото за это время отослал. И получил не меньше...

– Получил всего два, но, судя по всему, сейчас это роли не играет. Нет, ты смотри, смотри, как он ручку-то выгнул! И походка – будто лом проглотил! А морда какая!

– Не ори так, а то засмущаешь...

И командир, привлекая внимание, шагов с двадцати начал махать рукой. Но ребята заметили нас раньше и теперь, сойдясь плотной группкой, все незнакомые начали знакомиться. В смысле Серега и Марат были представлены Лешкиным сестренкам. И если Иришка чинно пожимала им руки и говорила все положенные слова, то Ольга, тут же начала восторженно ахать и кружить вокруг нас маленькой, шустрой рыбешкой. В конце концов, не выдержав, она обратилась ко мне и Гусеву с просьбой посмотреть награды. Как выяснилось, ее внимание привлекли моя Звезда Героя и Серегины ордена Суворова и Кутузова. Мы, смеясь, разрешили ребенку полюбопытствовать, и Ольга, тут же взвесив в руке Золотую Звезду, констатировала – «тяжеленькая» – и, погладив ее пальцами, переключилась на Серегу.

Ну оно и понятно – в Москве Героев хватает, и мелкая их созерцала неоднократно, так что теперь просто получила возможность пощупать медаль, а вот стилизованная звезда ордена Суворова, да еще и первой степени, это действительно редкость. Я в свое время сам обалдел, когда Гусеву такой орден обломился. У него ведь статут – закачаешься. Но на мои ехидные подначки насчет того, какую именно операцию фронтового масштаба разработал командир, он так и не ответил. Вместо этого только таинственно улыбался и намекал, что в

штаб он, в отличие от некоторых, работать ездил, а не водку пьянствовать. Поэтому сейчас Гусев является кавалером одной из самых эксклюзивных советских наград. Причем настолько эксклюзивных, что привлекает внимание даже маленьких девочек...

А Ольга тем временем, осторожно поковыряв ногтем платиновый профиль на рельефном фоне, вынесла вердикт:

– Все мальчишки теперь от зависти помрут! Ванька Лизачев хвастался, что он видел генерала с таким орденом. Но там был второй степени, а у вас первой! И он только видел, а я еще и трогала! – И тут же без перехода добавила: – Дядя Сережа, а вы к нам в гости не хотите зайти? В смысле сначала в гости, а потом просто во двор выйти? Я вам голубятню покажу...

Тут Ирка сердито дернула младшую за косичку и сказала:

– Как не стыдно! Скоро четырнадцать лет, а ведешь себя как ребенок! Делать больше товарищам командирам нечего, только твою голубятню разглядывать! Мало того что все утро перед мальчишками, братом и его друзьями хвасталась, так теперь что, продолжить хочешь?

Но Ольга на это никак не отреагировала, лишь раздраженно повела плечом, продолжая вопросительно смотреть на генерал-майора. И Серега не обманул ее ожидания:

– Обязательно приду. Все придем. Причем прямо сегодня. Вот погуляем и сразу к вам – голубятню смотреть. Я ведь сам – голубятник! Ты знаешь, какие у меня в детстве голуби были? У-у-у! И турманы, и нежинские, и агараны.

– А бородуны были?

– Конечно! У меня даже гривун был и гамбургский шиммель!

– Ух ты! А у нас еще есть чубатый и московский монах. Его Игнатка на мурого выменял. Хотели еще тучереза, но для меня больше ничего не подошло...

Слушая этот разговор, я несколько подвис. Блин, и говорят вроде по-русски, только вот непонятно о чем! То есть понятно, что про голубей, но про каких? Я все время считал, что голубь он и в Африке голубь – сизый, он же помоечный. Ну, может, еще пару видел, с перьями на лапках, и все. Да и перья эти считал просто мутацией из-за плохой экологии. А вот оказывается, что я полный лох в данном вопросе, и на самом деле разновидностей этих птиц – миллион. Обиднее всего то, что все окружающие разговор вполне понимают. Кивают согласно и завистливо щурятся. Вон, Даурен даже рот открыл, желая вставить слово, но трескотня мелкой не дает ему этого сделать.

И когда старший брат наконец оттянул разошедшуюся Ольгу от собрата по духу, и мы пошли гулять, я тихо спросил у Гусева:

– Не понял, ты что голубей разводил? И что с ними потом делали – ели?

Командир вначале поперхнулся от моего предположения, но, быстро взяв себя в руки, тихо ответил:

– С ума сошел – «ели»? Это увлечение такое. Хобби. Кстати – очень серьезное. Страсти среди голубятников до того доходили, что за украденного голубя вполне могли даже убить.

– Дети – убить?!

– При чем тут дети, – Серега махнул рукой, – этим ведь не только дети занимаются. Голубей держат и вполне взрослые люди, которые занимаются их обменом или продажей. И деньги в этой сфере крутятся просто сумасшедшие! Не знаю, как сейчас, просто не задавался этим вопросом, но вот в двадцатых, когда голод был, я одного очень редкого голубя поменял на два мешка картошки. Ни за какие деньги такой обмен бы не получился, а вот на голубей – пожалуйста. За счет чего семья и выжила. Только двух младших братьев сохранить не смогли...

Я смущенно вздохнул:

– Извини, командир, что напомнил... Просто никогда не предполагал, что вокруг этих птиц столько ажиотажа было.

– Почему – «было»? Он до сих пор есть, так же как и фанатики этого дела. А вообще, Илья, с тобой, похоже, пора ликбез проводить. Ты ведь кроме войны, считай, ничего и не

видел, а гражданская жизнь, в которой ты ни уха ни рыла, вот-вот начнется.

Ухмыльнувшись, я ответил:

– Проведешь, куда ты денешься...

Сказав это, я вдруг неожиданно сбился с мысли, так как увидел шедшего навстречу паренька, который с довольной физиономией облизывал какую-то белую шайбу, зажатую между большим и указательным пальцем. Вид шайбы поверг меня в смутное беспокойство. С чем-то она у меня ассоциировалась, да и сам способ ее поедания показался очень знакомым. Точно так же мы в детстве глотали мороженое из подтаявшего стаканчика – держа руку на отлете и изгибаясь всем телом, чтобы не обляпаться. А где я ее мог раньше видеть? М-м-м... вот! В фильме «Место встречи изменить нельзя» тот оперативник, которого почти сразу убили заточкой, ел точно такой же кругляш! Еще пару секунд я наблюдал за пацаном, который, увидев наши регалии, остановился и вытаращился на подходившую компанию. И когда мы подошли к нему ближе, я, убедившись в своих предположениях, завопил:

– Епрст! И вправду мороженое! Эй, малый, ты где его добыл? Да, да, вот это круглое в бумажке, где продается?

Мальчишка заулыбался и показал на очередь, голова которой упиралась в еле видную из-за кустов тетку с большущим ящиком на колесиках. Я не то чтобы фанат мороженого, но сей продукт не пробовал уже больше трех лет, и поэтому, разглядев на теткинском ящике нарисованного белого медведя с довольной мордой, громко скомандовал идущему впереди Пучкову:

– Леха, левое плечо вперед, направление на мороженщицу, шагом марш!

Гек, как будто давно ждал моей команды, и поэтому, даже не сбившись с шага, четко повернул, и встал в хвост очереди сразу следом за каким-то капитаном-танкистом. Кэп при виде нас подтянулся, козырнул и, заметив наши погоны, вежливо предложил встать впереди него. Мы не менее вежливо отказались, но люди в очереди, услышав наш разговор и разглядев мою Звезду, подняли гам и таки заставили нас пройти вперед к улыбающейся женщине, которая сначала с нами поздоровалась, а потом, следуя указаниям, начала оделять всех вожаками «шайбами». Стаканчиками тут и не пахло, поэтому она ловко орудовала каким-то поршнем. С интересом посмотрев, как это делается (а все было достаточно хитро: сначала в поршень закладывалась бумажка, потом вафля, потом мороженое, и снова вафля с бумажкой), я от жадности взял сразу три порции. Правда, немного не рассчитал скорость таяния, и поэтому, как ни изгибался, последний подтаявший кругляш все-таки накапал мне на сапоги, что меня, впрочем, ничуть не расстроило. То ли из-за долгого воздержания, то ли из-за рецепта, но мороженое показалось обалденно вкусным и, шагая дальше, я все оглядывался в поисках следующей продавщицы сладкого продукта. Но такой, к сожалению, больше не попалось, и в конце концов мы догуляли до Лешкиного дома.

Так как по пути заходили в ресторан при гостинице, то жрать не хотелось и, попив чаю в гостях у сестренки, мы вывалили всей толпой на осмотр голубятни. Ну это так предполагалось. На самом деле, едва выйдя во двор, наша компания попала в руки пятерым пацанам под предводительством Ольги, которые сначала сильно смущались, но потом разошлись и просто засыпали нас вопросами. Чуть позже их почему-то стало гораздо больше: уже человек десять. Я даже предположил возможное размножение почкованием, пока не заметил, как через отодвинутую доску в заборе к толпе присоединилось еще трое щеглов. А потом еще и еще...

В конце концов, оставив наших ребят разбираться с поклонниками, мы с Сергей и Маратом, поймали такси и поехали в магазин за подарком для молодоженов Селивановых. Какой ассортимент был в обычных магазинах я уже знал, поэтому приказал водиле ехать к появившейся благодаря начавшимся реформам новинке – комиссионному магазину. В Центральный коммерческий мы уже заходили: затарились по космическим ценам продуктами, которые там продавали без карточек, а теперь нужен был сам подарок как таковой. И в комиссионке наткнулись на то, что нужно: ножную швейную машинку

«Подолка». Решив, что это самое то, купили данное чудо советской промышленности и тут же столкнулись с проблемой: а как ее, собственно говоря, тащить до места? В такси она просто не поместится, а до багажника на крыше еще никто, видимо, не додумался...

Пока Гусев растерянно курил, я, прикинув расклады, вернулся в магазин и поинтересовался насчет средств доставки. Там на меня посмотрели как на идиота и только что не рассмеялись в лицо. Но форма и ордена подействовали, поэтому все-таки не рассмеялись и даже по моему требованию вызвали завмага. При виде небольшого человечка с характерным носом я сразу взял быка за рога и, поздоровавшись, выдвинул предложение:

– Послушайте, товарищ... Иосиф Яковлевич? Очень приятно! Я вам хочу подкинуть одну идею. Ни к чему вас не обязывающую, но способную принести неплохую прибыль.

Завмаг ухмыльнулся и про себя, видимо, подумал: вот ведь нахальный русский, вздумал учить еврея делать дела. Впрочем, на его физиономии это практически не отразилось, и сын Якова лишь нейтрально произнес:

– Я вас слушаю.

– В вашем магазине есть разные товары. В том числе и крупногабаритные. Человек, купив их, вынужден вызывать грузовое такси, и его оплата уже идет мимо кассы. А оно вам надо? Тем более что грузовых такси практически не осталось – все грузовики ушли на фронт. А отсутствие средств доставки является сильным сдерживающим фактором при покупке. И поэтому вот мой совет: заведите на свою сеть магазинов хотя бы одну полуторку. Во-первых, люди будут знать, что все делается централизованно, и нет нужды бегать по улицам в поисках машины. Во-вторых, будет проявлена явная забота о покупателях, а в-третьих, это все попадает под новую программу реформирования. Помните, как говорил товарищ Сталин: «Люди должны как можно скорее почувствовать начавшиеся изменения». И если вы выступите с таким предложением, я уверен, что вас обязательно поддержат в тресте. И более того: перед человеком, который на деле проводит новую политику партии и всячески претворяет ее в жизнь, откроются блестящие перспективы.

Завмаг от такого поворота поперхнулся и спросил:

– Молодой человек, а вас случайно не Остап зовут?

М-да, как он меня... Вот буквально парой слов показал свое отношение к приткому покупателю. Чувствуя, что как с речью, так и с машиной я явно пролетел, я пожал плечами и ответил:

– Нет, меня зовут Илья Иванович. А услуга, о которой я вам сейчас рассказал, очень скоро распространится повсеместно. В этом можете быть уверены. Но первым будете уже не вы... Счастливо оставаться!

Козырнув и уже повернувшись к выходу, я услышал:

– Подождите.

Подняв бровь, я остановился и посмотрел на завмага, на лице которого читались признаки внутренней борьбы. Впрочем, он довольно быстро с собой справился и сказал:

– Вы знаете, Илья Иванович, то, что вы сказали, для меня совсем не ново. То есть не ново для человека моего возраста, который еще нэп застал. Но вот у вас откуда такие запросы? По моему мнению, подобные претензии могут появиться у покупателя не раньше, чем лет через пять-десять, когда кооператоры и частные предприниматели развернутся полностью. А сейчас это даже странно слышать...

– Что именно – «странно»? То, что я хочу в магазин зайти как покупатель, а не как проситель? Нет тут ничего странного. Просто за свои деньги я рассчитываю получить нормальное обслуживание.

Барышня за прилавком еле слышно фыркнула:

– Ишь, барин какой выискался! А еще – Герой Советского Союза!

Но Иосиф Яковлевич только шикнул:

– Зинаида! – И, повернувшись ко мне, продолжил: – Не обращайтесь на нее внимания: новенькая, до конца еще не поняла специфику работы на частника. Но ничего – даст бог, поймет. М-да... Так вот я думаю, что, если линия партии не изменится и фининспекция не

будет перегибать палку, то достаточно скоро ваши требования станут нормой. А пока мы только начинаем... – Тут заведующий подмигнул. – Но про машину я уже думал и даже выносил предложение о ее покупке на собрании нашего кооператива.

– Во! Только сразу подумайте и насчет пары-тройки грузчиков, чтобы покупатели не на себе шкафы волокли. И оплату тем же грузчикам – сдельную, поэтажную...

После этих слов, видя понимающую улыбку Иосифа Яковлевича, я замолк, поняв, что он все эти нюансы знает дольше, чем я живу, и уже хотел распрощаться, но душевный торгаш остановил меня в очередной раз:

– Товарищ полковник, не спешите. Вы знаете, разговор с вами напомнил мне молодые годы... Это, скажу честно, приятное воспоминание... И, хоть у нас нет пока транспорта, я постараюсь вам помочь. Если вы подождете буквально десять минут, то я попробую договориться насчет грузовика со своим знакомым.

– Конечно, подожду!

После этого мы вместе с заведующим вышли из магазина. Он потопал куда-то в сторону, а я остался курить на крыльце, подозревая стоящих возле такси ребят. Пока я объяснял им ситуацию, возжеленная машина действительно нашлась. Причем прямо под боком, в соседнем магазине. Серега с Маратом только удивленно крикнули, когда увидели, что нас зовут во двор к грузовику, а Яковлевич уже на прощание поинтересовался:

– Илья Иванович, позвольте полюбопытствовать – а у вас мама не еврейка?

Я, пожав плечами, ухмыльнулся:

– Как-то не сложилось...

– Жаль... а очень, очень похоже...

– Внешне?

– Нет, хваткой и умением нравиться людям...

Гусев, который слышал последние слова, всю дорогу меня прикалывал, рассуждая о скрытых иудейских корнях в моей биографии. Веселился паразит такой на полную катушку! А когда мы уже выходили из такси, в котором ехали следом за полуторкой, подытожил:

– В следующий раз, чтобы тебе ненароком обрезание не сделали, машину возьмем в управлении.

– В какой еще «следующий раз»?

– Обыкновенный. Я, например, вовсе не собираюсь постоянно спать в одолженной кровати и приказываю, чтобы, когда ты меня опять пригласишь в гости, в квартире была нормальная обстановка! Хотя... мне кажется, очень скоро твое жилище полностью преобразится, хочешь ты этого или нет!

Я подозрительно покосился на командира:

– С чего бы вдруг?

Но Серега вместо ответа пихнул меня в бок и, показывая глазами на Шарафутдинова, который уже стоял в кузове, скомандовал:

– Чего рот открыл, помогай!

– Ты не пихайся, а тоже помогай – я ее один не удержу!

– Я продукты отнесу!

– Отнесешь, но сейчас оставь их в покое и держи этого монстра.

Гусев ругнулся и, свалив бумажные, перетянутые шпагатом пакеты на сиденье такси, решил-таки испачкать генеральские ручки. Выгрузив машинку и расплатившись с водителями, мы поволокли приобретение к Селивановым. А потом был гудеж...

Глава 3

Наутро, часов в восемь, начал трезвонить телефон. Я, закрыв голову подушкой, не шевелился, теша себя надеждой, что кто-нибудь из мужиков возьмет трубку. Ждал долго, а звонок тем временем продолжал разрывать мозг напрочь. В конце концов до меня дошло, что полутрупы в соседних комнатах вполне справедливо рассудили так: хозяева вовсе не они, и

поэтому ни в жизнь не встанут, чтобы заткнуть черную орущую коробку. Пришлось подниматься и брести в коридор. Там, сняв трубку и даже не задумываясь о последствиях (ведь этот номер знало очень немногих людей), рявкнул в нее:

– Какого х...?!!

На том конце пару секунд молчали, а потом вежливым тоном поинтересовались:

– Это квартира товарища Лисова?

– Ну Лисова. Слушаю...

Получив подтверждение, голос повеселел:

– Это я, инженер-майор Рябушкин, из ГАУ.

Рябушкин, Рябушкин... О, вспомнил! Мы с ним познакомились еще в Туле, куда я мотался по поводу гранатометов, а потом и ППС. Познакомились и даже сдружились. И в прошлом году тоже пару раз в столице пересекались. Только он тогда капитаном был... На всякий случай уточнил:

– Никита, ты что ли?

– Так точно!

– Во блин... – Осторожно пощупав голову, я продолжил: – Приветствую, дружище! А чего в такую рань звонишь?

– К-хм?

Еще раз глянув на часы, я смущенно ругнулся:

– Блин... вопрос насчет времени снимается. Но насчет звонка – остается. И откуда ты вообще знаешь, что я в Москве?

– Мне об этом Станислав Игоревич вчера сказал. Тверитин. Он же и номер телефона дал. Но вчера я звонил – никто трубку не брал...

Ощущая страшный сушняк, я вхолостую почавкал, пытаюсь избавиться от гадостного вкуса во рту, но, не преуспев в этом, продолжил задавать вопросы:

– Поздно пришли, вот и не отвечали... А Тверитина-то ты откуда знаешь? Хотя отставить... Ты в городе? Если да, то давай, заруливай! Отметим встречу. Адрес помнишь? Если нет, то записывай...

Я собрался говорить адрес, но собеседник перебил:

– Встретимся, это само собой! И отметим, конечно. Только я сейчас по другому поводу звоню – хотел тебя на полигон пригласить и одну вещь показать.

– Какую?

Рябушкин рассмеялся:

– Приедешь – увидишь! Но я намекну: помнишь такого – Германа Коробова? Ну которому ты еще подарил венгерский пистолет-пулемет?

– Как же – подарил! Да он тот ствол у меня нагло выцыганил! Все четыре дня, пока я на заводе был, он за мной на коленях бегал. А мне такой ПП больше ни разу не попадался – у всех мадьяр, которые мне позже встречались, другое оружие было... Так что Коробова помню!

Никита в ответ на мой спич, вежливо хохотнув, выдал:

– Он тут интересную вещь изобрел, я думаю, тебя заинтересует. Во всяком случае мне это изобретение очень понравилось!

Я поскреб отросшую за ночь щетину и предложил:

– Давай ты мне минут через тридцать перезвонишь, а то я что-то соображаю плохо. Какая вещь, куда ее совать, и вообще...

– Может, лучше сделаем так – я за тобой машину вышлю, а пока она приедет, ты уже точно проснешься.

– Хорошо. Через сорок минут буду готов. Хотя... если я не один приеду, а со своими парнями, это ничего?

– Нормально!

– Тогда засылай своего водилу.

Только я положил трубку и собрался идти умываться, как меня поймал хмурый и

заспанный Гусев, которого заинтересовала предстоящая поездка. Мол, куда, с кем и зачем? Пришлось объяснить, но не удовлетворившись этим, Серега, пока я умывался, куда-то позвонил и уточнил информацию относительно Рябушкина. После чего, позевывая и нагло вытесняя меня из ванной, информировал:

– Этот майор, пользуясь знакомством с тобой, своего друга-оружейника и его автомат хочет продемонстрировать.

– Интересно, а я тут с какого боку? Нет, полюбопытствовать, конечно, можно, но ведь не просто так он мне этот ствол показать хочет?

– А. – Гусев макнул щетку в баночку зубного порошка. – У них там свои трения и интриги. Сейчас, благодаря внедрению АК-43 верховодят ижмашевцы, а этот Коробов – из Тулы. Вот, видно, майор и решил тебя для дальнейшей косвенной поддержки задействовать. Он ведь в курсе, что ты личный порученец товарища Сталина и, даже несмотря на то, что ты не будешь входить в комиссию, твое одобрение нового автомата может сыграть свою роль в предстоящем конкурсе. Так что можешь съездить посмотреть, чего там демонстрировать будут. Тоа а э озу.

– Чего?

Командир, вынув щетку изо рта, более членораздельно пояснил:

– Я говорю – не поеду. Это вы фанатики оружия, а мне в наркомате к тринадцати часам надо быть. Поэтому бери Марата, и дуйте вдвоем. Да, потом, на всякий случай, мне письменный отчет предоставишь. – И, понизив голос и воровато оглянувшись на открытую дверь, поинтересовался: – А ТАМ ты про Коробова³ что-нибудь слышал?

– Нет. И не слышал, и не видел, и не знал.

– Ну все равно скатайся. Вдруг действительно что-то толковое покажут, а то сейчас в ГАУ все от Калашникова в восторге и никого другого практически не замечают.

– А зачем еще кого-то замечать? АК – лучший автомат всех времен и народов, лет на пятьдесят! Но посмотреть – посмотрю... Да и самому интересно.

Гусев кивнул и начал наяривать щеткой, а я пошел будить Марата.

Через сорок минут мы уже ехали в сторону полигона НИПСМВО. Причем время использовали с толком. Сначала поговорили с Рябушкиным, который закатывал глаза и причмокивал, описывая новый ствол, а так как ехать было достаточно далеко, то после хвalebных речей майора просто начали кемарить. И поспали хорошо – почти два часа. А потом нас тормознули на КПП, где после проверки документов пустили на территорию Центрального научно-исследовательского полигона. Немного покрутившись по дорожкам, машина подъехала к бетонному сооружению, чем-то похожему на крытую автобусную остановку, возле которого уже подпрыгивал в ожидании гостей сам изобретатель.

Выйдя и пожав руку Герману, я показал на кобуру со своим браунингом и сразу предупредил:

– Пистолет не отдам! Как не проси! – А потом улыбнулся, демонстрируя, что вышесказанные слова были просто шуткой, и продолжил: – Ну что, хвастайся, а то мне Никита уже все уши прожужжал про твой девайс!

– Про что?

– Про автомат... Где он, посмотреть-то можно?

– Конечно. – Коробов оживился и, показывая рукой на стол, стоящий внутри «остановки», пригласил: – Пойдемте, я буду рассказывать и объяснять.

Пройдя в помещение, он подвел меня к тому, что я сначала, опешив, принял за АК-104, который хоть и видел в свое время, но только на картинках. Во всяком случае внешне автомат был очень похож на него, наверное, более коротким, чем на обычных «АК»,

³ Герман Коробов (1913–2006) – конструктор-оружейник тульского ЦКИБ СОО. Разработчик многих моделей оружия. В том числе один из первых автоматов компоновки «Буллпап» (ТКБ-408), ТКБ-0111 (представленный на конкурс «Абакан») и ТКБ-517, который в некоторых параметрах ТТХ превосходил даже автомат Калашникова.

стволом. А Герман, отдав оружие, начал объяснять:

– После того как была разработана компоновка АК-43, я понял, что с целым штатом маститых оружейников тягаться не смогу. Да и изменить ту конструкцию – значило только ее усложнить, что вызвало бы нарекания со стороны приемной комиссии ГАУ. Вот я и подумал: для обычных войск АК-43 – это самое лучшее, что может быть на сегодняшний день. Главное – он прост и надежен! Да и призывник из какой-нибудь отдаленной деревни сможет его полностью освоить буквально за несколько часов. Но ведь у нас есть не только те призывники, которые после месячного обучения в запасном полку идут на фронт. У нас есть и те, которых учат от и до. Я говорю про осназ. И этим людям будет важна не только простота, но и остальные ТТХ оружия, такие как компактность, вес и высокая кучность стрельбы. Ведь много боеприпасов они с собой брать не могут, поэтому именно вышеперечисленные характеристики, а также, разумеется, надежность, не уступающая АК 43, будут для них решающими факторами. При этом я учел, что большая прицельная дальность оружия бойцам осназа не особенно нужна. Бой они обычно ведут либо в упор, либо на дистанциях, не превышающих триста – триста пятьдесят метров. Поэтому я счел возможным укоротить ствол автомата и на прицельной рамке теперь максимальная дальность не тысяча, а пятьсот метров. Но самое основное отличие моего автомата от АК-43 – это сбалансированная безударная система автоматики. Там стоит два газовых поршня, движущиеся навстречу друг другу. Вот, смотрите...

Герман взял у меня свое изделие, шустро откинул крышку ствольной коробки и начал разбирать оружие, попутно объясняя, что к чему и зачем. М-да... устройство, конечно, несколько сложнее «калаша» и, думаю, в производстве будет дороже, но я своих мыслей не озвучивал, решив, прежде чем сразу обламывать изобретателя, испытать его детище в действии. Вообще, действительно, на первый взгляд, за счет компенсации импульса движения затворного механизма, автомат не должно подбрасывать, что сразу улучшит кучность стрельбы, но пока это все – слова. Поэтому, дождавшись, когда Коробов выговорился и, собрав автомат, протянул мне его, я взял со стола стандартный магазин и, зарядив оружие, пошел на исходную.

А еще через минуту, когда боек щелкнул вхолостую, я, почесав затылок, удивленно пожал плечами и, вогнав в приемник следующий магазин, опять открыл стрельбу. Блин! Да что же это такое! Сколько воевал, но с подобным еще не сталкивался! При нажатии на спусковой крючок, приклад автомата как будто прилипал к плечу, и оружие практически не тряслось, посылая пули, поражающие мишени одну за другой. Когда же я перестал садить пяти-шестипатронными очередями и начал делать привычную отсечку по два-три выстрела, то дела пошли еще лучше. Появилась возможность не просто поражать мишени, а поражать их в какой-то определенной части, на выбор – в голову, в грудь, в ноги...

Расстреляв три магазина, я передал автомат стоящему рядом Марату и повернулся к Герману, который, увидев мою физиономию, даже рассмеялся от удовольствия и спросил:

– Ну как впечатления?

– Если честно – потрясен. Ничего подобного еще не видел! Чтобы стоя, с руки, да такие показатели... Уж насколько я стрелять умею, но блин, как говорится – почувствовал разницу! А складной приклад с демпферными накладками!? Плечо – вообще не набил!

Коробов опять улыбнулся и ответил:

– Еще надо учесть: у моего ТКБ-705 и АК-43 некоторые детали взаимозаменяемы, что значительно облегчит работу ружмастерам в войсках. А магазины, ствольные коробки, рукоятки, накладки так вообще полностью идентичны. Разумеется, предусмотрены места креплений подствольного гранатомета и ночного прицела. Только сразу хочу сказать – отсутствует возможность установки штык-ножа. Но ведь диверсанты в штыковую не ходят, правда?

Я только успел согласиться с этим предположением, как к нам присоединился Шарафутдинов, который был ошарашен не меньше меня. Так как Шах желал поделиться своими восторгами с изобретателем, я ему мешать не стал, а взял автомат и опять вышел на

рубеж стрельбы.

В конце концов, высадив с Шахом и присоединившимся к нам Рябушкиным в общей сложности чуть не цинк патронов и слегка одурев от пальбы, я, возвращая ствол оружейнику, твердо пообещал:

– Герман, если на испытаниях твое оружие по надежности будет сравнимо с автоматом Калашникова, то я сделаю все, чтобы автомат Коробова приняли на вооружение для снабжения спецчастей. И цена вопроса, в смысле стоимости изделия, тут не будет играть особого значения, так как хорошо подготовленному диверсанту и оружие необходимо соответствующее. А по моим предварительным прикидкам, оно будет соответствовать работе спецгрупп на все сто!

Судя по тому, как у собеседника загорелись глаза, именно эти слова он и мечтал услышать. А стоящий рядом и не менее счастливый Никита тут же предложил это дело отметить, совместив и встречу старых знакомых, и удачно проведенную демонстрацию. Только, посмотрев на часы, я вынужден был отказаться:

– Вы уж, товарищи, извините, но никак не получится. Нам еще возвращаться часа три, а завтра по плану – посещение Кремля, где все должны быть как огурчики.

Видя удивленные лица собеседников, пояснил:

– В Кремль – не на экскурсию, а за орденами. Нас ведь в Москву именно для этого и командировали.

– О! Тогда конечно! Поздравляю!

Мы по второму кругу пожали друг другу руки, только на этот раз поздравляли меня и Шаха, и, распрощавшись с Коробовым, опять загрузились в «эмку» и отправились в обратный путь.

В дороге обсуждали все увиденное и опробованное, а потом я поинтересовался у Рябушкина:

– Слушай, мне вот что-то интересно стало – Герман как-то невнятно сказал, а когда я у него хотел уточнить, ничего толком не ответил, что за толпа знатных оружейников АК-43 изобретала? Я думал, там только Калашников в основном отметился...

Никита сначала вскинулся, но потом покряхтел и нехотя ответил, стараясь обтекаемыми словами снизить реальный накал внутренних разборок:

– Когда весь наркомат вооружения во главе с наркомом начинает плотно курировать и опекать какого-то одного человека, то невольно возникает сомнение в том, что они не предоставляют ему доступ к каким-то революционным решениям, которые выдают другие мастера...

М-да... правильно Гусев утром сказал: интриги вкупе с ревностью в конструкторской среде цветут и пахнут. А каждый из изобретателей пользуется малейшей возможностью, чтобы получить хоть какое-то преимущество перед конкурентом. Вон, как тот же Коробов с Рябушкиным сейчас... ТКБ-705 это, разумеется, обалденная вещь, но изобретатель вполне справедливо опасается, что чиновники из ГАУ и наркомата, по непонятным причинам изначально неровно дышащие на Калашникова, изобретение Коробова вполне могут зарубить. Зарубить, невзирая на отличные ТТХ, а исходя, к примеру, из большей стоимости и трудоемкости его изготовления. Поэтому сейчас и привлекли к процессу демонстрации личного порученца товарища Сталина, рассчитывая на его огромные связи. Ну их побудительные мотивы были ясны с самого начала, только теперь меня заинтересовало другое.

– Так правильно делают, что опекают. Ведь на самом же деле АК-43 это очень хорошее изобретение! И предложил его именно Михаил.

Я отлично знал, кто на самом деле предложил сию идею, но мне было интересно, не просочились ли в оружейную тусовку слухи, что некие невнятные рисунки нового оружия, а также пояснения к ним, попали в ГАУ из НКВД? Рябушкин опять помялся и ответил:

– Калашников, конечно, парень толковый. Конструктор, что называется – от бога. Но когда тебе сам нарком во всем дает зеленый свет и твои запросы имеют высший приоритет,

то и работается гораздо легче и проще. Я только удивляюсь, откуда у вчерашнего сержанта такая лапа в наркомате вооружений? Ведь не просто так ему подобные предпочтения шли? И, честно говоря, сомневаюсь я, что только Михаил стоял у истоков изобретения АК. Слишком уж все... технологично и выверено. Без специальных знаний такого не сделаешь. Поэтому лично мне кажется, что в разработке оружия принимали участие очень знающие люди. И Калашников в том числе, но сейчас его на первый план выдвинули, исходя исключительно из идеологических соображений. Да... – Собеседник pokrutil головой. – Ведь теперь в каждой газете что ни день то статья: «Советский человек с девятью классами образования изобрел самый лучший на сегодняшний день автомат!»

Хе, судя по этим словам, никаких слухов нет, и секретность у нас продолжает оставаться на высшем уровне! А насчет статей я в курсе. Это подчиненные Тверитина не покладая рук трудятся, показывая всему миру: мол, в СССР люди настолько продвинутые, что, даже не имея специального образования, с легкостью переплывают всех забугорных изобретателей. Хотя, даже если бы не было меня, Михаил Тимофеевич, который был действительно умницей, просто выдал бы свое творение на каких-то три-четыре года позже. Так что, как ни крути, а газеты практически не врут, говоря про огромное количество талантливейших людей на единицу площади в СССР.

И, кстати, самому Калашникову, который совсем недавно действительно скакнул из сержантов в лейтенанты, да еще и получил Сталинскую премию, наброски чертежей его же автомата в свое время выдали под роспись люди из госбезопасности. Особо не объясняя, где их добыли. И теперь Миша может только гадать, откуда они взялись у чекистов – либо наша разведка постаралась, либо это было творение какого-нибудь «врага народа», сгинувшего в лагерях. Хотя, если говорить по совести, чертежи те можно было назвать полным фуфлом. Так... только общее направление и концепции. Нет, детали автомата и их взаимодействие я знал и нарисовал, но откуда мне было знать марки металла, величину допусков и целую кучу других, чисто технических моментов, без которых оружие просто не появится на свет? Поэтому АК-43 – это процентов на восемьдесят творение именно Калашникова и тех людей, что ему помогали!

Потом беседа опять скользнула на Германа и его автомат, потом вспомнили общих знакомых и так, под разговор, незаметно доехали до Москвы. Я затащил Никиту домой, но под чай долго не посидишь, поэтому часа через полтора он откланялся, а мы с Маратом в ожидании припозднившегося Сереги засели за составление отчета.

А на следующий день нас ждал Кремль. Для меня здесь все было более-менее привычно, да и Серега тут бывал довольно часто, зато остальные ребята... Правда, постороннему человеку их волнение не особо бросалось в глаза. Единственное, чему он, возможно, удивился бы, это, почему шестеро военных ходят везде такой плотной группой? А все потому, что наши щеглы, да и Шарафутдинов, старались держаться как можно ближе к «кремлевским ветеранам». Наверное, потеряться боялись. Но до процедуры награждения никто не потерялся и не заблудился, и поэтому наградной дождь, пролившийся на спецгруппу Ставки, мы встретили в полном составе. А дождь был по-настоящему крут! Уж не знаю, в чем причина, но за захват Вельдберга и операцию под Ровно, по совокупности заслуг, мне дали вторую Звезду Героя, Гусеву наконец-то обломилась первая, а остальным ребятам досталось по ордену Ленина! Плюс к этому было оглашено, что все участвующие в операции, принесшей стране несколько тонн золота, награждаются ценными подарками. Правда, сразу не сказали, какими именно...

* * *

Вспомнив свои тогдашние предположения, я только ухмыльнулся. Почему-то думалось, что выдадут именные часы или не менее именное оружие. А может, даже немецкий приемник «Телефункен» на ножках, с гравированной серебряной табличкой. Зато теперь, держась за баранку «ценного подарка», я не переставал удивляться серьезному

подходу руководства. Вот уж где, действительно, решили не мелочиться, а выделить сразу пять машин из выпущенной экспериментальной серии. На них даже название «Победа» хромированными буквами не написано, стоит только значок с надписью «ГАЗ М-20» на капоте. Ну да ничего, на других точно будет эта надпись – «ПОБЕДА»! По словам Колычева, Сталин решил не париться и использовать название, которое и в будущем вошло в историю. От наименования «Родина» он отказался по тем же причинам, что и в моем времени, просто поинтересовавшись у предлагающих: «Почем Родину продавать будете?» Те тут же спеклись и моментально выдали на-гора более приемлемое для машины имя. Тем более само слово «победа» в СССР день ото дня как-то исподволь становилось все более популярным. А уж после капитуляции Германии ожидается бум. «Победой» будут называть все: часы, машины, рестораны, новые модели платьев и костюмов...

М-да... а ведь мои первые часы, подаренные отцом, тоже назывались именно так. Старенькие, с поцарапанным стеклом, они обладали удивительно точным ходом и до сих пор были бы живы, если бы я их не утопил на свое семнадцатилетие... Вспомнив о часах, я глянул на время и, чертыхнувшись, стал притормаживать. Сидящий рядом Марат удивленно посмотрел на меня, поэтому пришлось пояснить свои действия:

– Меня к четырем Иван Петрович ждет, так что пора возвращаться. Сядешь за руль?

– Я уже рулил, а Жан еще нет. Так что, Искалиев, садись за баранку и покажи класс!

Даурен, радостно кивнув, выскочил из остановившейся машины и быстренько поменялся со мной местами. Потом мы объяснили ситуацию подъехавшим Змею и Геку и, перекурив, покатали обратно.

* * *

А ровно в шестнадцать ноль-ноль, поздоровавшись с переведенным из УСИ в наркомат, бессменным секретарем-порученцем Колычева – Васькой Кружилиным, я, постучав в дверь, вошел в кабинет наркома НКВД.

– Разрешите?

– Да, заходи, Илья. Ну как покатались?

– Нормально. Машины – отличные. Немного подшаманить, и станут вообще супер.

Иван Петрович весело посмотрел на меня:

– Даже в сравнении с автомобилями твоего времени?

– К-хм! – От такого предположения я даже поперхнулся и ответил: – Нет, тут сравнения быть не может. Более корректно было бы сравнить с теперешними «опель-капитаном» или «мерседесом». Но, кстати, по комфорту «М-20», мне кажется, значительно их превосходит. Проходимость я даже не рассматриваю. Немцы здесь и рядом не стояли. Хотя, конечно, для езды по буеракам я бы предпочел что-то вроде ГАЗ-67. Вместо тента сделал бы жесткий съемный верх, впереди – хромированный отбойник, по бортам – аэрографию, и рассекал бы туда-сюда, вызывая всеобщее восхищение... М-да, если брать в расчет наши дороги, точнее их отсутствие, то такая машина была бы наиболее предпочтительна!

Тут уже Колычев хмыкнул:

– Ну и вкусы у тебя... Только я не понял, что такое «отбойник», да еще и хромированный? Зачем? И от кого ты им отбиваться собрался?

– Для понту. Ну и функциональную нагрузку он тоже несет. Вон, лоси ведь на дороги так и лезут и, чтобы, при столкновении с этой лесной коровой, отделаться наименьшим ущербом, можно поставить гнутую трубу, защищающую перед машины. В моем времени он называется «кенгурятник», но теперь может стать «лосятником». А то и вообще – «медвежатником».

Нарком удивился:

– Медведи тоже под колеса каждый день бросаются?

Я улыбнулся:

– Нет, конечно. Просто вспомнил, что иностранцы считают, будто у нас медведи по улицам городов ходят. Белые. Вот, чтобы буржуев не разочаровывать и внушить почтение к нашим суровым климатическим условиям, назвать эту трубу – «медвежатник»! Пусть необразованные «забугорники» трепещут!

Тут, все еще находясь под впечатлением от поездки на личном автомобиле, я дал волю фантазии.

– А вообще, Иван Петрович, собственные колеса – это же замечательная вещь! И понятно – машины будут стоить очень дорого, но вот почему бы не наладить выпуск мотороллеров? Помните, я про эти мини-мотоциклы и их бешеную популярность еще в том году рассказывал? Даже общий вид рисовал и приблизительные схемы компоновки. Простенькая ведь вещь, но наша молодежь будет визжать от восторга! А с какой скоростью будет проходить процесс ухаживания?! Представьте: парень сажает девушку в седло и везет любоваться красотами загородной природы. А эти красоты, по личному опыту знаю, очень сильно снижают неприступность барышни и в конечном итоге способствуют ускорению развития отношений, со всеми вытекающими последствиями. Таким образом решается и государственная демографическая проблема.

Колычев, как раз в этот момент прикуривающий, от столь неожиданного поворота в разговоре даже спичку сломал. Достав из коробка новую, он с подозрением поинтересовался:

– Так это ты Тверитину идею подкинул? С дешевыми мотоциклами и этими, как их – мотороллерами? М-м-м... стоп, отставить. Он ее озвучивал еще до личной встречи с тобой, после ознакомления с документами... И хоть я выступал против увеличения выпуска неподконтрольных средств передвижения и говорил о возможности ухудшения в связи с этим общей криминогенной обстановки, Станислав Игоревич меня сумел переубедить. И, помнится, даже лозунг придумал для этой еще не существующей модели: «Мотор, два колеса и два сердца».

– Вот! – Я поднял палец. – Это доказывает, что Стас действительно очень толковый человек! А что? Необходимое оборудование у нас уже есть: в тех же мастерских, которые после войны все равно перепрофилировать будут. Вот пусть, на каком-нибудь заводе и начнут шлепать новые средства передвижения. Не все же танки множить... Скажу больше – ради такого дела я готов свои песенные гонорары отдать. В смысле учредить премию, к примеру, тем же студентам машфаков, которых можно привлечь к доводке до ума моих схем мотороллера. Кстати, есть большой шанс, что они еще лучшее изобретение смогут предложить. Помимо мотороллера, еще какой-нибудь чоппер, квадроцикл или снегоход. Вон, как с художниками в свое время получилось...

Увидев выражение лица собеседника, я заткнулся, а Колычев, весело глядя на меня, несколько раз беззвучно хлопнул в ладоши:

– Я поражен. И это говорит великий скупердяй Лисов, у которого кредо – «ни копейки государству»? Хотя, скажу честно, очень рад. И товарищ Сталин, думаю, тоже порадует. Он ведь у меня периодически твоими планами и настроениями интересуется... И если насчет премии ты серьезно, то это отдельная тема для разговора. Ее ведь можно сделать не только для студентов-машиностроителей. У нас есть и ВГИК, и Сельхозакадемия, и Строгановка...

Ой, блин! Сказать по правде – слова наркома меня напугали. Я, конечно, альтруист в некотором роде, но ведь не настолько! Этак на меня скоро выйдет еще и шустрый Тверитин – предложит в целях пропаганды советского образа жизни премировать и изобретения прогрессивной мировой молодежи! Конечно, подобные, пусть небольшие гранты сильно повысят имидж СССР и будут способствовать его открытости и понятности, но у меня денег столько нет... Только давать задний ход было уже поздно, поэтому, чтобы не прослыть трепачом, ответил:

– Насчет премии – вполне серьезно. Но я своему кредо не изменял: деньги-то не государству пойдут, а студентам. Пусть с ученической скамьи понимают: умеешь работать головой и руками, сможешь проявить полезную инициативу, значит, не будешь считать копейки от стипендии до стипендии, а в дальнейшем – от зарплаты до зарплаты. Наоборот –

купив на премию тот же мопед, посадишь сзади самую красивую девчонку и поедешь гордо по городу кататься. Ну или за город, тут уж как повезет... Единственно, – я вздохнул, – сильно сомневаюсь, что на само производство у государства средства найдутся. В народном хозяйстве других проблем выше крыши, куда уж там мопеды финансировать.

И тут Иван Петрович меня удивил. Выпустив вверх струю дыма, он довольно прищурился и ответил:

– Ну, может быть, и найдутся. Немного, конечно, но немного – это только в масштабах нашей страны. И ты в этом деле не последнюю роль сыграл.

Я вытаращил глаза:

– Что, обнаружили новое легкодоступное золоторудное месторождение с ураганным содержанием металла?

– Ага. В швейцарских банках. Содержание металла там действительно – ураганное! И с доступом тоже проблем нет.

От подобного я вообще завис. Что-то ничего непонятно... Складывается такое впечатление, что советских «невидимок» срочно собираются переквалифицировать в грабителей и с их помощью черпать природные ресурсы непосредственно из банковских швейцарских недр. Ну чисто, чтобы пропустить лишние промежуточные варианты, связанные с налаживанием инфраструктуры, добычей, переплавкой и тому подобным. Когда я озвучил свои мысли, нарком рассмеялся, а потом, став серьезным, сказал:

– Нет, конечно. Все будет в рамках закона. Но учти, говоря о деньгах, я исходил только из того, что тебе рано или поздно об этом станет известно и ты опять ко мне прибежишь скандалить. Хотя данная информация по большому счету не входит в круг твоей компетенции и является государственной тайной...

После этих слов я лихорадочно начал соображать, как Лисова вообще можно связать с швейцарским золотом. У меня там накоплений нет. Есть у семьи Нахтигаль, но делать из Лисова альфонса никто не будет. А что еще? Почему именно я, по словам наркома, сыграл не последнюю роль в доступе к золоту, находящемуся в банках? Швейцарских банках...

Стоп – Вельдберг! Он должен был заниматься эвакуацией крупных партийных чинов. Но чины без денег – это фуфло, а не чины! Значит, вполне возможно, у него был выход и на тех людей, которые скрывали следы золота НСДАП⁴. А может быть, и не было, но дав конец ниточки, он тем самым способствовал выходу нашей разведки на «кассиров» и соответственно на номера счетов! Обалдеть! Похоже, что это наиболее вероятное предположение. И пусть у Германии в конце войны валюты осталось очень мало, но уж золотишка на пару-тройку сотен «зеленых» лимонов в Швейцарии на черный день точно хранится! Задохнувшись от волнения, я предположил:

– Через Вельдберга вышли на золото партии? На все золото?

Нарком, хмыкнув, передразнил:

– «ВСЕ золото»... Ты этого оберста меньше месяца назад предоставил, поэтому какое-то время мы упустили. М-да... зато сейчас на это ТАКИЕ силы брошены... И результаты, несмотря на упущенное время, ОЧЕНЬ хорошие. Если так дальше пойдет, то завод по производству мотороллеров, о котором ты так ратуешь, точно будет построен! В числе десятков и сотен прочих, необходимых стране производств.

Озвезденеть... Просто нет слов. Выяснять какие-либо подробности я не стал – бессмысленно. Колычев и так сказал очень много, поэтому не буду его лишний раз провоцировать на прочтение лекции по теме: «Государственная тайна, минимально необходимая информация и злостный нарушитель – Лисов». Но вот золото НСДАП... Да, это круто. Пусть, разумеется, добудем не все, но даже какая-то его часть станет для нас огромным подспорьем! Ведь в МОЕЙ истории его так и не нашли, зато теперь эти запасы

⁴ NSDAP – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (те самые нацисты, которых многие ошибочно называют фашистами).

вкупе с остальными репарациями позволят стране гораздо быстрее подняться на ноги. А чем быстрее СССР оправится от последствий войны, тем быстрее сможет на равных говорить с той же Америкой. Мы и сейчас это можем, но при наличии восстановленного хозяйства разговор получится более продуктивным. И тот же Трумэн десять раз подумает, прежде чем начнет свои гнилые базары разводить...

Хотя какой на фиг Трумэн? Его сейчас, как липку, трясут америкосовские правоохранительные органы! А Рузвельт вроде пока настроен достаточно дружелюбно. Но это – «пока». Да и больной он... В МОЕЙ истории президент США благополучно помер весной сорок пятого. А кто на его место встанет – бог весть... Сейчас в том, что на выборах, которые будут проходить через два месяца, победит Рузвельт, никто не сомневается. Главная же интрига для Сталина, Колычева и иных посвященных людей состоит в том, кто станет вице-президентом и соответственно, после смерти старины Франклина возглавит Штаты. Пусть Трумэн под следствием, но команда-то пока на месте...О, кстати, насчет того, кто возглавит.

– Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться?

Колычев, удивившись внезапному официозу, сделал брови домиком, но потом, поняв меня несколько не так, насупившись, отрезал:

– Лисов, опять за свое? Детали проходящей операции тебя никаким боком не касаются! Что за человек, ему дашь палец, он всю руку откусить норовит? Ты вообще соображаешь...

Перебив закипающего командира, я обиженно сказал:

– Иван Петрович, вы что? Я же все понимаю, поэтому хотел спросить совершенно о другом.

– Да? К-хм... – Было видно, что нарком смутился. – Ну так спрашивай, а то начинаешь издалека и меня лишний раз нервировать!

– Извините... А спросить я хотел насчет нашего последнего дела с поляками и покушения на товарища Сталина. Точнее, не столько спросить, сколько получить подтверждение своим предположениям.

– Я слушаю...

Собравшись с мыслями, я облизал губы и озвучил то, о чем задумывался как в процессе, так и после операции, связанной с нейтрализацией польских диверсантов. Просто уж очень ее размах и количество задействованных сил не соответствовали озвученным результатам. Даже совместная советско-американская нота не катила как достойный итог. Да и Колычев со Сталиным были ЧЕРЕСЧУР довольны. Ну не могли они так радоваться простым высказываниям претензий англичанам. Значит, у этого дела существовало второе дно, о котором был осведомлен только очень узкий круг посвященных. Вот я себе всю голову и сломал, пытаюсь понять, чего наше командование **ВООБЩЕ** хотело добиться. Сначала ничего толкового на ум не приходило. Не приходило, потому что мыслил тактическими задачами. А вот как только начал соображать в сторону стратегических замыслов, то картинка сложилась практически сразу. Верная или нет, я сейчас и попробую выяснить. Поэтому вздохнув, выдал:

– Иван Петрович, мне кажется, что цель операции была вовсе не в отлове АКовцев и возможности резкой ноты для Англии. Считаю, что основной задачей была дискредитация «ястребов» из команды Трумэна, которые очень удачно для нас всячески поддерживают Польшу. Американцам на товарища Сталина в общем-то плевать, только покушение на убийство своих летчиков они без последствий оставить не смогут. А так как покушались именно поляки, то теперь Рузвельт имеет что сказать людям из демократической партии и, отказавшись от их кандидатуры, назначить вице-президентом своего человека. Ну не знаю, того же Гарримана, к примеру, который после смерти президента возглавит страну. Именно поэтому в данной операции и была задействована спецгруппа Ставки во главе с крайне удачливым Лисовым. Просто на кону стояло **ОЧЕНЬ** много. Ни много ни мало, а дальнейшее построение взаимоотношений с США. Ну и как следствие – построение всей мировой политики. Я прав?

Нарком, пока я говорил, молча тарабанил пальцами по столу. А услышав последний вопрос, очень серьезно ответил:

– Товарищ Лисов, я вам ПРИКАЗЫВАЮ подобные аналитические выкладки держать при себе. Более того, я ПРИКАЗЫВАЮ забыть то, о чем вы мне сейчас говорили, и придерживаться ТОЛЬКО официальной версии событий.

Серьезность и тон, которым все это было сказано, меня несколько напрягли, поэтому, вскочив, я ответил:

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Уже забыл!

А про себя подумал – оп-па! Вот оно! Все-таки приятно чувствовать себя умным и понимать, что видишь дальше официальных сообщений. И ведь, если исходить из того, как переполошился нарком, я разложил все достаточно верно. А Колычев, потеряв лицо руками и взмахом усадив меня обратно на стул, тихо вздохнул.

– Проблем от тебя, Илья, иногда больше, чем пользы. Теперь я даже не знаю, как тебя отпускать...

– Но пользы-то все равно много? И куда вы меня отпускать не хотите?

Иван Петрович подвинул к себе какую-то папку и, развязывая тесемки, ответил:

– Ладно... Решение принято и одобрено на самом верху. И еще я сильно надеюсь на твою разумность. Поэтому ничего отменять не будем. Но прими дружеский совет: нигде, никогда, никому не озвучивай вот эти свои мысли. Считай, что твоя догадка является лишь частью большого плана, и малейшая утечка информации может все погубить.

Опаньки! Значит – точно! И работа, судя по всему, начата огромная. Ну еще бы – некая попытка изменения политики одного из самых сильных государств мира это вам не цапки-печки! Причем не текущей политики, а будущей, о которой в Штатах сами пока имеют весьма смутное представление. Эх, интересно-то как! Но интересоваться – себе дороже, поэтому, придав физиономии наиболее ответственное выражение, я сказал:

– Понял. И, насколько вы знаете, я языком в серьезных ситуациях не молочу, так что можете быть спокойны. Ведь за эти три года даже намек на прокол с моей стороны не было.

– Не было, потому что я за тобой постоянно слежу и накручиваю тебя, хоть ты и обижаешься. Ладно, хватит о грустном. Вот!

С этими словами Иван Петрович извлек из папки запечатанный сургучом пакет и, взломав печати, вытянул из него конверт. А на конверте... В общем, увидев знакомый круглый почерк, я чуть не вырвал письмо из рук наркома. А он, улыбаясь, передал мне послание Хелен и сказал:

– Ну что ты так задержался? Не спеши – время почитать еще будет.

Ага, ему легко говорить – «не спеши», а я этого письма больше полугода ждал. Гусева, начиная с зимы, просто задолбал, сначала намеками, а потом и прямыми требованиями, чтобы он через Колычева поспособствовал переписке. Серега согласился помочь, но потом, переговорив с наркомом, объяснил, что вот как раз в Швейцарии наше консульство, через которое я получил первое послание, находится, словно на острове. И даже диппочта может месяцами идти, совершая такие кругали, что диву даешься. Ведь со всех сторон как ни крути гитлеровские войска, так что ни о какой регулярной переписке и речи быть не может. Если только вдруг оказия подвернется...

Вот, видимо, эта оказия и подвернулась. А Колычев – садист! Неужели он не понимает, что мне теперь каждая секунда дорога? Нет чтобы отпустить человека прочесть письмо – сидит и лыбится. Терпение, наверное, мое испытывает. У у-у, редиска нехорошая! Но нарком, видя, что Лисов, завладев конвертом, смотрит на него молящими глазами, встал, поправил мундир, обошел стол и, остановившись рядом с подскочившим подчиненным, выдал:

– На вчерашнем совещании принято окончательное решение предоставить Лисову Илье Ивановичу недельный отпуск (не считая дороги) и командировать его на все время отпуска в город Берн. – Колычев, подмигнув, добавил: – Вопросы?

Несколько секунд я стоял столбом, переваривая сказанное, а потом бросился обнимать

Ивана Петровича. Тот вначале только кряхтел, но потом взмолился:

– Хватит, хватит! Ты мне все ребра сейчас переломашь!

Поэтому пришлось поставить наркома на место и начать задавать вопросы. Меня интересовало все: и чья это была инициатива (хотя и так понятно, что это Иван Петрович постарался), и с какими документами я туда поеду. И вообще: как мне попасть в эту самую Швейцарию, если прямого пути нет? Честно говоря, несмотря на охрененное желание увидеть свою зеленоглазую зазнобу, два месяца добираться до страны сыров совсем не хотелось. Да блин, быстрее будет из Австрии в одиночку проскочить через немецкие разрозненные части, которые до сих пор ведут оборонительные бои, окопавшись в горной части страны. Тем более что сейчас лето и форсировать Альпы на лыжах, подобно пастору Шлагу, не придется.

Но оказалось все гораздо проще. Бродить по тылам меня, разумеется, никто бы не отпустил, а вот самолетом – в самый раз. Оказывается, уже недели три как налажено нормальное сообщение с нашим консульством в Берне. Авиации у немцев практически не осталось, поэтому «Ли-2» в сопровождении двух пар истребителей будет совершать регулярные (раз в неделю) рейсы. Истребительный конвой доводит «пассажира» до швейцарской границы и возвращается на свой аэродром в Линце, находящийся в Австрии. А «Ли-2» продолжает движение над территорией Швейцарии, защищенный законом о нейтралитете. Обратный рейс совершается тем же порядком, и от границы пассажирский самолет снова сопровождают наши истребители.

Что касается документов, то мне будет выдан диппаспорт на мое же имя, и буду я, как это ни смешно, считаться помощником атташе по культуре. Причем этот паспорт будет вовсе не «липой», так как соответственное уведомление было направлено правительству Швейцарии. Наше консульство там будет трансформироваться в посольство, и поэтому моя «веселая» должность никого не удивит.

А потом Колычев меня удивил, сказав, что идея отправить Лисова к невесте исходила непосредственно от Иосифа Виссарионовича. И, дескать, он же рекомендует привезти по окончании войны молодую жену в Москву. Показать город, познакомить со своими друзьями. Да и товарищ Сталин хочет лично посмотреть на девушку, которая вскружила голову его порученцу. Он бы хотел ее лицезреть прямо сейчас, но, принимая во внимание некоторые обстоятельства, переносит смотрины на полтора-два месяца. Тут уж я удивился и поинтересовался – а зачем это Верховному понадобилось смотреть на Хелен? Он ведь просто так ничего не делает, значит, причина тут вовсе не в любопытстве. Колычев посмотрел на меня, как на неразумного, и ответил:

– А сам не понимаешь? Семья Нахтигаль вхожа в высший свет как Германии, так и Швейцарии. И ты, являясь ее членом, станешь первым советским человеком, который будет представлять СССР именно с этой стороны. И нечего делать круглые глаза. Или ты думал, что по окончании войны тебя демобилизуют? Даже не надейся! У нас сейчас на горизонте столько дел, что только успевай поворачиваться. Одних патентов надо будет сотни и тысячи регистрировать. И чтобы их не крали, организовать независимое патентное бюро, к примеру в Цюрихе или в Берне. И, вполне возможно, что помимо службы в госбезопасности ты и этим будешь заниматься. Это ведь какое прикрытие! А хватка у тебя есть. И есть возможность применить навыки из своей прошлой жизни... Вот товарищ Сталин и хочет посмотреть насколько Хелен Нахтигаль сможет соответствовать высокому званию жены товарища Лисова. – Тут, увидев мои глаза, нарком замахал руками: – Да шучу я, не видишь, что ли? В смысле – про соответствие высокому званию шучу. Иосиф Виссарионович, действительно, просто хочет увидеть твою Хелен. Да и Лисова-младшего тоже. Поэтому и дал приказ, чтобы в твоей квартире...

Не понял. Это он про кого сейчас сказал? Какого еще – «младшего»? Видимо, выражение на моей физиономии столь сильно поменялось, что Иван Петрович замолк на полуслове и, ругнувшись, сказал:

– Вот черт! Проговорился все-таки! Ну ладно, если уж так получилось, то я буду

первый...

После чего уже командир сгреб меня в охапку и выдал:

– Это вообще-то должен был быть сюрприз, о котором ты узнал бы только после прочтения письма, но – поздравляю тебя, папаша!

Пх-х-х... что-то я торможу. С чем именно меня сейчас поздравляют? И почему командир такой довольный? И кто, собственно говоря, «папаша»? Видя мое недоумение, Колычев терпеливо разжевал:

– Ну ты и тупой! Сын у тебя родился! Ты уже почти две недели как папа! Я-то думал с тобой нормально переговорить и только потом дать тебе письмо Хелен прочесть, а после уже поздравить. А тут, видишь, как получилось? Теперь ни о каком серьезном разговоре и речи быть не может – ты невменяем. Так что сейчас иди, читай свое любовное послание, собирай ребят и через два часа чтобы были в комиссариате. Поедем отмечать твое отцовство! Надолго у меня к вам присоединиться не получится, но час я тебе гарантирую!

Пока командир мне все это говорил, я растерянно пытался сообразить – как же так получилось? Нет, у меня, конечно, были надежды и подозрения, но по-любому выходило, что если я и стал бы папашей, то это должно было произойти не раньше сентября. Я еще раз, загибая пальцы, тщательно начал пересчитывать, только Иван Петрович, видя эти манипуляции, сломал всю арифметику словами:

– Что ты там все высчитываешь? Семимесячный мальчишка родился! Видно, Хелен сильно нервничала во время беременности, вот так и вышло... Но ты не волнуйся – сын у тебя здоровый. Он за эти две недели необходимый вес уже набрал и теперь ничем не отличается от нормально выношенных. Ну так, шутка ли сказать – вокруг него толпы маститых врачей-родственников постоянно находились. И через четыре дня Нахтигаль с ребенком будут выписывать из роддома. Как раз за день до прилета «Ли-2». Так что – сегодня гуляем, а с завтрашнего дня ты должен быть как огурчик и пройти все необходимые инструктажи.

Сдерживая плещущую у горла волну радости, я растроганно сказал:

– Спасибо, Иван Петрович! И за поздравления, и за вести добрые! – После чего, немного смущаясь, решил заранее оповестить, чтобы потом лишних проблем не было: – Товарищ командир, только сразу хочу сказать, что сына я крестить собираюсь... – И, видя, как замялся собеседник, торопливо добавил: – Вы знаете мое отношение к религии. Да и к попам тоже. Не фанат я всех этих штучек. Но Аленка была бы рада, а лично я считаю крещение не столько церковным обрядом, сколько дополнительной страховкой для ребенка. Родственники родственниками, но ведь именно крестные считаются, как бы это сказать, запасными родителями. И в эти крестные обычно зовут самых близких и самых надежных друзей...

Колычев на эти слова только кивнул:

– М-да... хорошо хоть объяснил, а то у меня уже было мысль мелькнула, что ты не просто верующим стал, но еще и религиозным...

– Я – религиозным?! Это чтобы поклоны бить, попикам ручки слюнявить и им же бабки отстегивать, как будто они их в райский банк переводить будут? Нет уж! Мною движут только две причины: сделать приятное будущей жене и подстраховаться на случай собственной смерти. Чтобы, если меня ухлопают, воспитанием сына, помимо Хелен, занимался бы и тот человек, которому я полностью доверяю. Кстати, именно поэтому я эту тему и поднял, а не стал крестить ребенка втихаря... В общем, Иван Петрович, как вы смотрите на то, чтобы стать крестным? Просто ближе вас, Сереги и Лешки у меня никого нет...

И тут нарком, странно улыбнувшись, обломил меня ответом:

– Поверь, Илья, я хоть и атеист, но тебя отлично понимаю. Только вот, несмотря на то что предложение твое очень лестно для меня, вынужден от этой роли отказаться. Сразу объясню почему...

Тут генерал-полковник замялся, и я пришел ему на помощь:

– Должность не позволяет?

– Именно так. – Колычев выпрямился и, посмотрев мне прямо в глаза, повторил: – Именно так. Должность и элементарная порядочность. Просто я столько лет говорил: «религия – опиум для народа» и даже, было дело, карал за излишнюю религиозность, что теперь мое появление в церкви будет расценено как подлость по отношению к одним и крайнее лицемерие по отношению к другим...

Оба-на... М-да, против такого не попрешь. Причина железная. Иван Петрович действительно слишком порядочен, чтобы подобно коммунистам начала девяностых пойти против своих убеждений... И так легкомысленно, как я, он тоже действовать не может.

А нарком тем временем продолжал:

– Но это вовсе не означает, что я ТЕБЕ запрещаю крестить сына. Ты в гонениях на священников не участвовал, да и верующих людей не оскорблял, так как сам являешься верующим. А что касается твоего отношения к религии, то ты свою мотивацию можешь и в церкви озвучить, что, впрочем, я думаю, совершенно не мешает проведению обряда. Хотя знаешь, Илья, своим поведением ты мне сильно напоминаешь настоящего интеллигента...

Я насупился.

– Это почему?

– Да потому что есть мнение, будто обычные люди приходят в церковь, чтобы сделать лучше себя, а интеллигенты, чтобы сделать лучше церковь. Ладно, не обижайся, это я так, просто философствую...

Вот ведь сказал! И что-то мне такая философия совсем не нравится. Я и сам понимаю, что мое теперешнее желание несколько отдает двуличностью, но вот так тыкать носом... Да и вообще... я ведь командиру не всю правду сказал. Просто у меня после «оси мира» и последующих рассказов того же Колычева о подобных занимательных случаях, в мозгах царит некоторое смятение. А когда часто сталкиваешься с мистикой, начинаешь смотреть на жизнь несколько по-другому. И если сам я свои взгляды на религию пока менять не собираюсь, то уж сыночка, на всякий случай, точно окрещу. Во всяком случае – лишним не будет. Прикуривающий в этот момент Колычев пыхнул дымом и отвлек меня от потусторонних и самокритичных мыслей, огорочив:

– Самое интересное то, что Иосиф Виссарионович, узнав о рождении твоего ребенка, высказал возможный сценарий развития событий. В нем он предположил, что в крестные ты вполне можешь позвать меня, а если принять во внимание твое непостижимое отношение к жизни, то не исключена возможность, что и его...

– Сталина???!! – Я чуть не брякнулся со стула. – Вы что, у меня столько наглости не наберется! И вообще...

– А что «вообще»? Иосиф Виссарионович тоже человек и ему было бы это очень приятно. Он бы, разумеется, отказал, по тем же причинам, что и я, но... – Тут командир прервался и, хлопнув себя по колену, подытожил: – Короче, предположив твое возможное решение, товарищ Сталин высказался в том смысле, что его можно будет неплохо обыграть, показав всему миру, что в СССР на деле, а не на словах, существует свобода совести. И тот факт, что полковник НКВД, дважды Герой Советского Союза, может свободно, без каких-либо последствий окрестить своего ребенка в церкви, широко, разумеется, освещаться не станет, но кому надо рот заткнет. Особенно если этот факт будет не единичный... Тогда на том же Западе вопли по поводу гонений на верующих сразу поутихнут.

Мля... я слушал Колычева, открыв рот, и поражался повышенной хитромудрости вождя. Ну надо же было так все просчитать! А когда услышал про Запад, то сразу заподозрил, что на том совещании наверняка присутствовал не менее хитрожопый Тверитин, который, пользуясь случаем, моментально захотел развернуть пиар-кампанию в рамках лозунга «Я другой такой страны не знаю...». Ну да, понятно: политика партии меняется, и люди, типа, должны это видеть воочию. Единственно...

– А почему вы сказали про «не единичный случай»? Что, уже очереди стали выстраиваться?

Нарком усмехнулся:

– Пока нет. Но, как мы поняли, вера в коммунистические идеалы ничуть не отменяет веры в Создателя. Это особенно хорошо на фронте стало заметно... Ты ведь не будешь этого отрицать?

– Конечно, не буду. Сам видел, как парторги крестятся. Что, кстати, совершенно не умаляло их авторитета среди солдат. Если, конечно, у человека был этот самый авторитет... А то когда в затишье верующих гнобят, а под обстрелом молитвы читают, это уже изрядным паскудством отдает...

– Вот именно. И так как есть решение РЕАЛЬНО предоставить людям свободу вероисповедания, то твой случай будет просто один из многих.

– Понятно... Только... – Я почесал затылок и продолжил: – Значит, вы даже просто так не придете?

Колычев вздохнул:

– Разумеется, нет. Никого из ОФИЦИАЛЬНЫХ лиц на подобных мероприятиях быть не должно. Причины я тебе уже озвучивал. – И, видя мою растерянность, продолжил: – Но ни Гусев, ни Пучков официальными лицами, занимающими важные государственные посты, не являются. Так что сам выбирай, кого из них в крестные позовешь.

– Серегу конечно! Леха до этого еще не дорос!

– Я так и думал. Ладно, считай – поговорили. А сейчас иди читай свое любовное послание, и через два часа чтобы все были в сборе!

– Есть!

Встав по стойке смирно, я только что не щелкнул каблуками и пошел выполнять распоряжение командира.

А потом было чтение письма, разглядывание фотографии с восхитительно пузатенькой, похожей на глобус на ножках Хелен (видно, фото до родов сделала), быстрый сбор мужиков и последовавшая за этим буря. Это когда ребята узнали причину сбора. В общем, конца этого дня я не помню. Да и остальные четыре пролетели как в тумане. Окончательно в себя я пришел, только когда сопровождающие самолет «яки», покачав на прощание крыльями, отвалили в сторону. А это значит – граница пересечена и лету осталось менее часа...

Глава 4

– Товарищ Лисов, здесь так не принято...

Я, глядя, как слегка обалдевшая продавщица заворачивает в станиоль и какие-то ленточки огромный букет роз, слегка наклонился к сопровождающему и спросил:

– Что именно – «не принято»?

– Дарить такие огромные букеты. Это считается неприличным.

– Да? К-хм... Ну и флаг им в руки. Пусть эти скопидомы дарят по одной розочке, а я своей любимой весь этот магазин скупил бы, но он в машину не поместится.

Панарин на это покачал головой, но я не обратил внимания на консульского зануду, расплатился и, схватив одуряюще пахнущие цветы, оповестил:

– Все. Вот теперь я готов.

Теперь я действительно был готов. А то Степан Панарин, который встретил меня в аэропорту, хотел сразу избавиться от обузы: отвезти московского гостя на улицу Маркгассе 18, где проживала Хелен Нахтигаль. Разумеется, не сразу с самолета, а после того как мы заехали в консульство, где я переговорил и с консулом, и с атташе по науке, оказавшимся моим коллегой. Консул тот только улыбался и, пожимая руку, говорил, что очень рад видеть и все такое прочее, зато коллега с «редкой» фамилией Иванов, отведя меня в свой кабинет, не меньше часа объяснял особенности и нюансы поведения в столице Швейцарии. Знал, что я и так заинструктирован до невозможности, но предпочел подстраховаться. В конце концов, пожимая мне на прощание руку, он сказал:

– В общем, все. Телефон консульства у вас есть, так что, если возникнут какие-то

вопросы, звоните. И напоследок хочу дать совет: оставьте оружие у меня. Берн городок тихий, поэтому оно вам тут точно не понадобится.

– Да ну? А как же быть с толпами агентов гестапо? Сами же говорили, что их тут просто немерено?

– Хм, во-первых, здесь нейтральная страна, а во-вторых, вы же не собираетесь заниматься свободной охотой? – Иванов улыбнулся. – Просто пистолет и звание помощника атташе несколько несовместимы. И учтите еще то, что вас постоянно будут страховать мои люди.

Тут уже я ухмыльнулся:

– Все трое?

Василий Макарович развел руками:

– Сколько есть.

– Понятно. Но не беспокойтесь, я вам проблем тут создавать не собираюсь. Недельку тихо поживу и следующим самолетом – обратно. Так что можете даже своих бойцов не задействовать...

На что Иванов ответил:

– Я в курсе, когда вы уезжаете. Но у вас свои инструкции, у меня – свои. Да, и не забудьте, что завтра к десяти я вас жду для представления местным властям и получения необходимых отметок в документах, а сейчас не смею больше задерживать!

После этого Василий Макарович передал меня Панарину, который намылился сразу катить на Маркгассе. Но я его вовремя остановил, увидев по пути маленький цветочный магазинчик, и теперь, запасшись букетом, с замиранием сердца ехал к своей Аленке.

Я уже знал, что она и ребенок вчера утром благополучно выписались из родильного отделения фамильной клиники и сейчас находятся в своем особнячке. А так как Нахтигаль о моем приезде ничего не сообщали, то сегодня у нее будет день сюрпризов...

Ехать пришлось совсем недалеко. Минут через пятнадцать Степан остановил автомобиль возле симпатичного и достаточно большого домика и сказал:

– Приехали. Вас проводить?

– А ты что, тут уже бывал?

Панарин кивнул:

– Да, письмо передавал.

Секунду подумав, я отказался:

– Нет, спасибо, сам разберусь.

После чего вышел из машины, забрал чемодан и цветы, отпустил Степана и, открыв маленькую кованую калитку, пошел по дорожке в сторону крыльца.

Но дойти не успел. Когда до ступенек оставалось шагов пять, дверь распахнулась и на пороге появилась какая-то незнакомая пухлая дамочка. Закрыв за собой дверь, она удивленно вытаращилась, переводя взгляд то на меня, то на цветы, то на чемодан. Я так же молча глядел на нее и быстренько вспоминал словесный портрет Аленкиной муттер, о которой мне было рассказано той памятной ночью во Франции. В конце концов решил, что на мою будущую тещу эта дамочка точно не похожа. Та – небольшого роста и худенькая, а эта очень даже в теле, хотя тоже не великанша. За полгода такие кардинальные перемены вряд ли возможны. Хм, может, какая-нибудь домомучительница? Пауза затягивалась, и я решил ее прервать. Улыбнувшись, полюбопытствовал:

– Здравствуйте. Не подскажете – это дом Хелен Нахтигаль?

Пухлик, улыбнувшись в ответ, тоже поздоровалась и ответила:

– Это дом ее отца, Карла Нахтигаль. Но госпожа Нахтигаль проживает именно здесь. Как вас представить?

Так и подмывало ответить: представьте меня голым, на коне и с шашкой, но, пересилив хулиганские порывы, я сказал:

– Никак. Просто скажите, что ее дожидается старый друг.

Толстушка кивнула:

– Понимаю, вы, наверное, хотите устроить сюрприз. Проходите в дом, я сейчас ее позову.

И опять, открыв дверь, пропустила меня в довольно-таки большой холл, а сама шустро побежала куда-то вверх по лестнице. Я же, оставив чемодан в сторону, закрыл лицо букетом и стал наблюдать сквозь цветы за близкими подходами. А буквально через пару минут на лестнице появилась Лена... Твою же мать, какая она красивая! У меня даже дыхание перехватило...

А Хелен, застыв на несколько секунд, удивленно осмотрела букет на ножках, который я собой изображал, и, наконец, растерянно улыбнувшись, спустилась по ступенькам и подошла ближе. Тут уж я не выдержал: уронив мешающие мне цветы, сделал шаг и, подхватив любимую на руки, зарылся лицом в ее волосы, неувовимо пахнувшие домашним уютом. Аленка сначала испуганно пискнула от неожиданности, но, практически сразу поняв, кто перед ней, ухватила за шею и начала неприцельно обчмокивать мою физиономию, бессвязно повторяя:

– Ты, ты, ты! Я знала! Я знала!

А когда мне удалось наконец поймать ее губы, сначала задохнулась, а через минуту, прервав поцелуй, традиционно расплакалась. У меня тоже куда-то неожиданно пропали все заготовленные слова, поэтому я так и стоял столбом, баюкая на руках свою зеленоглазую зазубу. Уж не знаю, сколько бы времени это все продлилось, так как отпускать ее я совершенно не собирался, но тут со стороны лестницы послышалось деликатное покашливание. Глянув туда, я увидел давешнюю дамочку и рядом с ней еще одну женщину. О! Вот, похоже, и теща пожаловала! Промаяхнуться в этот раз было невозможно, так как муттер была просто несколько постаревшей копией дочки. А теперь эта копия, прижав руки к груди и затаив дыхание, смотрела на нас. Тут толстенькая еще раз кашлянула и обратилась к стоящей рядом даме:

– Фрау Нахтигаль, может быть, я пойду? Мясник сегодня обещал отличную вырезку, а у нас, как я вижу, гости...

Та, словно очнувшись, ответила:

– Да-да. Конечно, Марта, иди.

И сама стала спускаться следом за толстенькой Мартой, которая, как я и предполагал, скорее всего, была экономкой, или, как говорил Карлсон – домохозяйницей.

Тут я, наконец, вспомнил о правилах приличия и, опустив все еще всхлипывающую Хелен на пол, представился:

– Здравствуйте. Меня зовут Илья Лисов. Илья Иванович...

И тут старшая Нахтигаль меня удивила: видимо вспомнив молодость, она начала говорить по-русски почти без акцента:

– Здравствуйте. А я мама Елены – Александра Георгиевна. Здесь все меня зовут Алекс, но ведь в России насколько я помню, так не принято?

– Так точно! То есть... к-хм... в смысле – не принято. Э-э-э, то есть я хотел сказать – очень приятно познакомиться...

Окончательно смешавшись, я замолк и, чтобы скрыть внезапно наступившее косноязычие, отпустил руку прилипшей ко мне Хелен, поднял с пола розы и, стряхнув обертку, разделил букет на две приблизительно равные части. Одну половину со словами – «это вам», протянул мамаше, а вторую вручил Аленке. Та, зарывшись в букет носом, через секунду снова прижалась ко мне, а Александра Георгиевна, приняв цветы и улыбнувшись, сказала:

– Вы очень фотогеничны, и я вас сразу узнала. Только на той фотографии, которую я видела, у вас не было этих шрамов...

Я сначала не понял, про что она, но чуть позже дошло. Ишь ты, зоркая какая! Разглядела ведь отметины, полученные в свое время под Пиллау. Это когда нас самоходная зенитка изничтожить хотела. Тогда от попадания снаряда осколки кирпичей так брызнули – думал, глаза повышибает. Но обошлось... Я даже в санчасть с этим не ходил – Гек пинцетом

достал кирпичную крошку, а потом щедро залил морду командира спиртом. И теперь эти оспины громко именуют шрамами...

Зато Хелен после маминых слов сразу встрепенулась и стала испуганно оглядывать мой фейс. Но убедившись, что причин для волнений нет, что и без того не плакатный профиль Лисова хуже не стал, нежно провела по оспинкам пальцами и снова поцеловала. Наверное, этот поцелуй и помог мне прийти в себя окончательно. Тряхнув головой, я решил не колотить понты, изображая из себя «светского льва», а просто быть самим собой. Не понравлюсь теще – и хрен с ней! Во всяком случае, все сразу станет ясно...

И только это решил, как сразу почувствовал, что скованность пропадает, а мысли принимают конструктивное направление. Скосив глаза на изрядно увеличившуюся Ленкину грудь, что при общей точности ее фигурки моментально вызвало повышенное слюноотделение, я обнял свою зеленоглазку и сказал:

– Вот и хорошо. Вот и познакомились. А теперь, госпожа Нахтигаль, – я подмигнул Аленке, – хвастайтесь своим самым главным, приготовленным для меня подарком.

Хелен тут же зачирикала и поволокла меня по лестнице наверх, где в одной из комнат мне был предъявлен плотно упакованный кулек, лежащий в детской кроватке. Поцелкав ногтем по деревянным прутьям, я пробормотал: «Главное, чтобы к решетке не привык» и попытался разглядеть, что же там внутри пеленок. Не преуспел. Разглядел только курносый нос пимпочкой и крепко сжатые губы. Хотел было потрогать этот прикольный нос кончиком пальца, но тут Елена, которая секунду назад, мурлыкая, терлась об меня, поймала мою руку и не терпящим возражения тоном заявила, что, прежде чем трогать ребенка, надо эти руки вымыть.

Я спорить не стал и был препровожден в ванную, где вместо мытья тут же начал приставать к своей красавице. Особенно меня волновала чинно прикрытая кофточкой налитая, но в то же время задорно торчащая грудь, которую я, урча, сразу поймал, но на этом дело в общем-то и закончилось. Аленка, хихикая, ловко вывернулась и, поцеловав меня, попросила немного подождать, обещая достойную награду за терпение и выдержку.

Блин! Такими темпами до ночи я точно не доживу! Да и вообще... У меня же все дыбом встало, как теперь обратно идти? А эта зеленоглазая паразитка, увидев приключившийся конфуз, хихикнула совсем уж весело и сказала:

– Да, теперь воочию видно, насколько ты соскучился! Но, любимый, потерпи немного, – она подмигнула и приказным тоном добавила: – А сейчас – мыть руки. И голову!

– Голову-то зачем?

– А как ты теперь выйдешь отсюда? Мама у меня доктор, она поймет, но вот Марту – точно напугаешь. Госпожа Крюнке – дама незамужняя и очень благовоспитанная, поэтому при виде внезапного изменения твоего силуэта, с ней может случиться удар. Так что ручки мой теплой водой, а голову – холодной! А я, чтобы не смущать тебя, буду ждать в детской!

Сказав все это, она закусила губу, сдерживая смех, но, в конце концов не выдержав, прыснула и быстро убежала.

М-да, несколько неловко получилось... Ладно, чего уж там. Теперь, главное, «благочестивую Марту» до кондрашки не довести. Может она живого... к-хм, м-да... В общем, мужика сто лет не видала, а тут гость в таком виде. Хотя экономка в магазин утопала, и Ленка меня просто прикалывает. А то, что чувство юмора у моей зазнобы есть, я еще во Франции понял. Уж насколько у меня язык подвешен, но она своими остротами любого за пояс заткнет. Я вспомнил, как от ее рассказов ржал в голос, ухмыльнулся, помыл руки, подержал голову под ледяной струей и, скорчив рожу отражению в зеркале, вернулся в детскую.

А там... В общем, там мне было предъявлено содержимое кулька в голом виде. Ну не совсем в голом, а в какой-то хламидке, но с крохотной попкой наружу. Его специально для осмотра на пару минут развернули. Я, как это увидел, забыл даже свое недавнее перевозбужденное состояние и осторожно, как взведенную мину, принял сына на руки. И тут же на меня накатило. Причем вовсе не из-за того, о чем можно было подумать, глядя со

стороны. Какое там любование носом-пимпочкой или глядящими непонятно куда глазенками! Вовсе нет – мне элементарно стало страшно! Вот это теплое, невесомое и живое на руках было настолько хрупким, что я застыл, опасаясь неловко повернувшись, что-нибудь в нем сломать. От Хелен не укрылось изменение в моем поведении, но, поняв это изменение несколько неправильно, молодая мама, счастливо блестя глазами, наблюдала, как я бережно, следуя указаниям типа – «головку ему придерживай! Вот так, молодец», держу живой комочек.

К счастью, долго наслаждаться новыми ощущениями мне не дали. Буквально минуту, не больше, после чего малыш был возвращен в надежные мамкины руки и опять упакован в виде маленького матерчатого столбика. Фух! Вовремя, а то от перенапряжения бицепс уже начинала пощипывать судорога. Нет, я, разумеется, держал детей на руках, но они были или гораздо старше моего, или плотно замотаны в смирительную рубашку... в смысле в пеленки. Зато теперь я могу с уверенностью сказать: распакованные груднички – это страшная штука! Там ведь рука – как мой палец, шейка – тоньше гранатной рукоятки раза в два, крохотные ножки, согнутые крендельком, да еще ко всему прочему он шевелится!! И от этого в голове бьется лишь одно – не дай бог уронишь! Хочется ухватить ношу покрепче, но тут сразу же возникает другая мысль – а вдруг сломаешь что-нибудь? М-да... тут уже не до глазок с носиками, тут бы только сына без повреждений удержать да панику свою не показать! Поэтому, осторожно выдохнув и придя к выводу, что ко всему надо привыкать постепенно, я, глупо улыбаясь, принялся наблюдать за процессом пеленания. Наблюдал до тех пор, пока вдруг не расслышал в Ленкином сюсюканье прямое обращение. А расслышав, подпрыгнул:

– Это ты как его сейчас назвала?

Хелен с малышом на руках удивленно повернулась ко мне и ответила:

– Иоганн... Мы его решили назвать Иоганн... А тебе что – не нравится?

Вот так фигассе! Моего сына они решили Иоганном назвать! Нет, понятно, что приезда Лисова так скоро никто не ожидал и мальчишке имя давать надо было однозначно... Но «Иоганн»!! Мля, его бы еще Фрицем назвали или Адольфом! Видимо, в лице у меня что-то сильно изменилось, так как Лена испуганно распахнула глаза и чуть повернулась, как будто прикрывая малыша от неведомой угрозы. Но прежде чем я успел открыть рот, раздался спокойный голос Алекс:

– Да, Иоганн. По-русски это имя звучит как Иван... Или, как я его иногда называю, – Ванечка... Карл, мой муж, очень хотел, чтобы внука назвали Генрих, только, принимая во внимания все обстоятельства, мы решили, что Иоганн-Иван звучит гораздо лучше. Правда, документы еще не оформлены, поэтому имя можно поменять, но мы уже привыкли звать его Ваней...

Вот ведь... Блин, чуть не сорвался. Но в самом деле – а какое еще имя должны были придумать младенцу в добропорядочной немецкой семье? Ну пусть даже учитывая, что Александра Георгиевна родилась и выросла в России. Не Феофаном же называть... А теща, как ни крути – молодец. Лихо разрулила ситуацию. Но теперь моя очередь... Поймав ее чуть напряженный взгляд, я подмигнул и, улыбаясь во весь рот, объявил:

– А что вы так всполошились? Отличное имя! Мне очень нравится! – после чего, сделав шаг вперед, ласково чмокнул Аленку и, наклонившись к кульку и погудев губами, сказал: – Привет, Ванька, привет, малыш!

Тот на мои гримасы не обратил никакого внимания, продолжая невозмутимо сопеть, а Лена немного обиженно сказала:

– У тебя так взгляд поменялся, когда ты его имя услышал, даже страшно стало... Только я его тоже когда Иоганном, а когда Ванюшей называю...

– Что ты, милая! – Я вытаращил кристально честные глаза и, оправдываясь, ляпнул первое, что пришло на ум: – Просто у меня как раз в этот момент в голове что-то стрельнуло. – И, демонстративно погладив себя по ежику волос, продолжил: – Знаешь, после ранения иногда такое бывает. Секундная боль, а потом все проходит. А имя мне и правда понравилось! Что может быть лучше Вани?

Младшая Нахтигаль, как про мою битую голову услышала, тут же забыла обиды и сильно озаботилась здоровьем любимого. Меня немедленно приголубили и закудаhtали так участливо, что даже неудобно за свою брехню стало. Но от этого неудобства спас Ванька. Он сначала покрхтел, а потом, открыв беззубый рот, обиженно завопил. Как выяснилось, пришло время кормежки. Тут и Александра Георгиевна вовремя вписалась, предложив оставить на время молодую мамашу и спуститься в столовую – перекусить, пока вернувшаяся Марта на кухне готовит полноценный обед. Я согласился и через несколько минут уже вдыхал запах свежесваренного кофе, которым расторопная Алекс принялась потчевать будущего зятя. И вот в процессе кофепития у нас приключился очень интересный разговор.

Сначала я ее поблагодарил за своевременную помощь в улаживании внезапного конфликта относительно имени ребенка. В ответ на мою витиеватую фразу она только улыбнулась и, выяснив, что насчет головных болей я соврал, чтобы быстренько отвлечь Елену, понятиливо кивнула. А потом начала расспрашивать, как я долетел, не устал ли и какие строю планы. Я обстоятельно отвечал, что долетел хорошо, усталости не чувствую, что же касается планов... Немного подумав и собравшись с духом, ответил:

– Вы знаете, наверное, уже несколько поздновато, но, как говорят, лучше поздно, чем никогда. В общем, в связи с тем, что через неделю мне необходимо убыть в свою часть, я хотел бы официально просить руки вашей дочери. Ну и также официально оформить брак. Завтра мне необходимо явиться в швейцарский МИД, и завтра же я узнаю, как работают здешние ЗАГСы.

Блин, а Ленка два года назад что-то там говорила, что мать у нее немка... Щаз! Судя по поведению – стопроцентная русская! В общем, Александра Георгиевна, услышав мое заявление, молча поднялась, открыла буфет, достала оттуда графин с чем-то красным и, наполнив стопку, лихо ее хлопнула. Потом поставила такую же стопку передо мной и, на этот раз налив обоим, глядя на меня внезапно покрасневшими глазами, сказала:

– Загс, насколько я поняла, это место, где регистрируют браки? Здесь это происходит в мэрии. Или в церкви. – После чего, вздохнув, добавила: – Я понимаю, что вы коммунист, и про венчание ничего говорить не буду. Хотя Хелен, как и любая девушка, втайне мечтает об этом. Вот только ваше предложение хоть и ожидаемо, но все равно несколько внезапно. За столь короткое время мы просто не успеем оповестить всех, кого надо. И Карл сможет вырваться из Кельна только послезавтра...

Попробовав содержимое своей стопки (это оказалась довольно крепкая вишневая наливка), я пожал плечами:

– Не вопрос. Вы можете оповестить гостей, что свадьба состоится через пять дней. Поймите, ведь речь идет не только о нас с Аленкой. Сейчас у нас сын появился, которому метрику оформлять нужно. Вот пусть она сразу и будет оформлена на Лисова Ивана Ильича. И кстати, Карлу передайте, что, приехав сюда, в Германию он сможет вернуться только после капитуляции гитлеровцев. Максимум через неделю наши войска возьмут Штутгарт и продолжат движение к французской границе, с юга отрезая рейх от нейтралов. А потом начнется избиение отказавшихся капитулировать войск. Так что если ему дорога жизнь, пусть он этот месяц проведет в Швейцарии. – Ленкина мама на это только кивнула, а я продолжил: – Что же касается венчания и всего прочего... В общем, если ваша дочь об этом мечтала, то я всегда готов! Тем более что сам уже давно обещал исполнять ее мечты.

Александра Георгиевна, согласно покачивая головой, сказала:

– Вы знаете, насчет Ванечки вы совершенно правы. Сейчас надо думать в первую очередь о нем...

Хм, кто бы сомневался! Я о нем и думаю. Да и теща с тестем втайне от дочери наверняка себе голову сломали – как же поступить, находясь в столь щекотливом положении? Нравы в Европах сейчас, конечно, достаточно свободные, но барышня, имеющая ребенка вне брака, пока еще в глазах общества выглядит довольно предосудительно. А тут получается, что я приехал удивительно вовремя: сначала будет

свадьба, Аленка возьмет мою фамилию, а потом чинно-благородно счастливые родители зарегистрируют рождение младенца. На дату рождения в данном случае можно наплевать, так как чисто формально все приличия соблюдены. По-любому выходит, что в этом случае выигрывают все – и я, получающий любимую в жены, без особых брыканий со стороны ее родственников, и эти самые родственники, которые будут иметь вполне законнорожденного внука. В этот момент до будущей тещи, которая последние пару минут наверняка думала примерно о том же, о чем и я, похоже, дошли последние слова советского гостя, так как она удивленно распахнула глаза и спросила:

– Подождите... вы сказали, что готовы венчаться? А как же к этому отнесутся в ГПУ? Или как сейчас называется российская тайная полиция? У вас ведь могут быть большие неприятности, если они узнают о том, что вы были венчаны?

Я хмыкнул:

– Вы еще скажите – в ЧК... ГПУ уже давно нет, есть НКВД – Народный комиссариат внутренних дел. А уж с родной организацией я разберусь сам.

– Почему вы сказали – «с родной»?

– Потому что я – полковник Главного управления государственной безопасности этого самого НКВД.

Так, теперь понятно, у кого Аленка заимствовала жест для критических ситуаций: кулак в рот и распахнутые до невозможности глаза. Мамина дочка...

И в этот момент, как по заказу, появилась Хелен. Оповестив, что ребенок спит, она уставилась на нас и испуганно спросила:

– Что случилось?

Я встал, приобнял невесту и, ничего не говоря про заморочки с местом службы, так потрясшие тещу, шепнул ей на ушко:

– Понимаешь, я у твоей маман попросил руки ее дочери и сказал, что свадьба состоится через пять дней. Вот она и впечатлилась.

Ленка от подобного известия тоже впечатлилась. А после объятий, поцелуев, слез и смеха, слегка оттаявшая от этой картины Алекс сказала, обращаясь ко мне:

– Вы извините мою реакцию. Просто, когда Хелен мне о вас рассказала, я подумала, что вы офицер Красной Армии. Из тех, кого называют «невидимками». И она тоже считала вас просто командиром отряда разведчиков...

Что-то я не понял, это ее так заело, что я не легендарный «невидимка», которым можно хвастаться, а хмырь из тайной полиции? А может, у Алекс идиосинкразия на любых представителей любой госбезопасности? С другой стороны, конечно, тот гестаовец, которого я в госпитале завалил, тоже ведь в женихи набивался. Да и Елена наверняка рассказывала родителям о том, что сей кавалер хотел добиться ее руки и сердца путем шантажа. М-да, вот, видимо, теща до сих пор под впечатлением и находится. Надо ее как-то успокоить, разумеется, не говоря всей правды. Поэтому, кивнув в ответ на ее тираду, я сказал:

– Правильно она считала. Я тогда и был командиром террор-группы. Да и сейчас им являюсь. Только отношусь не к армейскому осназу, а к осназу НКВД, спектр задач которого несколько шире. А что, есть принципиальная разница?

– Нет, просто раньше я никак не могла сообразить, как советский диверсант мог оказаться во Франции. Зато теперь, когда вы обозначили свою ведомственную принадлежность, все становится более-менее понятно...

– Вот видите, как хорошо. Это ведь просто праздник какой-то, когда нет неясностей в отношениях. Но давайте пока оставим разговор о моей службе, тем более что к сказанному я ничего не могу добавить. И вы об этом лучше не говорите. Ведь сейчас я выступаю как помощник атташе по культуре. Вот так меня и нужно гостям представлять. А настоящее место моей службы пусть останется нашей маленькой семейной тайной. Во всяком случае, пока война не закончится и агенты гестапо в Швейцарии не прекратят свою деятельность.

Александра Георгиевна задумчиво покивала головой.

– Да, вы, наверное, правы. Говорить, что жених моей дочери агент ГПУ, извините, НКВД, будет несколько опрометчиво.

– Ну и я про то же! Тем более что «дипломат» звучит гораздо понятнее и приятнее.

А потом, прекращая этот разговор, я поднялся и предложил дамам сопроводить меня к чемодану, где были приготовлены подарки.

Кстати, за то, что я, как и положено жениху, приехал знакомиться с семейством будущей жены, запасшись подарками, мне надо было благодарить не собственную предусмотрительность, а Гусева и Колычева. Видя, что Лисов напрочь выпал из жизни, они взяли на себя этот труд. Иван Петрович, уточнив габариты Хелен, приволок откуда-то меховую накидку из шкур безвинно убиенных норок, а Серега здоровую золотую брошку с красными и зелеными камушками. Брошка предназначалась теще, и против этого подарка я не возражал, молча отдав Гусеву деньги. Но вот манто! Хрен с ним с его стоимостью, для Аленки ничего не жалко, но дарить летом зимние шубейки мне казалось странным. Барышни они ведь такие существа – им обнову сразу примерить захочется и обязательно продефилировать туда-сюда на людях. Вот только, боюсь, в августе подобное дефиле может закончиться тепловым ударом...

Отметая все возражения, Колычев обозвал меня идиотом, слабо разбирающимся в женских вкусах, и всучил-таки мохнатый презент. Кроме того, командир достал еще одну продолговатую коробочку, сказав, что это для тестя. Открыв краснобархатную упаковку, я только присвистнул. Да уж, в мое время такой подарок посчитали бы издевательством, но сейчас... Сейчас металлическая трехцветная шариковая авторучка – это такой эксклюзив, что просто нет слов. Скажу больше: даже у штурманов и понтыщихся номенклатурных работников – только двухцветные. А эта авторучка – как мне объяснили – последняя новинка, изготовленная для делегатов назначенного на следующий год съезда ВКП(б). Попала же она к командиру потому, что после выпуска маленькой пробной партии было решено слегка изменить дизайн, и несколько изготовленных, но отвергнутых комиссией изделий были просто отданы в наш наркомат.

Против ручки я тоже ничего не имел и, поблагодарив Ивана Петровича, положил ее к остальным «ништякам». Кстати, даже ребята поучаствовали в подарочном забеге, добыв штук десять разнокалиберных матрешек для сувениров и килограммовую банку икры. При этом каждый из участников, будто все они сговорились, оповещал, что все это будет считаться подарком только от меня, а вот презенты для Хелен они отдадут при личной встрече.

Так что сейчас, открыв чемодан, я на короткое время превратился в Деда Мороза. Матрешками все умилились, от икры слегка охренели, а вот дальше... Алекс, увидев брошку, округлила глаза и начала выделяться: дескать, это работа Фаберже и слишком дорогой подарок, чтобы она могла его принять. Про Фаберже я был наслышан и в свое время, поэтому, пару секунд поудивлявшись (в какой коммиссионке Серега смог добыть этот раритет?), всучил-таки коробочку со словами:

– Александра Георгиевна, ну что вы в самом деле, как нерусская! Или вы наши обычаи забыли? Я у вас забираю самое бесценное – дочку, а вы тут из-за какой-то брошки температурить начинаете!

То ли теща вспомнила свои корни, то ли ее сразил мой околomedicalский жаргон, но после этих слов подарок был принят. Сразу бы так! С их деньгами она подобные сувениры вагонами может скупать, а тут гляди ты, неудобно ей стало! Хотя, с другой стороны, в скопидомной Европе подобное действительно не принято. Тут любимым могут дарить по одному цветочку, а родителям невесты так вообще свадебную фотографию в рамочке и на этом – все. Но я, слава богу, не «европеец» и подобными сквалыжными правилами не стеснен.

Поэтому, когда я, улыбаясь, достал подарок для Хелен и накинул его ей на плечи, она даже не особенно удивилась, а только, восторженно взвизгнув, повисла у меня на шее. Повисев там какое-то время, она переместилась к зеркалу, после чего последовала новая

порция радостных повизгиваний.

А еще через полчаса нас позвали в столовую, где за обедом мне был задан вопрос в лоб: не собираюсь ли я прямо после свадьбы увезти с собой младшую Нахтигаль и ребенка? Я успокоил тещу, сказав, что два месяца у них еще есть, а потом Лена однозначно будет жить в Москве. Правда, я сам еще не знал, как там все определится с гражданством и вообще, но, надо полагать, этот вопрос за оставшееся время будет разрешен. Если уж ее приглашает сам Сталин, то проблем не будет никаких. Последних мыслей я, разумеется, не озвучивал, нагло соврав, что в моей стране все бюрократические вопросы решаются достаточно быстро.

Елена была готова ехать не задумываясь, но на Алекс опять напали сомнения. На этот раз ее сильно волновала обстановка в СССР. Причем даже не в смысле бытовой неустроенности, о которой она имела весьма смутное представление, а в смысле политической ситуации. Не зашлют ли ее ненаглядную дочу сразу по приезду в Сибирь? Но даже если не зашлют... Доктрина перманентной революции, с точки зрения моей тещи, убивала всякую надежду на нормальную жизнь в России.

Пришлось объяснять, что насчет мировой революции трендел в основном Троцкий, который уже давно, не перенеся удара ледорубом по тыковке, покоится где-то в Латинской Америке. А в Союзе за последнее время политика сильно переменялась, и мы вовсе не собираемся строить коммунизм во всем мире, со всеми вытекающими отсюда хреновыми последствиями, а совсем наоборот: хотим мирно жить в своей стране, создавая все необходимые условия для своих граждан.

В своих объяснениях я дошел до того, что начал чуть ли не цитировать слова Иосифа Виссарионовича, попутно объясняя, что это не пропагандистский звездех, а самая что ни на есть правда, и верить словам Геббельса относительно монструозности советского строя по меньшей мере глупо. Скажу сразу: убедить получилось. И, как ни странно, этому способствовала речь Верховного, в которой он выступал против массированных бомбежек немецких городов союзной авиацией. Эту речь Александра Георгиевича услышала незадолго до моего приезда и прониклась ею до невозможности.

А Сталин тогда просто говорил о недопущении целенаправленного уничтожения мирных жителей. И если американцы долбали промышленные центры и железнодорожные узлы, промахиваясь только изредка, то англичане вываливали свой груз над жилыми кварталами, элементарно опасаясь атаковать хорошо защищенные стратегические объекты. Островитяне оправдывали свои действия тем, что они, дескать, уничтожают не просто мирных жителей, а гитлеровских рабочих, которые клепают на заводах все новое и новое оружие, убивающее союзных солдат. Виссарионич назвал эти отмазки фарисейством и призывал прекратить подобное варварство. Эту речь он произнес четыре дня назад, и я об официальной реакции на нее ничего не могу сказать, но, судя по Ленкиной мамаше, реакция европейских обывателей была самой восторженной. Во всяком случае услышать от нее слова о великой гуманности как советских властей, так и непосредственного руководителя СССР я совершенно не ожидал.

Да, своей речью Верховный убивал сразу двух зайцев: сберегал инфраструктуру немецких городов и представал перед миром политиком, сумевшим даже после творимых гитлеровцами зверств не перенести свою ненависть на весь немецкий народ. Вон, в войсках еще полгода назад прошел жесткий приказ не допускать никакого беспредела по отношению к гражданскому населению Германии. И это, я думаю, правильно. Зачем нам самим себе вредить? Ведь по существующим соглашениям раздел территории бывшего Третьего рейха на зоны ответственности не предусматривался. Советский Союз как победитель полностью брал европейского «возмутителя спокойствия» под свой контроль. Как там насчет прочих стран я еще толком не знал, но вот относительно Германии мне все было известно. Так что после нашей победы никаких ГДР и ФРГ не будет. Будет единая страна, под плотной опекой со стороны СССР.

Англии и Америке такое положение дел, разумеется, не нравится, но речь вначале шла

вообще о полной советизации Восточной и Центральной Европы. Поэтому, когда Союз под их давлением отказался от этого намерения, англосаксы, скрипя зубами, уступили Германию целиком.

Но это все высокая политика, которая творилась где-то далеко отсюда, а лично для меня весь этот разговор вылился наконец-таки в получение частичного доступа к «комиссарскому телу». Александра Георгиевна, удовлетворенная беседой, сказала, что ей нужно отвалить по делам и, отпустив прислугу, оставив только няню, куда-то умотала. Мы с Леной намек поняли моментально и тут же уединились в спальне. Правда, никакого особого буйства у нас не получилось, так как недавние роды ставили жирный крест на совсем уж смелых экспериментах, но и мне и Аленке вполне хватило того, что было. Вначале, когда я поинтересовался, можно ли вообще нам производить какие-либо действия, Хелен, смеясь, сказала:

– Милый мой, я, конечно, еще слегка не в форме, но ведь и не мертвая! Так что мы что-нибудь придумаем...

И ведь, что характерно – придумали! Во всяком случае, я на нее мог теперь смотреть более-менее спокойно и не терять сознание при виде внезапно обрисованного натянувшимся платьем контура бедра или мелькнувшей перед глазами ложбинкой грудей. Нет, настроение было по-прежнему весьма игривым, но мыслил я уже вполне адекватно. Поэтому смог, не распуская рук, спокойно выслушать, что Хелен мне рассказывала о своем житье-бытье в Швейцарии. И как обрадовались родители, когда узнали о ее решении переехать в страну часов, и как Александра Георгиевна при известии о помолвке дочери с незнакомым семье Нахтигаль молодым человеком приехала ее наставлять на путь истинный. А узнав, что будущий зять советский военный разведчик, на два часа заперлась в комнате, после чего, выйдя оттуда, подвела черту своим переживаниям, сказав: «Это наши русские корни дают о себе знать. Ведь, начиная с твоего предка, который первым женился на русской еще во времена царя Петра, у нас постоянно были смешанные браки. Правда, я думала, что теперь, после революции, эта традиция прервется, но от судьбы, как видно, не уйдешь... Ладно, давай рассказывай, чем же тебя покорила этот русский».

Я, услышав о реакции будущей тещи, хмыкнул и, повторяя слова Карлсона, поинтересовался:

– Ладно мама. А что сказал папа?

Но с папой, как выяснилось, дело обстояло гораздо проще. Дочу он любил без памяти и поэтому был заранее согласен с любым ее решением. Нет, году в сорок первом – сорок втором он бы ее, возможно, и попытался бы отговорить, но на дворе была зима сорок четвертого и Карл Нахтигаль, обладающий помимо отцовской любви еще и очень хорошей деловой хваткой, только поинтересовался воинским званием избранника. Услышав, что Лисов подполковник, то есть оберстлейтенант по-немецки, он удовлетворенно улыбнулся, однако настоятельно порекомендовал не афишировать национальную принадлежность жениха до окончания войны. Ну это и понятно – за такие связи гестапо по голове не погладит, а Нахтигаль-старший и так подозревался в сочувствии врагам рейха.

А когда стало известно о беременности Хелен, то у родителей вообще башню снесло, и Алекс окончательно переселилась в Берн. Тут уж все рассуждения о дочкином выборе прекратились совершенно, так как начались совсем другие заботы. С Лены просто сдували пылинки, и до конца июля все шло замечательно, как вдруг она случайно услышала очередную сводку фашистского радио, где говорилось о том, что в немецком тылу была полностью уничтожена советская террор-группа во главе с командиром, неким Шаманом. Не знаю, то ли тут сыграли роль тонкости перевода, то ли мою зазнобу просто переключило, но она почему-то решила, что говорят обо мне, и ее накрыло основательно. Вот в результате этих переживаний и приключились преждевременные роды.

Теперь же, вспоминая все пережитое, она горестно всхлипывала, а потом неожиданно стала просить прощения за то, что не смогла полноценно выносить сына. Я от такого поворота несколько обалдел и сказал, что не надо Бога гневить – мальчишка сейчас вполне

весел и здоров (из-за щёк ушей не видно), а брать на себя несуществующую вину по меньшей мере глупо. Видя, что эти слова зеленоглазую красавицу успокоили слабо, стал заливаться соловьем и, в конце концов, Аленка перестала шмыгать носом. А когда я, увлекшись, предположил, что вторая беременность будет протекать просто замечательно, даже вскинулась, показала мне дулю и посоветовала подкатываться с подобными идеями не раньше чем через три года. Я с таким подходом покладисто согласился, но возжелал провести тренировку прямо сейчас. Против этого она ничего не имела, и только приход Алекс заставил нас оторваться друг от друга и спуститься вниз.

А за ужином приключилась интересная история. Мы чинно вкушали свиные ребрышки, тихо играл радиоприемник, и вдруг из динамика полилась знакомая мелодия. Радио было лондонское, но песня – русская, в исполнении Утесова. Точнее, Леонида и Эдит Утесовых. Они вместе зажигали «Мы летим, ковыляя во мгле». Услышав песню, Александра Георгиевна отложила вилку и, с интересом глядя на меня, спросила:

– Илья Иванович, я хотела у вас спросить, но как-то сразу не сложилось, а сейчас вдруг вспомнила. Очень часто по радио передают песни и говорят, что автором является некто Лисов. Это ваш родственник или просто однофамилец?

Промокнув салфеткой губы, я ухмыльнулся:

– Ни то, ни другое. «Некто Лисов» – это я и есть.

Ха! Это надо было видеть! Глаза что у мамы, что у дочки стали размером с блюдце, но Лена пришла в себя первой и торжествующе сказала:

– Я же говорила, что он мне *свои* стихи в письме присылал!

И накрыла своей ладонкой мою руку. М-да... врать любимой не хотелось совершенно, но в данном случае надо было зарабатывать очки – не перед ней (она меня и бесталанным любила), а перед ее семейством. Поэтому, кивнув, я добавил:

– И чтобы не было неясностей, скажу сразу: я не только сочиняю песни, но и являюсь лауреатом Сталинской премии, так что уровень жизни Хелен в Москве практически не будет отличаться от того, к которому она привыкла, живя здесь. Вплоть до няни и домработницы.

Говоря про прислугу, я ничуть не преувеличивал. В СССР это явление было широко распространено, и на жалованье полковника я вполне мог содержать даже не одну домработницу. Помню, когда об этом узнал, то сильно удивился, так как думал, что прислуга канула в прошлое после революции и последний раз ею пользовались только недорезанные буржуи во времена нэпа. А оказалось – ни хрена! Существовал целый институт домашних работников, со своим профсоюзом, трудовыми книжками и твердыми окладами⁵. И достаточно хорошо обеспеченный советский гражданин мог позволить себе содержать штат до пяти человек, включая личного повара. Нет, конечно, слесарь Петя, живущий в коммуналке, такими вещами не баловался, а вот для инженера Петра Васильевича не иметь домработницы значило не полностью соответствовать своему статусу инженера. Услышав об этом, я только затылок почесал, вспоминая недобрым словом «историков», завывающих о «преступлениях кровавого режима», но совершенно упускающих из вида такие интересные «мелочи».

На Алекс мои слова и про песни, и про Сталинскую премию произвели большое впечатление. Елена тоже прониклась, но несколько иначе. Видя, что я уже все доел, она потребовала авторского исполнения и потащила меня к стоящему в гостиной роялю. Оглядев черную лакированную бандуру с золотой надписью «Bekker», я отрицательно покачал головой и попросил гитару. Гитары не оказалось, но Аленку это не смутило, и она, сев за рояль, сказала:

– Ты начинай, а я подыграю.

Глядя в сияющие глаза своего сокровища, я, улыбаясь, обдумывал сразу две вещи. Во-первых – что бы такое спеть, а во-вторых – ну почему практически все барышни умеют

⁵ Такое действительно было в реальной истории.

играть на фортепиано и хорошо танцуют? Их что, этому в школе учат втихаря, пока мы не видим? И если с игрой на клавишных еще встречаются исключения, то как быть с танцами? Может они сразу с этими умениями на свет появляются? А может, это вообще заговор?

Тут Аленка взяла аккорд, и мысли мои переключились со всемирного женского заговора на мой репертуар. Блин, надо ведь что-то лирическое зарядить, а в голове только «Постой, паровоз» крутится. А он тут несколько не в тему... Что же, что же? «Тонкий шрам на любимой попе» тоже не поймут... надо что-то особое, подходящее к случаю и в то же время разрешенное к исполнению. О! Вспомнив диск «Доктора Ватсона», который у меня обычно крутился в машине, я, наклонившись к Хелен, потихоньку начал:

Мне тебя сравнить бы надо с песней соловьиною,
С тихим утром, с майским садом, с гибкою рябиною,
С вишнею, черемухой, даль мою туманную,
Самую далекую, самую желанную...

Елена, вместо того чтобы подыгрывать, нахально отлынивала от работы аккомпаниатора, подперев щеку кулачком и глядя мне в глаза. Но я отсутствия музыки даже не заметил, так как, машинально напевая, любовался таким родным лицом. Правда, закончив, возмутился, что не могу вместо песни читать стихи. Аленка встряхнулась и пообещала исправиться, а я, поймав кураж, перешел на Макаревича с его «Свечей» и «От меня к тебе», спел несколько песен из фильмов, мелодии которых любимая подхватывала буквально с первого куплета и, разошедшись, закончил «Королевой красоты». Исполняя последнюю, сам себе удивлялся, откуда только слова вспомнились, но пропел всю песню, отбивая ритм на крышке рояля. Аудитория была впечатлена. Хелен, пребывая в восторге, звонко чмокнула меня куда-то в район уха, а Алекс заметила, что если я после войны решу уйти из армии и посвятить свою жизнь исключительно сочинительству, то прозябать в нищете ни мне, ни моей семье точно не придется.

Я для себя отметил эти слова, как несомненный жирный плюс будущему зятю, и, еще некоторое время поболтав втроем, мы с Аленкой удалились наверх. Ее маман попробовала было вякнуть что-то насчет гостевой спальни, но дочка одарила ее таким взглядом, что Александра Георгиевна моментально поняла свою неправоту и пробормотала:

– Я просто думала, что Илья Иванович захочет отдохнуть с дороги. Ты ведь ночью вставать будешь – ребенка кормить. Да и...

Что именно «да и» она недоговорила, просто быстренько смылась к себе. А мы с любимой переглянулись, одновременно понимающе хмыкнули и пошли сдавать тест на тему «Как надо поступать в ситуации, когда обоим очень хочется, но одной не сильно может?» Кстати, вариантов решения нашлось море...

* * *

А наутро я был вынужден покинуть семью и заняться бюрократической волокитой, связанной с документами. Впрочем, как оказалось, не такой уж и волокитой, поскольку уже к обеду я освободился и смог заняться своими делами. Иванов, выделив мне Панарина в качестве проводника и шофера и предупредив, чтобы при малейшей проблеме я связывался с ним лично, убыл в консульство. Мы поехали в церковь, а затем в магазины, так как я собирался, используя подвернувшуюся возможность, прикупить презенты своим мужикам. В магазины мы, правда, уже не успели, поэтому продолжили вояж на следующий день.

В принципе, я бы долго не мотался, но вот Хелен, которая, узнав о дате свадьбы, превратилась в тайфун, ураган и торнадо в одном лице, прихватила мамашу и сорвалась заказывать платье. А это оказывается – ПРОЦЕСС, который может занять недели и месяцы. Вообще, меня чуть не съели из-за того, что я заранее не предупредил о столь важном мероприятии. Возражения о том, что первое колечко было подарено более полугода назад, и

этот подарок, в общем-то, являлся намеком на свадьбу, в расчет не принимались. При этом суэта прерывалась только на время кормления Ванюшки и на периодические стоны Аленки, что она ничего не успевает. К концу дня я настолько от всего опупел, что неосторожно предложил перенести свадьбу на полтора месяца. Мол, за это время все точно успеют собраться и нарядиться. Вплоть до моего знакомого Гюнтера Клабке, который сейчас крутил какие-то семейные дела в Аргентине. М-да, лучше бы я молчал, так как за это предложение меня вообще чуть не убили.

Одно радовало, что вечером Хелен опять превратилась в ту самую девчонку, которую я знал. На вопрос о подобных метаморфозах она ответила, что это «невестин синдром», и посоветовала любимому просто, стиснув зубы, перетерпеть четыре дня, оставшиеся до свадьбы. Четыре дня перетерпеть я согласился, но наутро приключилась новая напасть – знакомство с ее подружками: Магдой – высокой девицей гитарных форм, одетой в платье с декольте, глубоким как овраг, и Джулией – просто красивой барышней, муж которой был крупной шишкой в местной строительной корпорации. Про мужа и свою недавнюю свадьбу она рассказала буквально на первых минутах знакомства, а потом все больше молчала, залиvisto смеясь над каждой моей шуткой. Магда же, наоборот, болтала непрерывно, рассказывая сразу обо всем, начиная их детскими шалостями и заканчивая прогнозами на урожай винограда. Я ее слушал внимательно, но постоянно отвлекался на два внушительных шара, выпирающих из выреза платья. В конце концов, Аленка заметила направление моего взгляда и, мило улыбаясь, наступила мне на ногу каблуком, благо мы сидели за столом и этого ее действия никто не заметил. Больно было так, что я чуть не откусил кусок кружки, из которой чинно прихлебывал кофе. А жестокосердная Нахтигаль нежно поцеловала меня в щечку и невинно поинтересовалась, а что это у любимого так личико скривилось? Кофе обжегся? Так осторожней надо быть – это ведь не русский охлажденный квас! Девки опять заржали, ну и мне пришлось нацепить улыбку, при этом обиженно думая, что данную экзекуцию моя зеленоглазка устроила совершенно зря. Если говорить объективно, то в такой вырез, как у Магды, целиком провалиться можно, но я заглядывал туда движимый не похотью, а совершенно нормальными, высокоэстетичными чувствами. Смотрят ведь люди на картины Рубенса, и никто им за это ноги не оттаптывает! Ленка, видимо поняв, что несколько перестаралась, уже искренне погладила меня по руке, и я, оттаяв, снова начал шутить и каламбурить.

Вечером этого же дня состоялось знакомство с ее дядей, ну и тетей, прицепом. Там все прошло штатно, и разговор все больше вился вокруг наших семейных планов на будущее.

А за два дня до часа «X» в Берне появился сумевший таки уехать из рейха Карл Нахтигаль. Мы с невестой в это время отсутствовали. Она была на очередной примерке, и я, как ни странно, тоже, так как, оказывается, «мужчина во время свадебной церемонии должен быть либо во фраке, либо в мундире». Согласившись с тем, что парадная форма полковника НКВД здесь и сейчас будет смотреться несколько вызывающе, не говоря уж о том, что о конспирации придется забыть, я потопал добывать этот долбанный фрак. Хорошо, предусмотрительный Иванов надоумил, что его можно взять в посольстве, благо размер подходящий был, в противном случае я бы еще кучу времени на пошив потратил. Да и деньги надо поэкономить, а то покупка десятка хороших часов для подарков моим ребятам пробила солидную брешь в бюджете. Это удачно еще получилось, что я заранее оплатил услуги поваров и официантов с музыкантами, прежде чем пошел за презентами пацанам, а то хорош был бы жених, одалживающий деньги на банкет.

В общем, когда я с фраком наперевес зашел в дом, Аленка еще не вернулась, и меня встретила Алекс с высоким, седым, упитанным мужиком, которого я мгновенно опознал как Карла Нахтигаль. После стандартной процедуры знакомства Александра Георгиевна куда-то смылась, а я был приглашен в кабинет для беседы. Предложив мне свободно курить, Карл достал трубку и, набив ее, закурил сам. После этого, выставив два бокала на стол, плеснул в них немного коньяка и сказал:

– Я уже имел разговор с женой и буду с вами откровенен. Узнав в январе этого года,

что моя дочь решила связать свою судьбу с русским офицером, я не был в особом восторге, но и препятствовать свадьбе не собирался, решив, что в послевоенном мире это вполне приемлемая партия для Хелен. Точнее, я просто не хотел спорить и расстраивать дочь. Натура у нее упрямая, поэтому никаких аргументов она бы не слушала. Но сегодня выясняется, что вы не просто армейский офицер, а сотрудник тайной полиции...

Я, кивнув, спросил:

– Это как-то влияет на ситуацию?

– Несомненно! – Немец несколько раз пыхнул, раскуривая трубку, и продолжил: – Поймите меня правильно, я уже имел дело с тайной полицией. Вы наверняка знаете о том, как меня чуть не арестовало гестапо?

– Знаю. И о тогдашнем выборе, стоящем перед Еленой, тоже знаю. Или ваш арест, или ее замужество с тем прохвостом, который пронюхал о ваших делах с русскими военнопленными.

Карл несколько смутился, вспомнив, какую именно роль сыграл его нынешний собеседник в ликвидации нешуточной угрозы, но, быстро оправившись, сказал:

– Я вам благодарен за то, что вы тогда сделали, но поймите, я достаточно взрослый человек, чтобы понимать, что государственная безопасность – это не армия, где все просто и понятно. В безопасности постоянно плетутся интриги, а мне вовсе не хотелось бы, чтобы моя семья и мой внук хоть как-то пострадали от этой тайной войны. Скажу более откровенно: в тайной полиции прямо приветствуется доноительство, двуличие и подлость, даже по отношению к своим коллегам, поэтому я считаю, что порядочный человек в такой структуре служить не будет.

Оба-на! Где-то я уже слышал подобные песни. Только там их исполняли сбрендившие от кухонных посиделок либералы, а здесь это говорит с виду вполне вменяемый мужик. Нет, я бы понял, если бы он был нищим и тупорылым «леваком» – это только они любят порассуждать о «кровавой гэбне» и о том, что там служат исключительно упыри. Но ведь Карл вполне самодостаточен и образован, поэтому должен хорошо понимать роль государственной безопасности в деле элементарного сохранения страны. Или это просто спесь барина, не желающего иметь никаких дел с «сексотом и филером»? Нет, тут что-то не сходится...

Во всяком случае, если судить по рассказам Аленки о своем отце, психотип у этого человека должен быть другой. И что это тогда значит? Проверка? А чего он меня вообще проверяет, на вшивость, что ли? Думает, что я сейчас начну возмущаться и доказывать обратное? Что я не подлый и не двуличный? В этом случае человек, начав оправдываться, скорее докажет обратное, предоставив собеседнику все козыри...

Карл очередной раз пыхнул, окутавшись ароматным дымом, скрывающим выражение глаз, и я решил:

– Господин Нахтигаль, как вполне справедливо говорил один профсоюзный деятель: «При ста процентах прибыли, капитал попирает все существующие законы, а при трехстах нет такого преступления, на которое он бы не решился, хотя бы под страхом виселицы». Данные слова ни у кого не вызывают сомнения, но ведь на этом основании я не подозреваю именно вас, как яркого представителя капитала, в способности совершать бесчеловечные преступления. Вы мне можете ответить, что не все капиталисты одинаковы. Но и я могу сказать, что спецслужбы спецслужбам рознь. Точнее взаимоотношения внутри этих спецслужб...

Собеседник негромко рассмеялся.

– А вы неплохо держите удар. Только, насколько мне кажется, слова про капитал принадлежат вашему Марксу?

Я хмыкнул.

– Он скорее ваш. И насчет этой фразы вы несколько заблуждаетесь – впервые ее озвучил англичанин Даннинг, а Маркс просто удачно повторил.

Нахтигаль, опять пыхнув трубкой, заметил:

– Интересно, вы первый встретившийся мне коммунист, который правильно идентифицировал авторство этого высказывания. Все остальные приписывали его либо Энгельсу, либо Марксу, либо Ленину.

Хм, я бы ее тоже классикам приписал, если бы не препод, который у нас был на первом курсе. Время было как раз перед распадом Союза, и в стране в полный рост процветало кооперативное движение вкупе с ростом криминала, вот преподаватель марксистско-ленинской философии очень в тему и привел нам эту цитату. И заострил внимание на том, что многие считают, будто это слова Маркса, но на самом деле их первым ляпнул Т. Дж. Даннинг. Самое смешное, что из всей философии я только это и запомнил, зато сейчас ввернул цитату очень вовремя, прокатив за умного. Теперь, главное, не смазать это впечатление, так как будущий тесть, похоже, вовсе не является сбрендившим либералом, как мне поначалу показалось, и весь этот разговор затеян с целью прощупать русского жениха с разных сторон. Может, я фанатик идеи или просто дуболом от сохи, от которого надо держаться подальше? Ну-ну. Значит, пора удивлять этого доктора-капиталиста.

Взяв бокал, я его приветственно приподнял и, чуть пригубив ароматного коньяка, пожал плечами:

– Может быть, дело в том, что вам попадались не слишком образованные коммунисты. А может, в том, что я вообще не коммунист.

Ага, проняло. Карл даже трубку отложил в сторону и, удивленно подняв брови, уточнил:

– Насколько я знаю, вы являетесь полковником НКВД?

– Алекс вам совершенно правильно передала мое звание и место службы.

– Но разве возможно служить в вашей организации и не быть при этом членом партии?

Я улыбнулся.

– Как видите.

Нахтигаль тоже отхлебнул из своего бокала и задумчиво произнес:

– Не верить вам на слово я не имею никаких оснований. Просто в данном случае ложь – бессмысленна. Но скажу честно: вы меня сумели удивить во второй раз.

– А когда был первый?

Мне думалось, что немец скажет о том, как я его отбрил по поводу подлости и двуличности гэбешников, но ответ был неожиданный:

– Первый раз был тогда, когда я узнал, что «невидимка» оказался во Франции. Тогда я сначала предположил, что вы были просто в силовом прикрытии дипломатической миссии. Но несколько позже узнал, что ошибался, причисляя вас к охранникам. А что вы так удивились? – Нахтигаль усмехнулся и пояснил: – Вы бы видели глаза моего племянника Гюнтера и его высокопоставленного друга Гельмута, когда Хелен показала кузену фотографию жениха. Гюнтер опознал вас как некоего Себастьяна Кольема, а Гельмут... Поверьте, мне не часто приходилось видеть настолько ошеломленного человека. Увидев подобную реакцию, я провел его в свой кабинет и на правах отца, беспокоящегося за судьбу своей дочери, смог выяснить некоторые очень интересные подробности. Господин барон мне тогда сказал, что именно вы были одной из ключевых фигур переговоров. Что вы вообще очень необычный человек, и он будет счастлив видеть вас мужем Хелен. Потом, вероятно, справившись с первоначальной растерянностью, оберст замолк и сказал, что более ничего рассказать мне не может, так как это не его тайна. Поинтересовался только, известно ли моей дочери, кем вы являетесь? Я ответил, что Хелен знает вас как русского «невидимку». Гельмут лишь понятиливо кивнул и попросил о нашем с ним разговоре более никому не рассказывать.

М-да... правильно люди говорят, что Земля в натуре – очень даже маленький шарик. Хотя предположить то, что «царская морда» увидит мою фотку, вполне можно было. Он кентуется с двоюродным братом Аленки и, значит, рано или поздно посетил бы ее дом, где ему обязательно бы похвастались «портретом» жениха. Но мы рассчитывали, что это произойдет несколько позже, так как после того, как гестапо взялось за заговорщиков,

Клабке сбежал в Швейцарию, а потом от греха подальше родственники его вообще отправили в Латинскую Америку контролировать семейную фармакологическую фабрику. Гельмут же, не прекращая своей антифашистской деятельности, ушел в глубокое подполье в самой Германии. И поэтому шансы, что перед этим они встретятся в доме Аленки, были довольно малы. Трудно было предположить, что они посетят ее одновременно, а одному оберсту Хелен мою фотографию не стала бы показывать.

Пока я размышлял о неожиданных вывертах судьбы, Карл продолжал:

– Тогда я и понял, что вы не просто «невидимка», как мне представлялось ранее. Честно говоря, была даже мысль о «подводке» ко мне русского агента таким хитрым способом, но я ее отменил. Слишком все случайно и необычно для распланированной операции, начиная вашей первой встречей с моей дочерью два года назад в России и заканчивая Францией. Но все равно остается слишком много неясностей. Понимаете, – Нахтигаль остро глянул на меня, – ну никак не вяжется диверсант, уничтожающий транспортные колонны, с ключевой фигурой в германо-советских переговорах. Да плюс еще Гельмут... Он о вас говорил с большим пиететом, и видно было, что мальчик не просто искренне вас уважает, а чуть ли не боготворит. Поверьте, я чувствую такие вещи и поэтому сейчас хочу спросить, кто же вы на самом деле? Ведь, не зная этого, я не смогу относиться к вам с доверием. Я не требую раскрытия каких-то государственных тайн, но, волнуясь за судьбу своей семьи, настаиваю на максимально развернутых объяснениях.

Мля, еще один... Сначала Колычев, теперь этот... Но какой соображающий дядька, и как быстро он меня за хобот поймал. Одно хорошо, уж ему-то я могу не рассказывать о своем инновременном происхождении. Поэтому, выслушав Карла и склонив голову в знак согласия, я ответил:

– Я вас прекрасно понимаю и не могу не отдать должное вашей проницательности. Да, я не просто полковник НКВД. Совсем «не просто». Помимо всего прочего, я являюсь также личным порученцем главы Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина.

В яблочко! Такого этот немец не ожидал – вон, даже спички рассыпал. А я продолжал объяснять:

– Для Верховного главнокомандующего членство в партии, разумеется, очень важно, но все-таки является менее приоритетным фактором, чем личные способности и качества человека. При этом не скрою – именно должность личного порученца и позволила мне приехать сейчас в Швейцарию, чтобы жениться на Хелен, которую я искренне люблю. Для обычного офицера подобное было бы немыслимо, но мой командир одобрил этот брак...

Нахтигаль задумчиво потер подбородок:

– Тогда у меня к вам два вопроса. Первый – как такая значимая фигура, как личный порученец главы государства, могла неоднократно оказываться в немецком тылу?

– Могу сказать только то, что я был одним из кураторов проекта террор-групп. Об остальном, прошу меня извинить, я промолчу.

Карл кивнул:

– Этот ответ, разумеется, ничего не объясняет, но я понимаю, что значит секретная информация, и поэтому перехожу ко второму вопросу... – Немец несколько замялся, но потом, чему-то усмехнувшись, продолжил: – Второй вопрос касается вашего, как вы выразились, командира. Я могу поверить, что он дал согласие на брак с моей дочерью, но никогда не поверю, что только этим все дело ограничится. Я ведь не пролетарий и не колхозник, поэтому странно было бы, если бы ваше руководство не сделало попытки через меня выйти на круг моего общения или не попыталось как-то по-другому использовать Карла Нахтигаль в своих играх. Вы уж извините старика – не верю и все. Поэтому сразу предлагаю разделить семейные и деловые вопросы. В семейных – я ваш будущий тесть, и этим все сказано. Но вот в деловых... большинство своих активов из Германии я вывел, и поэтому сохраняю свои капиталы даже в случае национализации. То есть с этой стороны Советы на меня надавить никак не смогут. Купить? Опять-таки смешно. Моя репутация в деловых кругах стоит гораздо дороже, чем коммунисты смогут предложить. Попытаться

воздействовать на меня через дочь или внука? – Нахтигаль закаменел лицом. – Знаете, молодой человек, чтобы не было никаких иллюзий, я хочу сразу расставить все точки над «i». В этом случае я буду действовать крайне жестко и подключу все свои связи как в Европе, так и в обеих Америках, чтобы это давление окончилось ничем. Ничем, кроме дискредитации Советов...

Так, вот теперь пошел серьезный разговор! В принципе, мужика можно понять: он о семье беспокоится и попутно честно обозначает свою позицию. Дескать, любовь – это дело святое, и против нее он ничего не имеет, даже готов принять русского в свой клан, но не более того. Полковник армии победителей может стать мужем дочери Карла Нахтигаль, но Карл не допустит, чтобы кого-либо из его родных впутали в шпионские игры. Ну иного и ожидать было бы смешно. Да в общем-то его и планировалось задействовать совершенно в других делах, о которых разговор пойдет позже, а сейчас, сузив глаза и подпустив холода в голос, я ответил, что думал:

– Тот, кто захочет манипулировать МОИМИ женой и сыном, в любых целях, проживет ровно до того момента, как мне об этом станет известно. Так что эту тему можно считать закрытой. Если вы намекаете, что этим манипулятором буду я сам, то сейчас клясться и божиться мне все равно бессмысленно – вы слишком умный человек, чтобы верить словам. Могу сказать лишь одно – агентуры Советскому Союзу вполне хватает и без вас. Открою даже маленькую тайну – среди гораздо более высокопоставленных и влиятельных лиц, чем вы. Так что – я просто люблю вашу дочь, и, поверьте, мне самому было бы гораздо проще, окажись она из семьи простого рабочего. – После этих слов я кашлянул и пробурчал по-русски себе под нос: – Он бы точно паранойей не страдал...

Только вот Нахтигаль не только услышал, но и понял мои последние слова, потому что, вздохнув, ответил:

– Я бы очень хотел на это надеяться... И паранойя моя – не что иное, как следствие большого жизненного опыта. Но, как говорится – время покажет.

Хе, тут скорее можно ответить словами из песенки, которую пел Бернес: «Кто ты – тебя я не знаю, но наша любовь впереди!» Только, разумеется, сказал совсем другое:

– Вот и я надеюсь, что со временем ваша подозрительность исчезнет и до вас дойдет тот факт, что на Елене я женюсь не из-за денег и не из-за вас, а просто потому что люблю.

Карл кивнул, опять пыхнул своей трубкой и, хитро глядя на меня, выдал:

– Но ведь она от этого не перестанет быть моей наследницей?

А, вон ты как? Ну тогда получи, фашист, гранату! Положив сигарету в пепельницу, я усмехнулся.

– Вы настоящий капиталист. Даже такую тонкую материю, как любовь, пытаетесь привязать к деньгам. Но я и сам достаточно обеспеченный человек, и моя семья может вполне обойтись без финансовых вливаний со стороны. Поэтому, если уж разговор повернулся так, сразу могу сказать: наследником можете назначить своего брата или племянника, а Аленка и мой сын – это МОЯ забота.

Нахтигаль почувствовал, что несколько перегнул палку, и тут же дал задний ход:

– Я вовсе не это имел в виду! Меня гораздо больше интересовало, как вы, являясь главой семьи, думаете распорядиться приданым моей дочери? Просто Алекс периодически рассказывает, что происходит в России, и я знаю, что коммунисты стали отходить от своих весьма странных доктрин, и у вас там наконец разрешено иметь частное производство, на котором трудится не десять человек, а гораздо больше. Я мог бы подсказать, во что выгоднее вложить капиталы.

Ну вот он и подвел разговор к одному из проработанных с Иваном Петровичем пунктов. Как там этот немец говорил – надо разделять личное и деловое? Насчет личного уже все ясно – папик не ляжет поперек дверей с криком: «Не пущу дочу в Сибирь!», он для этого слишком умный, поэтому будем считать, что свои дела я решил. Теперь пора заняться государственными.

– Не сочтите меня слишком самонадеянным, но, скорее, я вам могу подсказать, во что

вкладываться...

Карл поперхнулся дымом.

– К-хм! Это действительно довольно-таки вызывающее заявление. Но было бы очень интересно вас послушать.

– Хорошо... Только я начну несколько издалека. Как вы знаете, «добро» на мой брак дал лично Иосиф Виссарионович. При этом он, разумеется, не мог не заинтересоваться личностью будущего тестя своего порученца. И тот факт, что вы, рискуя жизнью, спасли нескольких русских военнопленных, ему очень понравился – людей вашего круга, способных на подобный поступок, он еще не встречал... А теперь к делу – вы знаете, что в Советском Союзе появилось очень много различных технических новинок. И не только военных. – Нахтигаль кивнул, непроизвольно покосившись на коробочку с подарочной авторучкой. – При этом, как вы сами заметили, в моей стране начались реформы, позволяющие то, о чем раньше не могло быть и речи. И в связи с этим мне поручено сделать вам предложение. – Тут я уже хотел было ляпнуть: «От которого вы не сможете отказаться», но вовремя поймал себя за язык и закончил гораздо дипломатичнее: – Участвовать в одном совместном проекте.

Немец явно заинтересовался, так что даже отложил трубку и, сложив пальцы домиком, спросил:

– В каком?

– Как вы относитесь к эксклюзивной лицензии на производство одноразовых шприцов?

Нахтигаль приподнял бровь:

– Это то, что я думаю?

– Не знаю, про что вы думаете, а то, о чем говорю я, представляет собой пластиковые шприцы разной емкости в стерильной упаковке. Их совсем недавно изобрели в СССР и получили все необходимые патенты: как внутренние, так и международные. Вам как врачу, наверное, не надо объяснять, сколько проблем может быть решено с применением шприцов, которые не требуют предварительной стерилизации, и которые могут быть использованы хоть на поле боя, хоть в больнице? И насколько это снизит риск занесения инфекции? Хочу добавить, что вам, как человеку, занимающемуся еще и выпуском ветеринарных препаратов, будет небезынтересно узнать: в том же животноводстве скорость прививок возрастет многократно, так как лекарство для прививок можно заправлять в шприцы прямо на фабрике.

Карл почти минуту молчал, переваривая мои слова и в задумчивости грызя мундштук машинально взятой трубки, а потом, вскинув на собеседника несколько ошарашенные глаза, негромко рассмеялся.

– Это, действительно, – царское предложение. Понимаете, я ведь не только врач. Точнее, уже довольно давно не врач. И поэтому, когда у немецких военных медиков, вернее у подразделения, которое собирает статистику по ранениям и их лечению, появились сведения о появлении у русских необычной новинки, я сильно заинтересовался. Почти одновременно с этим мои люди, находящиеся здесь, в Швейцарии, сообщили, что в библиотеке патентного бюро Берна появился оформленный по всем правилам русский патент на это изобретение. Причем при оформлении были настолько скрупулезно учтены все мелочи, что как-либо обойти его пункты не представлялось возможным. И, насколько я знаю, швейцарцы, первыми узнавшие об этих шприцах, пытались купить лицензию на их изготовление. Но пока безуспешно, хотя, по моим сведениям, кое-какие обнадеживающие сигналы со стороны вашей страны они получили. Только там речь шла лишь о новинке под названием – «шприц-тюбик»... М-да... а вы мне предлагаете лицензию на производство полноценных шприцов, которые, возможно, как и шприц-тюбик, произведут революцию в медицине. Но пластмасса вместо стекла... Ведь возможны деформации при хранении, даже от перегрева. Это ведь не мягкая колба тюбика, которая не боится подобных вещей. А изменение химического состава лекарства, которое возможно от соприкосновения с пластмассой? И самое главное – стерилизация готового изделия. Хотя... Испытания уже

были проведены?

– Да. Результаты испытаний, а также формула пластика и схемы трехкомпонентного шприца находятся у меня.

М-да, «трехкомпонентного»... Я год назад, когда рассказывал про эти шприцы, напрочь забыл про резиновое колечко на поршне, и поэтому на испытаниях первые шприцы, изготовленные чуть ли не на коленке, забраковали. Хорошо, сами изготовители внесли рауху, и с этим колечком шприцы заработали, как положено. Причем самое интересное, что эти первые шприцы были стеклянными, а потом уже подключились химики и выдали необходимый пластик для корпуса. Потом все уперлось в иголки, точнее в их количество. И под занавес отрабатывалась эта самая стерилизация, о которой спросил Аленкин отец. Если все остальное было сделано очень быстро, так как материалы для изготовления медицинской новинки были изобретены еще до войны, то стерилизация стала камнем преткновения. Перед упаковкой шприцы должны быть простерилизованы, и как ни прикидывали самые разные способы, все они приводили к огромному удорожанию изделия.

Но тут вдруг сыграло свою роль еще одно нововведение: общий банк данных всех изобретений, новинок и рацпредложений (зачастую даже беспатентных), сделанных как в СССР, так и по всему миру. Просто поняв, что одну и ту же вещь придумывают три, четыре, пять и более раз, умные люди продвинули идею о создании подобного банка, в который и превратили целый институт. И это вовсе не было аналогом существующего в тридцатых годах «Комитету по изобретательству при Совете труда и обороны». И к нынешнему «Комитету по изобретениям и открытиям», который занимался в основном патентным делом, банк тоже не относился. Это была совершенно новая, не имеющая пока аналогов, экспертно-аналитическая контора, которая еще только накапливала базу данных, но буквально с первых дней существования доказала свою полезность. Я даже не знаю, как именно был сформулирован запрос в этот банк относительно стерилизации, но факт остается фактом: съездившие туда изобретатели вернулись окрыленными, и теперь для обработки шприцов планируется использовать оксид этилена. Тот самый, что применяют в боеприпасах объемного взрыва и который нашел неожиданное применение в таком мирном деле, как медицина.

Так что дело движется, и пусть одноразовых шприцов у нас еще нет, но тем же «невидимкам» и военным медикам уже стали вовсе выдавать более простые в изготовлении шприцы-тюбики с обезболивающим, что резко сократило количество смертей от болевого шока прямо на поле боя.

Но каков немец-то оказался – следит за новинками и реагирует так, как будто мы массированную рекламную кампанию уже провели. Хотя он сам сказал, что уже давно не врач, а именно деляга, поэтому прибыль должен носом чуют. Вот, получается, и учуял...

Нахтигаль так проникся моим предложением, что даже обновил жидкость в бокалах и, встав рядом со мной, спросил:

– Но почему Советы решились привлечь к разработке этой золотой жилы именно меня? Ведь есть более богатые и заинтересованные в сотрудничестве люди?

Я хмыкнул.

– Откровенно говоря, репутация страны тоже стоит очень дорого. И абы с кем мы дела вести не будем. А вы... Что тут можно сказать... Спасая русских пленных докторов два года назад, вы этим поступком, сами того не подозревая, превратили себя в потенциального мультимиллионера... Советское правительство оценило ваш поступок и поэтому решило, что вы достойны того, чтобы с вами иметь дело.

Угу, а еще нам нужны деньги и новейшее оборудование. Специалисты тоже нужны. Поэтому за лицензию Нахтигаль будет платить не только бабками. Он и завод в Союзе построит, и товарами со своего производства расплачиваться станет. Опять-таки – обмен опытом... Не зря же человек владеет несколькими фармацевтическими производствами и медицинскими фабриками, на которых работают очень даже продвинутые спецы. И это только начало – вот как пойдут в разработку разные памперсы и тампаксы, так ему придется

и своих знакомых буржуев подключать, чтобы насытить рынок. А это – новые лицензии и новые деньги для моей страны. Дальше же, расширив круг привлеченных лиц, можно замутить и что-то более серьезное, например, те же транзисторы, а там, глядишь, и какие-нибудь ЭВМ.

Разумеется, СССР будет первым снимать сливки, но чем больше мы привяжем к себе всех этих забугорных бизнесменов, тем меньше шансов, что начнет строиться железный занавес или что против моей страны Запад выступит единым строем. Ведь все участники совместных проектов волей-неволей станут проводниками интересов Союза и тем самым, как ни крути – агентами влияния. Так что, дорогой Карл, никто ни к чему тебя принуждать не собирается, и ни о каких шпионских играх речь не идет. Зачем? Через несколько лет ты сам начнешь гнобить наших противников по собственной воле, так как они станут и твоими противниками тоже.

Об этом я, разумеется, не сказал, так как Карл и сам понял все недосказанности, но, судя по лучившейся физиономии, подобные расклады его ничуть не смущают. Ну еще бы – человек думал, что на руку его дочери претендует «комми», от которого кроме головной боли никакого прироста в семью не ожидается, а выяснилось... В общем, у немца сегодня двойной праздник: и как у отца, и как у «делавара». Нахтигаль расчувствовался до того, что даже отвлекся от темы разговора и часа полтора обсуждал со мной будущую свадьбу, все порываясь войти в долю при оплате расходов. Но я был тверд в своем решении оплачивать счета, чем, по-моему, даже несколько расстроил будущего тестя. А когда за окнами сгустились сумерки, в кабинет заглянула вернувшаяся со своих примерок Хелен. Карл наши с ней переглядывания понял правильно и сказал, что более меня не смеет задерживать. А, провожая собеседника до дверей, он положил руку мне на плечо и поинтересовался:

– Вы говорили что-то насчет документов по результатам испытаний?

Фух! Вот оно! А то я уже было напрягся, думая, что до конца не смог просчитать этого человека. Но его вопрос поставил все на свои места, поэтому я вежливо ответил:

– Разумеется, я вам сейчас их предоставляю. Для этого и привез...

После чего, пройдя в свою комнату, передал бумаги Нахтигалью, который с загоревшимися глазами ухватил папку и опять убежал в свой кабинет, а я остался с Аленкой нахваливать ее покупки. «Невестин синдром» мою милую давил в полную силу, поэтому она даже толком не поинтересовалась, о чем мы говорили с ее отцом. Спросила только все ли нормально и тут же начала крутиться передо мной, примеряя обновы и нервничая. Я как мог успокаивал любимую, а потом все эти чулочки, оборочки и причитания меня так распалили, что просмотр пришлось прекратить и заняться более интересным, с моей точки зрения, делом...

* * *

День перед свадьбой ознаменовался совсем уж запредельной суетой и встречей с красноглазым Карлом. Он, судя по всему, полночи вникал в документы и сейчас выглядел слегка помятым, но исключительно довольным. Настолько, что пару раз, обращаясь ко мне, назвал «сыном». А когда чуть позже, после того как я смотался в консульство и, передав через шифровальщика результаты переговоров в Москву, получил ответ, Нахтигаль выглядел вообще тройным именинником. Просто в ответе говорилось, что уже через неделю в Берн для начала консультаций прибудет представитель Внешторгпредства.

Карл даже предложил отметить это событие так понравившимся мне коньячком, но на него тут же наехали с двух сторон. Жена и дочка мягко намекнули, что свадьба важнее каких-то там дел и чтобы он не смел меня отвлекать. Только мы все равно отвлеклись, запершись у него в кабинете. Совсем ненадолго, буквально на полбутылочки, после чего будущий тесть умотал по своим делам, а я опять двинул в консульство, которое на глазах превращалось в посольство. Как раз сегодня прибыл спецрейс с очередными посольскими работниками, и штат нашего представительства скачком увеличился чуть ли не в два раза.

Встретившись с Ивановым, я озвучил последние рекомендации по поводу мероприятия завтрашнего дня и со спокойной душой отбыл домой.

А вечером меня выперли в гостевую спальню. И это сделала не какая-то там теща, а моя зеленоглазка собственноручно! Объяснив что, дескать, так положено и все такое прочее. Пусть очень ласково, с чмоканиями и поглаживаниями, но факт остается фактом. Я так растерялся, что даже не стал спорить и ушел, куда послали, утешая себя мыслью, что завтра все закончится и Лена снова превратится в нормального человека. Кстати, она еще очень даже неплохо держится. Неоднократно, еще в свое время, наблюдая, как готовятся свадьбы, я и не такое видал. Девки в этот период как с цепи срывались, выделявая настолько умопомрачительные кренделя, что мужики с трудом отгоняли мысль: «Да на кой черт мне вообще вся эта бодяга нужна?» Я от подобной мысли был далек, а то что на один день меня отлучили от тела, можно пережить, чтобы не нарушать какую-то замшелую традицию. Хотя логику в этом поступке обнаружить трудно – в кроватке ребенок сопит, а они традиции блюдут. Но какая может быть логика в женских поступках? Правда, есть еще вариант, что это я что-то недопонимаю, а остальные поступают совершенно правильно. Да ладно, чего там голову ломать, и вообще – утро вечера мудренее...

А следующий день был днем «Ч», и меня начало колбасить с утра. Были бы рядом мужики, ни о каком внутреннем мандраже и речи бы не шло, но вот в одиночку, когда даже не с кем отвлечься, дискомфорт очень даже чувствовался. Я постоянно опасался ляпнуть что-нибудь не то как в мэрии, так и в церкви, но потом, посмотрев на Аленку, которая волновалась еще сильнее, меня почему-то разобрал смех – и тут же напряжение отпустило. Поэтому уже в середине церемонии венчания я начал комментировать ей на ушко действия напыщенного католического попа, втирающего нам что-то насчет царствия небесного. Уж очень он выглядел сейчас боголепно, поэтому я не смог удержаться, особенно вспомнив нашу первую встречу.

При знакомстве этот чопорный священник начал было кочевряжиться, пытаясь мне втереть, что перед обрядом нужно пройти целую массу предварительных обучений и церемоний. На подобную фигню времени у меня, разумеется, не было, поэтому, сделав морду кирпичом, я просто назвал фамилию будущей новобрачной, которая была одной из самых влиятельных его прихожанок, и пояснил, что если он и дальше будет ерепениться, то я, как человек сугубо нерелигиозный и просто идущий на поводу у невесты, проведу сие мероприятие в православной церкви. Там подход, мол, гораздо более либеральный. А уж будущую жену (особенно, если от этого зависит такая вселенского масштаба вещь, как свадьба) я всегда убедить смогу. Поп глянул на меня и, поняв, что шутить я вовсе не намерен, довольно быстро сдулся. Наверное, межконфессиональные раздоры значили для него гораздо больше, чем общие правила поведения. Ну и сумма пожертвования тоже не последнюю роль сыграла...

И вот, глядя на этого крохобора, я начал шептать на ушко моей зеленоглазке что-то вроде:

– Как почетный святой, почетный великомученик, почетный папа римский нашего королевства приступаю к таинству обряда...

Невеста, с каждой секундой все больше и больше превращающаяся в жену, сначала делала страшные глаза, но потом, не выдержав, прыснула и, слегка двинув меня локтем в бок, тихонько сказала:

– Все. Я уже нормальная. Спасибо тебе, милый. А кого ты сейчас цитировал?

Не объясняя, что это слова короля из «Обыкновенного чуда», я шепнул:

– Потом расскажу...

А в том, что Лена стала прежней, я убедился уже на банкете, когда услышал, как она легко и звонко смеется в ответ на слова нашего консула. Вообще, гостей было не очень много, и как минимум четверть из них составляли мои типа «коллеги» из русского консульства... или уже посольства? Нет, вроде их еще не переименовали. Да и какая по большому счету разница, главное, что свадьба близилась к концу, а вместе с ней и

сопутствующая нервотрепка.

Гулять до утра тут было не принято, поэтому уже часов в восемь все начали расходиться. Говоря про всех, я имею в виду даже Карла и Алекс, которые намылились в свой загородный дом, обещая вернуться только послезавтра утром. Мне это показалось несколько неудобным, но теща сказала, что в данном случае надо думать не о удобстве, а о ребенке. Загородный дом не был подготовлен для того, чтобы принять в нем младенца, поэтому туда поедут они с Карлом, а мы с малышом останемся здесь. Аленка добавила, что этот вопрос давно решен и что, мол, незачем смущаться. Поэтому, вернувшись домой и отпустив прислугу, мы с удовольствием скинули с себя парадно-выходную одежду, повозились с Иваном и, когда наши сюси-пуси утомили пацана настолько, что он крепко уснул, устроили себе брачную ночь. Пусть далеко не первую, но от этого не менее захватывающую...

Глава 5

А наутро нас разбудил телефонный звонок. Благо хоть не всех – Ванька так и продолжал дрыхнуть в своем зарешеченном жилище, а мы с женой подскочили и слегка очумело уставились друг на друга. Потом она, соскочив с постели, быстро подняла трубку и несколько секунд слушала, что ей там говорят. Затем с удивлением протянула телефон мне:

– Это тебя, из консульства...

Не понял? С чего бы вдруг мне сюда трезвонить стали? Да еще в шесть утра? Ну пусть не в шесть, а без пятнадцати семь, но один фиг – рано. Я, конечно, не требую себе медового месяца, но хоть один день у меня может быть? Хотя просто так сюда звонить бы не стали. Значит – что-то случилось. От этой мысли я окончательно проснулся и, подпрыгнув, взял трубку из рук Хелен:

– Да, Лисов слушает.

На том конце провода Иванов (а это был именно он) смущенно кашлянул и, извинившись, сказал:

– Товарищ Лисов, вам необходимо срочно приехать в посольство. Машина за вами уже вышла и вот-вот подъедет. Пожалуйста, не задерживайтесь – время очень дорого.

Опаньки, точно случилось, просто так меня бы не дергали, да и голос у Василия Макаровича слишком напряжен. Приняв эти мысли к сведению, я поинтересовался:

– А вкратце не просветите, к чему мне готовиться?

Я, понимая, что по телефону ничего мне говорить не станут, задал свой вопрос просто для того, чтобы знать – мне с семьей прощаться надолго или до послезавтрашнего отлета я еще вернусь? Видимо, Макарыч просек подоплеку вопроса, так как ответил:

– Необходима ваша консультация. Думаю, много времени это не займет.

– Понял. Сейчас одеваюсь и выхожу.

После чего начал быстренько напяливать свои шмотки, которые, в отличие от военной формы, совершенно не были приспособлены для экстренного облачения. Особенно – галстук. Умница Аленка, которая молча наблюдала за моим одеванием, подошла и, помогая завязать узел, тихо сказала:

– Мне очень хочется надеяться, что этот звонок не отнимет тебя от нас еще на полгода...

Чмокнув ее руку, которой она поправляла воротник рубашки, я ответил:

– Все нормально, милая. Просто им какая-то консультация срочно понадобилась. Да и самолет мой только послезавтра, а наземным транспортом из Швейцарии пока не выбраться. Так что без основательного прощания, – я подмигнул и крепко прижал жену к себе, – ты от меня не избавишься!

– Дай бог...

Хелен сделала попытку улыбнуться, однако неудачно, так как в этот момент у нее из

глаз одна за другой побежали частые слезинки. Я, вздохнув, вытер ей щеки ладонью и сказал:

– Ну не надо. Ты ведь теперь – жена офицера. А у меня вся работа в разъездах заключается. Что, каждый раз вот так плакать и нервничать будешь? Даже если я из дома на два часа выйду?

Жена, посмотрев мне в глаза, твердо ответила:

– Буду! И не считай меня дурочкой. Когда военного человека вот так вызывают из дома, то нет никакой гарантии, что дела службы не призовут его чуть ли не на другой конец света! Одна надежда: твой самолет действительно только послезавтра прилетает, и без прощания мой муж не уедет... – А потом вдруг, слегка округлив глаза, ойкнула и выпалила: – Ты же без завтрака! Айн момент!

После чего, отлепившись от меня, накинула халат и рванула из комнаты. Немного удивившись ее скоростям, я пошел следом. А Елена уже лихо шуровала на кухне, с молниеносной скоростью кромсая хлеб, ветчину и сыр на бутерброды.

Прислонившись к косяку, я с улыбкой смотрел на нее, думая про себя, что с подругой жизни ни фи́га не ошибся. Никаких тебе истерик, криков и соплей. Понимает, что в этом случае никак на ситуацию повлиять не сумеет, и делает то, что в ее силах. В данном случае: готовит еду в дорогу. Еще не знает, куда я еду и зачем, но вот то, что мужик должен быть сыт, знает хорошо. И еще знает, что человека перед отъездом расстраивать – последнее дело. Поэтому и держится. А свое отречет после моего ухода... И если я вернусь сегодня, то мы вместе посмеемся и над тренировкой прощания, и над этими заворачиваемыми в плотную бумагу бутербродами...

А Хелен, увидев, что я поглядываю в окно на подъехавшую машину, быстренько закончила заворачивать пакет и, передав его мне, сказала:

– Все. Теперь ты готов. Я не знаю, зачем тебя вызывают, поэтому просто хочу попросить – береги себя, любимый! Мы с Ваней тебя будем очень сильно ждать.

После чего так поцеловала, что полковник Лисов чуть было не стал дезертиром, наплевавшим на воинский долг с высокой башни. Но справившись с собой и оторвавшись от восхитительно податливых губ, я дотронулся пальцем до ее щеки, стирая вновь побежавшие слезы и очередной раз пообещав скоро вернуться, выскочил на улицу...

А чуть позже, когда мы выруливали с подъездной дорожки, я спросил у сидящего за рулем Панарина:

– Степан, что там случилось? Из-за чего меня дернули?

Тот пожал плечами.

– Толком даже не скажу. Знаю, что час назад в консульство прибыл один наш товарищ, из местных.

– Агент?

– М-м-м... вы знаете, об этом вам Иванов пусть сам говорит. А я могу лишь доложить, что тот человек работает лесником почти на границе с Германией. И вчера вечером, возвращаясь домой, он услышал перестрелку. Короткую, но интенсивную. Бинобль у лесника был с собой, поэтому он смог увидеть, как небольшая группа вооруженных людей уходила в глубь швейцарской территории.

– И что? Может, это фрицы с местными пограничниками побились?

– В том-то и дело, что нет. Он испугался и спрятался, когда они проходили мимо него. И слышал русскую речь.

– Ну и что, что русскую. Это мог быть кто угодно – начиная от красновцев и заканчивая козлами из РОА. Сейчас ведь все немецкие прихлебатели из рейха впереди собственного визга бегут. А эти, видно, направление немного спутали и вместо Франции сюда ломанулись. Только я все равно не пойму, мне-то зачем звонить надо было?

Панарин искоса глянул на собеседника и удивленно ответил:

– Вы так интересно сказали – «ломанулись». Я такого выражения раньше не слышал.

А что касается этих русских, то по описаниям лесника они очень похожи на бойцов наших террор-групп. Вот Василий Макарович и решил у вас уточнить, как вооружены и во что обычно одеты «невидимки». Мы ведь про них только слышали, а вы, как фронтовик, с ними наверняка сталкивались.

Вспомнив нашу своеобразную работу за линией фронта, я вздохнул:

– Сталкивался... Только если это действительно «невидимки», то они уже далеко. Волка ведь, как известно, ноги кормят. Видно, фрицы ребят крепко прижали, поэтому они и вынуждены были уйти в Швейцарию. А сейчас эти люди или в Австрии, или опять в Германии.

Степан, выруливая на улицу, которая вела к посольству, ответил:

– Если бы это было так, то вас бы не тревожили. Но у увиденной группы двое раненых и четверо пленных. Раненые «тяжелые». Их пленные на самодельных носилках несли. И лесник видел, что они все еще идут. А потом бойцы остановились у грота Мартина. Судя по всему, на ночевку.

– Что за «грот Мартина»?

– Не знаю, наверное, просто какое-то место так называется.

– Понятно...

Дальше расспрашивать Панарина я посчитал бессмысленным. Сейчас мне Иванов и «лесник» сами все толком расскажут. А заодно объяснят, что со всем этим дальше делать и почему консульские так всполошились? Поэтому последний участок пути мы преодолели, обмениваясь только малозначительными фразами об общем житье в советском представительстве и о вчерашней свадьбе.

А вот когда приехали, Василий Макарович, поздоровавшись и в очередной раз извинившись, отвел меня в свой кабинет, где уже сидел какой-то загорелый мужичок средних лет, со шкиперской бородкой, который был представлен как старый знакомый Иванова – Антуан Пернье. Услышав имя, я подумал, что бороδοносец сейчас начнет лопотать по-французски, но Пернье начал говорить на вполне понятном немецком языке. И рассказал довольно занимательную историю. Вчера он, словно Мороз-воевода, обходил свои владения и уже собирался возвращаться домой, как вдруг буквально в сотне метров, в ложине, услышал перестук нескольких автоматов и гулкое хлопанье винтовки. Рассказчик не специалист, поэтому, сколько стволов принимало участие в перестрелке, сказать не может, уверен лишь в том, что винтовка была одна. Стрельба длилась минуты три, после чего затихла, но когда спрятавшийся за валунами Пернье уже хотел было дать деру, в нескольких шагах ниже по склону он услышал русскую речь.

Тут я его прервал:

– А вы поняли, о чем эти люди говорили?

Лесник потрогал перышко своей лежащей на столе шляпы и медленно ответил:

– Русский язык я знаю очень плохо. Точнее говоря, лишь настолько, чтобы с уверенностью сказать, что говорили именно по-русски. Понял буквально пару слов – эти военные говорили про отдых и что ягдкоманды больше нет.

– Какой ягдкоманды?

Антуан пожал плечами:

– Этого я не понял. Просто услышал слова «ягдкоманда, фрысцы и пысдъесцт» в одном контексте.

Эти слова лесник, безбожно переврав, сказал по-русски, но я его понял хорошо. Похоже, что егеря гнали нашу разведгруппу до последнего, аж до Швейцарии, и ребятам только здесь удалось стряхнуть немчуру с хвоста. Точнее, ухлопать последних из преследующих. Фрицы из антипартизанских отрядов народ такой, ведут себя, как бультерьеры: вцепятся и рвут до последнего. Даже если из егерей осталось два человека, они будут продолжать преследование и плевать им на разные там границы...

А Пернье тем временем продолжал говорить о том, что, когда русские прошли мимо него, он достал бинокль и внимательно оглядел группу, уходящую в горы. Там было всего

восемь человек. Из них один был в немецкой форме и трое в гражданском. Они, судя по всему, были пленными и тащили носилки с двумя ранеными. А еще двое, идущие спереди и сзади колонны, были одеты в камуфлированные лохматые комбинезоны и какие-то странные жилеты с множеством карманов, которые топорщились от набитого в них смертоносного железа. При этом пятнистые держали в руках автоматы с очень странным утолщением под стволом.

Услыхав про оружие, я взял со стола чистый лист и карандаш, быстренько набросал АК-43 с подствольником и, подвинув лист Антуану, спросил:

– Вот такие автоматы?

Тот, оглядев рисунок, кивнул, а я, обратившись к Иванову, уверенно сказал:

– Это наши. Ребята из террор-групп. Подствольники на сорок третьих пошли совсем недавно и только «невидимкам». Да и остальные детали как поведения, так и амуниции говорят за это. И что будем делать?

Василий Макарович вздохнул.

– Если бы они просто ушли, то ничего делать не надо было бы. Но Антуан сказал, что они остановились недалеко от грота Мартина, возле водопадов. Местность там безлюдная, только на выходные к этим водопадам обычно приезжают на пикники. И значит, уже завтра бойцов могут обнаружить. Вероятность, конечно, очень мала, но она есть. Люди здесь бдительные, поэтому, увидев чужих вооруженных солдат, сразу вызовут полицию. А это чревато интернированием, даже если наши диверсанты просто сдадутся, не устраивая боев.

– Нет, – я покачал головой, – не сдадутся. Эти ребята не так обучены, чтобы сдаваться кому бы то ни было.

– В том-то и дело, что я думаю точно так же. Значит, вместо мирного интернирования людей с оружием, которые, возможно, просто «заблудились на местности», будет стрельба и в перспективе крупный скандал...

Мы помолчали, и через несколько секунд я задал вопрос, который меня интересовал почти сразу, как только стало известно о «нарушителях границы»:

– А тут что, пограницы отсутствуют как класс? На территорию страны проникают две вооруженные группы, устраивают перестрелку, а никто и не почесался...

Атташе в ответ скептически хмыкнул.

– Ну почему же. Пограничники в Швейцарии есть. На дорогах. Скажу больше: в последнее время они даже стали ставить «секреты» на наиболее удобных для прохождения тропах.

– Контрабандистов ловят?

– Ну этим в основном занимается полиция, а пограничная стража усилена на случай возможного проникновения бегущих от Красной Армии гитлеровцев. Только сразу скажу: это не Карацупа с собакой. Это даже не его собака. Здесь ведь Европа, и система охраны границы в корне отличается от нашей. Да и местность горно-лесистая. Такую полностью перекрыть – просто нереально. – Собеседник немного подумал и добавил: – Для Швейцарии – нереально.

– Понятно... – Я покусал губу. – А стрельбу их пограничники, похоже, просто не слышали. Особенно если учесть, что бой шел в густо заросшем ущелье, да еще и недалеко от водопадов... Угу... И что рассчитываете предпринять?

Иванов опять повздыхал, потер подбородок и твердо ответил:

– Я туда поеду, попробую их вытащить. – И, словно оправдываясь, добавил: – Мы и так всю войну здесь, как в тепличных условиях, провели, а там – наши, советские люди. Разведчики! Да еще и раненые. Конечно, несколько смущают пленные, но я думаю с этим как-нибудь разберемся. Возьму гражданскую одежду на всех, консульский грузовичок «фиат» и легковушку. Номера у нас дипломатические, поэтому полиции на обратном пути можно не опасаться. Главное теперь, чтобы они мне поверили...

Я постучал пальцами по столешнице и после нескольких секунд размышления, прихлопнув по столу ладонью, подытожил:

– Поверят! Мне – точно поверят. Поэтому я еду с вами. До завтра, думаю, обернемся? Только вот мне бы костюмчик сменить... У вас подходящий размер найдется?

Иванов так обрадовался моему предложению, что не стал даже ради приличия отказываться от помощи, поэтому через час, сменив гардероб, отзвонившись Хелен и взяв с собой помимо людей Макарыча еще и посольскую врачиху с медицинской сумкой, мы на трех машинах катили в сторону Цюриха. Возглавлял всю колонну на своем «опеле» так и нерасшифрованный мною Антуан Пернье. Нерасшифрованный, потому что на прямой вопрос, заданный Иванову, атташе ответил, что это просто его старый знакомый, который сочувствует СССР. То есть, с одной стороны, вроде и не агент, а с другой – оказывает всяческую помощь. Поняв, что Василий Макарович не очень хочет говорить на эту тему, я замолк и, прикинув, что у нас есть еще несколько часов до прибытия на место, занялся тем, чем обычно занимаюсь, чтобы скоротать время. А именно – заснул, опустив выданную кепку на нос и привалившись к дверце машины.

Проснулся я, когда машину стало подбрасывать на грунтовке. Оглянувшись, увидел, что мы въехали в какую-то безлюдную, горно-лесистую местность и, так как никаких городков, ферм и прочих селений в округе не наблюдалось, спросил у сидящего за рулем Панарина:

– Далеко еще, не знаешь?

Степан молча пожал плечами, а Иванов сзади ответил:

– Минут пятнадцать–двадцать. А дальше надо будет идти пешком. Вон туда, – он показал пальцем в окно, – в сторону больших водопадов.

Глянув в указанном направлении, я увидел километрах в трех, на одном из склонов шикарный водопад, и даже заметил стоящую над ним радугу. Да и вообще – места тут красивейшие. Смешанный лес, воздух чистейший и пахнет, как может пахнуть только в горах... Полностью открыв окно, я вдыхал запахи разноцветья и так увлекся созерцанием природы, что даже не заметил, как мы проехали последний участок пути. А потом, оставив машины на большой площадке, которой заканчивалась дорога, еще минут сорок топали вверх по тропинке до тех пор, пока Пернье не остановился и, показывая в сторону речки, сказал:

– Вон до того места я за ними следил. А после наступления темноты дальше идти не рискнул.

– Понятно. Разрешите бинокль?

Взяв у лесника оптику, я начал оглядывать противоположный склон вплоть до поворота ущелья, но конечно же ничего не увидел. «Невидимки» не те люди, чтобы оставлять следы.

Так, будем мыслить логически. Ночью да еще и с ранеными по горам особо не побегаешь. Места, если не знать, что это Мекка для туристов, выглядят совершенно дико. По словам Антуана, шли ребята тяжело. Значит, есть большой шанс, что ночевку они устроили где-то недалеко отсюда. М-да, ночевку... Сейчас уже около двенадцати, и бойцы могли уже несколько часов шагать на восток...

Хотя у них на шее пленные и раненые. От погони они оторвались буквально только что. А что такое отрыв, я знаю очень хорошо, значит, есть большая вероятность, что этот день они посвятят уходу за ранеными и отдыху. Ну я на это сильно надеюсь, так как бегать в поисках «невидимок» мы можем до второго пришествия. Выходит, надо осмотреть местность километров на пять–семь выше, и если никого не найдем, тогда – «се ля ви». Во всяком случае это будет означать, что из зоны возможной встречи с отдыхающими людьми «невидимки» вышли. Озвучив свои мысли окружающим, я отдал бинокль Пернье и поинтересовался:

– А где здесь есть места, наиболее подходящие для того, чтобы группа людей могла остановиться? Ну там, площадка более-менее сухая и ровная, до ручья или реки недалеко, и в то же время закрытое от посторонних глаз? С этого места должно быть несколько путей скрытного отхода и... скорее всего, оно будет располагаться в ельнике или недалеко от

него. – Видя удивленный взгляд Василия Макаровича, я пояснил: – Раненых на землю не положишь, да и самим на камнях ночевать тоже не фонтан. А так лапника подстелил – и тепло, и мягко.

Лесник, которому я повторил свою речь по-немецки, внимательно меня выслушал, а потом, оглаживая бородку, долго думал. В конце концов объявил, что наиболее подходящее место находится тремя километрами выше. Там можно издалека отслеживать подходы и в случае опасности незаметно уйти в любое из двух ответвлений от основного ущелья.

Решив принять его слова как руководство к действию, мы пошли по какой-то звериной тропке дальше. Где-то через час, оглядев мокрых и запыхавшихся консульских, я только цокнул языком. М-да, три километра в горах и на равнине – это совсем разные вещи. Не зря говорят, что внизу расстояние измеряется километрами, а наверху – часами пути. Бодрыми были только я и Пернье. Видя, как остальные жадно глотают из фляжки, я подумал и решил уходить в отрыв. Сказав Иванову и его людям, чтобы догоняли, забрал у Василия Макаровича недельной давности выпуск газеты «Правда», который мы взяли в качестве одного из доказательств нашей советскости, и двинул вперед в одиночестве.

Дыхалка, несмотря на прокуренность, работала хорошо, да и общие тренировки тоже давали о себе знать, поэтому минут через двадцать быстрой ходьбы я увидел то место, о котором говорил Антуан. Увидел и остановился, соображая, как себя лучше преподнести. Нет, как именно, я придумал еще в машине, но теперь стали терзать сомнения по поводу репертуара. В том смысле, что я рассчитывал идти к возможному месту нахождения «невидимок» с песней. Просто другого в голову не пришло. Не будем же мы орать: «Советские разведчики, ау! Выходите! Вас ожидает сухая постель, горячий обед и наше радушие». Можно, конечно, и так, но лучше сработать тоньше.

Вот я и думал затянуть последний хит, запущенный с подачи Верховного и ставший позывными совсем недавно введенного нового радио – «Маяк». До этого радио работало только несколько часов в день, а «Маяк» первым в СССР шуровал по круглосуточной сетке вещания. Во-первых, это было внове, а во-вторых, по нему помимо последних известий, комментариев футбольных матчей и всего прочего, что было на старом радио, крутили популярную музыку, как нашу, так и импортную, поэтому всем такой подход очень понравился. Вот я сначала и подумал затянуть насчет того, что «не слышны в саду даже шорохи», но сейчас переиграл и, выкинув так и не зажженную сигарету, вздохнул и не особо музыкально, но зато в такт шагам, заорал:

А на войне как на войне,
А нам труднее там вдвойне.
Едва взойдет над сопками рассвет,
Мы не прощаемся ни с кем.
Чужие слезы нам зачем?
Уходим в ночь,
 уходим в дождь,
 уходим в снег.

Вопил так, что даже заглушал далекий рокот оставшегося за спиной водопада, а сам напряженно вглядывался в приближающиеся деревья. Но там никаких шевелений не было, лишь над головой возмущенно застрекотала перепуганная криками сойка. Только я не унывал и, стараясь не сорвать горло, шел вперед и продолжал голосить:

Батальонная разведка —
Мы без дел скучаем редко.
Что ни день — то снова поиск, снова бой.
А ты, сестричка, в медсанбате
Не тревожься, бога ради,

Мы до свадьбы доживем еще с тобой.

Так, пропев пару куплетов, я добрался до деревьев и в растерянности остановился. Мда, приехали. И что дальше? Сколько мне еще вот так вокалом заниматься? Никого ведь не видно! Ни людей, ни следов... Замолкнув, я сплюнул, пару раз громко свистнул и, не получив никакого ответа, пошел дальше, уже просто по инерции громко бормоча себе под нос:

И мы припомним, как бывало,
В ночь шагали без привала,
Рвали проволоку, брали «языка».
Как ходили мы в атаку,
Как делили с другом флягу
И последнюю щепотку табака.

И тут, выйдя на крохотную полянку, я остановился, так как увидел, что искал. Нет, не людей, а место ночевки. Глаз быстро скользил вокруг, примечая примятости на не успевшей расправиться траве, осыпавшуюся хвоей от уже убранного лапника, сломанные кое-где веточки. А еще через секунду, почувствовав движение слева за спиной, поднял обе руки вверх и попросил:

– Ты только не шмальни сдуру. А то я тут пел, надрывался, а мне вместо благодарности – пулю в башку... Повернуться-то можно?

Сиплый голос ответил:

– Стой как стоишь, певун. И пока стоишь, расскажи, чего это ты тут горлопанил? И вообще – кто такой и сколько вас всего?

Я уже открыл рот, собираясь отвечать, как вдруг неожиданно для себя самого застыл. Сомнения, которые лезли в голову, пока мы ехал сюда, вспыхнули с новой силой. Слова «ягдкоманда», «фрицы» и «пипец», конечно, говорят сами за себя. То что бегущих власовцев будут долго и упорно преследовать егеря, тоже практически нереально (для немецких волкодавов наши предатели – на один зуб), но ведь все может в жизни случиться. Про униформу и оружие я услышал от лесника, который «невидимок» в жизни не видел и вполне мог ошибаться. Поэтому теперь, не прокачав до конца ситуацию, стою как последний идиот, соображая, а не сделал ли я самую последнюю глупость в своей жизни? Не-е, мне, прежде чем языком трепать, надо на этого сиплого хоть одним глазом глянуть...

Поэтому рассказывать про консульство я не стал, а потихоньку поворачиваясь и делая вид, что, как самый обыкновенный шпак, не могу говорить, не видя собеседника, ответил:

– Сами мы не местные. А пел от настроения фестивального. Природа и погода очень этому способствуют.

Человек за спиной тихо рявкнул:

– Не крутись!

Но было уже поздно – стоя полубоком и вывернув голову, я разглядел говорившего. Парень чуть выше меня ростом, с ввалившимися глазами и землистого цвета лицом стоял слегка опираясь плечом о ствол дерева, наставив в мою сторону «ТТ», снабженный толстым стволом глушителя. Подмышкой у него висел «калаш», а разгрузка, камуфляж и прочие прибабахи не оставляли сомнений, что это, во всяком случае на первый взгляд, боец террор-группы. К нарушениям формы одежды можно отнести грязный, с кровавыми пятнами бинт, замотанный вокруг шеи, и висящую на перевязи руку. Становилось понятно, почему он на дерево опирается – чтобы не упасть. Судя по цвету лица, крови он потерял много, но глаза смотрели твердо, и не было ни малейших сомнений, что уж меня-то он шлепнуть вполне успеет. Поэтому дальше поворачиваться не стал, а спокойным голосом представился:

– Я из советского консульства в Берне. Вчера наш человек слышал бой и видел, как и куда вы уходили. Сообщил нам. Так как места здесь очень людные, особенно по выходным,

было принято решение, пока не нашли вас или трупы вчерашних немцев, во избежание международного скандала вывезти всех в безопасное место.

«Невидимка» в ответ насмешливо хрюкнул:

– Ага, а я Аэлита, прилетевшая с Марса. Кому ты мозги полощешь? Таких совпадений не бывает. Ты лучше правду говори.

– Пф, – тут уже фыркнул я. – Ты мне про совпадения не рассказывай. Группа «Джек» в Восточной Пруссии в самый критический момент наткнулась на антифашиста, который им помог выкрутиться из очень хреновой ситуации. А уж предположить, что в самом рассаднике прусской военщины, среди толп фашистской немчуры попадется невыявленный тельмановец, это тебе не в лотерею сто тысяч выиграть, это гораздо круче!⁶ Так что сам решай, что делать будешь – верить или нет. Но учти, я ведь не один приехал, за мной еще люди идут, в том числе и доктор, который тут будет совсем не лишним. А вы с двумя «тяжелыми» да четырьмя «языками» самостоятельно далеко не уйдете. На себя посмотри – не будь дерева, уже упал бы... И еще – у меня тут газета есть: «Правда» недельной давности, что самолетом сюда доставили. Смотри, я ее сейчас осторожно из кармана достану и тебе брошу. А ты на дату глянь и сам покумекай! Только не тормози, а то времени у нас мало.

Держащий меня на мушке боец ничего не успел ответить, как вдруг раздался голос с другого конца поляны:

– Товарищ капитан?

Повернув голову, я увидел, как куст шевельнулся и из-под него поднялся еще один «пятнистый», который, пристально вглядываясь в меня, удивленно повторил:

– Товарищ капитан? – А потом, придав голосу твердости, спросил: – Какое прозвище было у Матвиенко? У «гуру» Матвиенко?

Опаньки... вот, похоже, все и разрешилось. Я то сначала было не понял, о чем спрашивает меня выросший как из-под земли человек. А когда он добавил про «гуру», сразу вспомнил Балашиху и Терентия – инструктора по рукопашке, носящего с моей легкой руки кличку «Носорог». Матвиенко имел неважное зрение, но зато внушительные габариты и стремительность дикой кошки. Помню тогда, потирая ушибленные после первого с ним спарринга бока, я и рассказал анекдот, где говорилось, что у носорога зрение, конечно, слабое, но при его размерах это не его проблемы. Народ сильно развеселился, а прозвище прилипло навсегда. И приставка «гуру» приблизительно тогда же появилась...

А это значит, что сейчас я имею дело с балашихинским выпускником, который, похоже, видел меня живьем. Не зря же он сказал «товарищ капитан». Конечно, и без этой встречи мы бы убедили диверсантов в своей «советскости», но знакомый боец позволит сразу, без лишних доказательств, расставить все точки над «i». Поэтому, улыбнувшись, я ответил:

– «Носорогом» Терентия кличут. А ты кто, что-то я тебя не припоминаю?

«Невидимка» улыбнулся в ответ:

– Так нас, курсантов, сколько было, разве всех упомнишь? Тем более что вы приезжали всего на неделю, выпускные экзамены посмотреть. Помните, лекцию нам еще читали о взаимодействии мобильных групп и авиации? Только я вас даже не в лицо узнал, так как сидел тогда далеко, а по выражениям специфическим.

– По каким?

Я так удивился, что даже руки опустил без разрешения, благо что стоявший за спиной боец ничего против уже не имел.

– А я первый раз в жизни именно от вас услышал «круто», «не тормози», «конь педальный», да и несколько других, не менее интересных оборотов, поэтому сейчас сразу и вспомнил.

О! Вот как в жизни случается! А то ведь что Гусев, что Иван Петрович со мной все

⁶ Случай с разведгруппой «Джек» имел место быть в реальной истории.

время за чистоту языка борются. Ну ничего, зато сейчас у меня железный аргумент появился, чтобы их осадить! Хотя осаживать я их буду при встрече, а теперь пора заняться делом. Поэтому, ухмыльнувшись словам бывшего курсанта, я предложил:

– Ну что, тогда давай знакомиться снова.

Собеседник коротко козырнул, представившись:

– Старшина Примаков!

Повернувшись к так и стоявшему возле дерева сиплону, получил доклад и от него:

– Младший лейтенант Воронин.

– Ну а меня можете пока считать помощником атташе по культуре Лисовым. Кстати, сам атташе сюда топает, высунув язык, где-то там, – я ткнул пальцем вниз по ущелью и продолжил: – С ним трое его подчиненных, женщина-врач и агент из местных, который вас и обнаружил. Пока они идут, коротко обрисую диспозицию – четырем километрами ниже, на площадке возле водопада, стоят три машины. Одна местного лесника и две наши – грузовик и легковая. На них и будем проводить вашу эвакуацию. Номера дипломатические, поэтому никто транспорт останавливать не будет, но на всякий случай мы взяли с собой «гражданку». Переоденетесь здесь, чтобы лишний раз не светиться, а то не дай бог кто-нибудь увидит нашу колонну, пока до машин доплетемся.

Тут молча слушавший меня Воронин вдруг подал голос:

– Извините, товарищ... Лисов, сразу хочу сказать: переодеться мы переоденемся, но оружия сдавать не будем. Сами понимаете...

Я кивнул.

– Понимаю. Общее доверие и взаимная любовь возникнет только, когда вы посольство увидите. Но и со стволами тут шариться совсем не с руки. Случайный свидетель сделает один звонок в полицию, и те, невзирая на номера, грузовик могут остановить. А нам дипломатический скандал, как я уже говорил, вовсе не нужен. Поэтому поступим так: пока полной веры не будет, при себе оставляете пистолеты и гранаты. Остальное оружие – на носилки к раненым. Даже если кто нашу процессию с носилками и увидит, то ажиотажа это не вызовет – мало ли несчастных случаев в горах бывает? Вот двое ноги сломали или со скалы сорвались, а товарищи их в больницу тащат. Так пойдет?

Мамлей пробурчал:

– Пойдет...

И, попытавшись отлепиться от дерева, чуть не упал. Сделав несколько быстрых шагов, я успел подхватить цепляющегося за ветки Воронина и осторожно положил его на траву. Мда... младший лейтенант, похоже, держался на одной силе воли, а теперь, исчерпав все резервы, элементарно вырубился. Глянув на заострившиеся черты потерявшего сознание диверсанта, я спросил у Примакова:

– Давно его зацепило?

– В среду. А вчера еще и в руку добавило... Мы морфий для тяжелых берегли, поэтому Ворон себе укол не делал, но у него, похоже, кость задета.

– Понятно, сам-то цел?

– Почти. Так, царапина. Осколок по ребрам скользнул.

– Хм... вчера гранат не было, значит, раньше его поймал? – Старшина кивнул, а я продолжил: – Ладно, с этим сейчас доктор разбираться будет. Что у нас с пленными? Раненые есть? И вообще, где они?

– «Языки» все целехоньки. А мы, как вашу песню услышали, так их сразу связали поосновательней, кляпы в рот и вон под тот куст сложили. За ними сейчас Кот присматривает. У него ноги перебиты, так что ходить он не может, но как сторож еще работоспособен.

– Слушай, Примаков, ты из студентов, что ли? Речь уж больно правильная.

– Так точно! В сорок втором ушел добровольцем со второго курса сельскохозяйственного. – Он вздохнул. – На агронома учился...

– Ничего, еще доучишься. Ладно, давай вашего младшего к остальным лежащим

перенесем, да и Кота надо предупредить, что скоро здесь будет много народу.

Вместе со старшиной оттащили Воронова за кусты, где уложили его рядом с Котом – крепким цыганистого вида парнем, ноги которого были запечатаны в самодельные деревянные лубки. Он наш разговор слышал, поэтому я просто очередной раз представился, и пока Примаков о чем-то шептался со «сторожем», принялся разглядывать лежащих рядом пленных. Да, как и говорил лесник – трое в гражданке, замызганной до невозможности, а еще один щеголял в не менее грязной эсэсовской форме, со знаками различия оберштурмфюрера. Интересный подбор. И кто же они такие? Поинтересовался у Примакова. Сержант перестал что-то возбужденно шептать удивленно глядевшему на меня Коту и ответил:

– А это те, кто к ФАУ отношение имели. Их бюро откуда-то с севера под Аугсбург эвакуировали, в местечко Гемпфеле. Похоже, ученых от передовых частей подальше убрать хотели, да мы им помешали.

– Как помешали?

– Как обычно. Два десантных батальона и шесть террор-групп были выброшены в указанный район. Чуть позже туда танки Гайдамакова из Третьей ударной должны были подойти... По предварительным сведениям, в Гемпфеле человек восемьдесят разных инженеров собралось, которых надо было брать живыми. Все получилось как по нотам, но вот эти, – собеседник кивнул на пленных, – во время захвата где-то прятались, а потом смогли захватить машину и убежать. Наша группа, усиленная отделением десантников, пошла в преследование. Километров десять беглецов двумя машинами гнали, но все-таки взяли. А тут вдруг фрицы, да еще и с танками. Их, видимо, на подавление десанта бросили. Автомобили наши сразу раскокали, еще и дорогу назад перекрыли. Пришлось уходить не на восток, а на юг. Вот там и наравались... Судя по почерку, на ягдкоманду. То есть сначала просто на пехоту, которую наши десять десантников связали боем, давая время увести пленных, а позже уже и егеря появились. Мы бы оторвались, да пленные по рукам и ногам вязали...

– Понятно... И гнали вас аж до Швейцарии.

– Ну вы же егерей знаете – если вцепятся, то намертво. Вот мы только вчера последних трех и положили.

Я кивнул, вспоминая мертвую хватку солдат ягдкоманд, и спросил:

– А что по пленным? Допрашивали? Может, это просто техники, а вы с ними валандаетесь...

– Толком еще нет. Да и задачи такой не стояло. Документы они, видно, когда от нас убегали, выкинули, а на словах просто подтвердили, что являются конструкторами-ракетчиками и все. Но мне кажется, не может оберштурмфюрер быть каким-то техником...

– Он может быть кем угодно. Только я что-то недопонял – вам что, фото основных фигурантов не давали? Ведь не махра крылатая, а как-никак бойцы террор-группы, поэтому должны были весь расклад получить...

– Никак нет, – собеседник покачал головой, – просто две группы в последний момент для усиления придали. Нашу и Валета. Остальные-то основательно готовились и с фотографиями и с лекциями... А вы думаете, что эти, – он ткнул пальцем в пленных, – просто из подразделения охраны?

У старшины было такое расстроенное лицо, что я поспешил успокоить:

– Нет, ты, скорее всего, прав – в Пенемюнде все ходили под спецслужбами, и даже главный конструктор имел звание штурмбанфюрера. А так как наше отношение к эсэсовцам они прекрасно знают, вот и наострили лыжи подальше от наступающих войск. Все, от рядового до Зевса.

Примаков удивился:

– До какого Зевса?

Я пояснил:

– Таковую кликуху их ракетный барон носил – Вернер фон Браун. И в общем-то по праву.

Стать в двадцать два года доктором технических наук не каждому дано. Ты, кстати, не в курсе, его в этом самом Гемпфеле наши взяли?

– Не знаю. Пленных только сортировать начали, как мы за этими, – старшина мотнул головой в сторону «языков», – рванули. И кого там захватили, кого нет, просто не могу сказать. А вы откуда так много про этого Зевса знаете?

Вытащив пачку сигарет, я предложил ее бойцам, а потом, закулив сам, ответил:

– Он мне одно время очень интересен был, поэтому и собирал все сведения – вплоть до фотографий, вредных привычек и имени невесты... – Тут, прервавшись, я несколько раздраженно спросил у пялившегося на меня во все глаза Кота: – Ну и чего мы так уставились? На мне вроде узоров нет и картины не нарисованы!

Тот смущенно мигнул, а потом поинтересовался:

– Да вот Кныш, – он показал глазами на старшину, – говорит, что вы тот самый человек, группа которого в сорок втором в Крыму генерала фон Зальмута в плен взяла. Это правда?

М-да... вот тебе и секретность. Хотя среди спецов особого секрета из этого не делали, более того, мой случай специально рассматривался на занятиях. Единственно, что мордально меня к Колдуну мало кто может привязать. Но Примаков тогда в Балашихе оказался в нужном месте и в нужное время, а теперь, распираемый гордостью от такого знакомства, вывалил Коту, с кем их свела судьба. Вот у цыганистого и были такие круглые глаза. Поэтому сейчас мне оставалось только кивнуть и шутливо ответить:

– Тот самый. Только не надо делать из этого культа. – А потом, переводя разговор на другую тему, я спросил у старшины: – Слушай, наши минут через пятнадцать уже подойдут, разреши мне пока с пленными пообщаться? Хоть предварительно узнаю, чего они собой представляют.

– Конечно, товарищ капитан, интересуйтесь. А я за подходами гляну, мало ли чего...

Кныш поправил автомат, болезненно сморщился (видимо, зацепило его неплохо) и исчез за кустами. Я же, затушив сигарету и сунув окурочок под листву, подмигнул продолжавшему разглядывать меня Коту и направился к пленным. Оглядев их осунувшиеся физиономии, злорадно подумал, что за последние три дня до них хоть чуть-чуть дошло, какими темпами обычно двигаются советские «невидимки». И это знание явно скинуло с упитанных фрицев по несколько килограммов.

Постояв так, покачиваясь с пятки на носок и молча разглядывая «языков», уже хотел было начать беседу с оберштурмфюрером, как вдруг, зацепившись взглядом за покрытую грязными потеками морду лежащего справа мужика в гражданке, я застыл. Не понял... Хм, совсем не понял. Нет, встретить я его в другой ситуации, то, возможно, и не узнал бы, но вряд ли среди конструкторов ФАУ есть еще один человек, так похожий на Брауна! Хотя... этот вроде худее и глаза глубже посажены... Прическа иная, правда, это даже прической не назовешь – колтун обыкновенный. Цвет глаз? М-да, один заплыл, а другой – красный. Так что пока непонятно, плюс еще и морду ему от удара перекосило, поэтому про овал лица тоже сказать ничего нельзя. С другой стороны, самая свежая фотография ракетного барона, которую я видел, была датирована июлем тридцать девятого. Газетные вырезки я не считаю, так как по ним что-либо различить очень затруднительно. Может, он за это время просто похудел? А учитывая события последних дней, так и осунулся до невозможности?

Да что там гадать, проще спросить, тем более что у меня в запасе еще одна особая примета есть. Небольшой ожоговый шрам на предплечье левой руки. Это ему с детства подарок остался, когда он еще самодельными шутихами баловался. Поэтому, встав рядом с лежащим фрицем, я слегка ткнул его ногой и, достав изо рта грязную тряпку, используемую вместо кляпа, спросил:

– Имя, фамилия, звание, род занятий?

Тот тягуче сплюнул, несколько раз, видимо разминая, широко открыл рот и ответил:

– Фриц Отто Краухберг! Старший техник проектного отдела. Являюсь гражданским служащим!

Задумчиво покусав губу, я хмыкнул, молча перевернул «языка» с двуспальным именем мордой вниз и, достав перочинный нож, даже не развязывая ему рук, вспорол рукава пиджака и рубашки на левой руке. Откинув материю, оглядел предплечье и от нахлынувшего восторга вlepил пленному подзатыльник. После чего, взяв себя в руки, развернул брехуна лицом к себе и, глядя в расширенный красный глаз немца, просто ткнул его в грудь пальцем и утвердительно отчеканил:

– Вернер фон Браун. Штурмбанфюрер СС. Технический руководитель ракетного исследовательского центра. Убийца сотен советских военнопленных, работающих в концентрационном лагере «Дора».

Пленный, пока я говорил, сморщился как от боли, но на последнем предложении кривиться перестал и, умудрившись распахнуть даже заплывший фингалом глаз, застыл с приоткрытым ртом. Деланно хмуро глядя на него, я злорадно подумал, что все только начинается. Успешный человек, выдающийся ученый, руководитель с железной волей – это все осталось там, в Гемпфеле, за пару секунд до начала атаки десантников. А потом внезапное нападение русских, чудесный побег, снова плен, причем пленителями являлись не кто-нибудь, а кошмарные для каждого немца «невидимки». И чем дальше, тем круче: бег в течение нескольких дней как на пределе своих физических возможностей, так и переваливая этот предел. Когда адреналин просто затапливает вены и организм работает настолько на износ, что люди в процессе подобной скачки могут просто, как загнанные лошади, упасть замертво с остановившимся сердцем. И главное, четкое осознание того, что в конце забега в самом лучшем случае ждет суд. А в худшем, если русские диверсанты поймут, что им не оторваться от преследователей, быстрая пуля промеж глаз.

За сегодняшнюю ночь «языки», конечно, слегка очухались, но против природы не попрешь и теперь у них сильнейшие отходняки. В основном в физическом плане. В моральном же – пленные почувствовали, что смерть слегка отодвинулась, а суд – он когда еще будет, и поэтому перед моим приходом были расслаблены, как морские котики на пляже. «Легенды» наверняка пытались сочинять, убеждая себя, что они сработают, и все, возможно, обойдется. И тут вдруг появился непонятный человек, который одной фразой обломал все выстроенные линии поведения, назвав настоящее имя ракетного барона, да еще и обвинив его в массовом убийстве. Теперь все страхи, весь тот ужас, который он испытывал в последние дни, вспыхнет снова. Даже с большей силой, ведь к этому времени Браун уже слегка отошел от стресса и думал, что самое кошмарное позади. Главное сейчас для меня – не переборщить с обработкой, а то и более подготовленные люди в подобных ситуациях с катушек съезжали. Нам же сбрендивший фон никуда не уперся – если только пристрелить, чтобы не возиться...

Так что надо действовать на грани. Ну да ничего, опыт есть, поэтому, думаю, доведем «языка» до той кондиции, что он у меня с рук кушать начнет! Во всяком случае, в ближайшие несколько часов. Потом, конечно, очухается, но первое время будет вести себя паинькой. А мне только эти часы и нужны – переправить его в консульство, а дальше пусть уже Москва разбирается с пленными террор-группы младшего лейтенанта Воронина.

– К-хе!

Ага, у этой безмолвно разевающей рот рыбы, похоже, включился звук, так что сейчас послушаю, что он на мои слова ответит.

– К-хе, к-хе! К-хак – убийца? Вы ошибаетесь, я никогда ...

Не дав ему договорить, напористо спросил:

– В чем я ошибаюсь? В том, что ты Вернер Браун? Или в том, что ты оберштурмфюрер? А может, в том, что ты руководитель ракетного центра?

Пленный натужно выпучил глаза, пытаясь быть как можно убедительней:

– Я действительно Вернер фон Браун, но к уничтожению пленных никогда никакого отношения не имел! Ни я, ни мои люди! Пленными занималась лагерная администрация, а мы выполняли только свою, конструкторскую задачу!

Я насмешливо оскалился:

– Именно поэтому ты служишь в СС и состоишь в нацистской партии? Кому ты врешь? Эсэсовец, который в концентрационном лагере занимается только работой с кульманом и собирает свои большие шутихи, так же реален, как и сказочная фея. Небось по выходным экзекуции «недочеловекам» устраивал, а потом их трупы на кран-балках вешал в назидание остальным? Отвечай, свинья!

От такого напора барон слегка засучил связанными ногами, пытаясь отодвинуться, и чуть было не начал вопить, но я хлопнул ему расслабленными пальцами по горлу, от чего он снова закашлялся и сипло выпалил:

– Я никогда никого не убивал! Поверьте! При строительстве подземного производства в Миттельверке вместе с немецкими рабочими действительно использовались военнопленные, но никто из исследовательского центра к ним отношения не имел!

– Зачем же ты тогда пошел в СС, вступил в партию? Ведь в НСДАП шли те, кто считал себя истинным арийцем и для которых мы были как пыль под сапогом?

– Вы не понимаете. Без членства в партии мои исследования были бы невозможны! А к структуре СС мы просто были приписаны приказом! Поверьте, я не убийца, а инженер, который просто хотел заниматься любимой работой.

Я опять криво ухмыльнулся:

– Любимой работой у вас был массовый геноцид?

– Да поймите вы, я не садист и не фанатик! Еще в детстве, прочтя труды вашего русского ученого Циолковского, я мечтал создать такую ракету, которая смогла бы выйти за пределы земли, в космос. И вся моя жизнь была посвящена только этому! За это меня даже гестапо арестовывало, обвиняя в саботаже, когда я параллельно с «оружием возмездия» занимался разработкой космической ракеты. А теперь вы говорите, что я уничтожал пленных, к которым никогда не имел никакого отношения! Я в жизни никого не убивал! Я...

Так, стоп, пора осадить, а то барон сейчас в истерику с непредсказуемым финалом впадет. Поэтому, ладонью прикрыв собеседнику разъяренный в судорожном выдохе рот, я успокаивающе сказал:

– Ну тихо, тихо, тихо. Не ори. – И, когда пленный умолк, продолжил: – Мне только странно одно. В Советском Союзе тоже развито ракетостроение. И недавно даже были проведены испытания баллистических ракет, наподобие ваших ФАУ. Но у нас своя школа, у вас – своя. Где-то они пересекаются, а где-то расходятся. И чтобы исключить возможные ошибочные варианты, советским руководством было принято решение захватить сотрудников немецкого исследовательского центра. Ведь после войны вы все равно станете безработными, так как ни Америка, ни Англия просто не знают, где и как можно использовать ваше изобретение.

От такого красивого заворота я даже замолк на секунду. Нет, как сказал! И ведь не придерешься – создатели ФАУ только и успели, что несколько раз тайно испытать свое изобретение, так что ни о какой бомбардировке ими Лондона и речи быть не могло. Поэтому союзники действительно даже не представляют ни перспектив, ни мощи будущего ракетного оружия. Да что там союзники. Вот этот самый барон тоже может только в самых смелых мечтах вообразить, на что способно его детище. Но мы это знаем хорошо и свой шанс не упустим... Поэтому, мысленно погладив себя по голове за хороший слог, я продолжил:

– Это ведь не крылатые ракеты, разрабатываемые ВВС, а вообще не пойми что. Только в СССР мыслят перспективно и придают огромное значение тяжелому ракетостроению. Может быть, все дело в русской душе, но, согласитесь, именно в нашей стране были сказано, что земля – это колыбель человечества, только нельзя все время находиться в колыбели. Наверное, поэтому нас так манит космос. И чтобы достичь его как можно скорее, а также предотвратить бездарную потерю «мозгов», и был разработан захват в Гемпфеле. Только вот что мне показалось странным: если вы тоже мечтали о космосе, зачем совершили этот странный побег? Или вы думаете, что вас с вашими идеями еще где-то примут? Частным инвесторам подобную программу не поднять, а ни одно государство западного мира просто не будет финансировать настолько странные и бредовые идеи, не способные в обозримом

будущем компенсировать затраты. О прибыли я вообще молчу...

Браун, пока я говорил, примолк и вообще вид имел настолько удрученный, как будто сам себе случайно нагадил на голову. Ну еще бы – рвануть в бега, перенести столько лишений, чтобы в конце концов выяснилось, что в СССР его разработки котируются выше, чем в его стране. Только по окончании речи пленный меня несколько удивил, так как, согнав с физиономии расстроенное выражение, он, как будто озаренный внезапной идеей, вскинулся и заинтересованно спросил:

– Господин... господин...

– Петров.

– Господин Петров, а откуда вы обо мне так много знаете? Не о нашем центре, а именно обо мне? Вы ведь меня сразу узнали. Ну... практически сразу. Ведь этот шрам не та примета, о которой знают множество людей. Но вы о нем знали. Значит, собирали сведения заранее. И про космос говорили очень уверенно, как человек, который разбирается в этом вопросе...

Вот чувyrла братская! Я-то считал, что он уже «готовченко», но, похоже, сильно ошибался. Немец, поняв, что моментальный расстрел под горячую руку откладывается, сразу включил логическое мышление. И тут же просек, что я в нем заинтересован. Только вот никак не поймет почему. В родном рейхе он особой популярностью не пользовался. Гитлер, тот вообще его недолюбливал. Терпел, но не более того. И изобретения Брауна и Греттрупа не добавляли им веса как конструкторам: летали из рук вон плохо, и только лишь испытания последней модели позволяли на что-то надеяться. Но наступление Красной Армии поставило крест и на этих надеждах. Только ведь русская разведка сведения о нем почему-то собирала? Вот барон и терзается вопросом – зачем он нам понадобился? В Германии масса инженеров, изобретения которых на сегодняшний день гораздо более понятны и результативны. Одно реактивное детище Мессершмита чего стоит. И начавшаяся охота за авиационными и не только авиационными конструкторами вполне понятна и объяснима. Но при чем тут он, Браун? Только вот просвещать ракетного барона я вовсе не собирался, поэтому ответил так:

– Да, мы действительно собирали сведения о многих, в том числе и о вас. Поэтому я знаю и о генерале Дорнбергере, и о Гельмуте Греттрупе, и о других участниках вашего проекта. Работа, понимаете ли, обязывает знать.

– Тогда позвольте уточнить: моих сотрудников Советы хотят использовать для продолжения дальнейших исследований?

– Ты что – тупой? Я ведь уже сказал, что именно для этого и была разработана гемпфельская операция. И всех, кто согласится продолжать работу, СССР обеспечит этой самой работой.

Браун на оскорбление никак не отреагировал и, пожевав губами, задумчиво пробормотал:

– Такое впечатление складывается, что вы знаете что-то такое, о чем я еще не догадываюсь. И для выполнения этого «чего-то» вам понадобился весь техсостав ракетного исследовательского центра... Хм, еще вы сказали, что в России были проведены запуски баллистических ракет. Наверняка не очень успешные запуски, так как у вас хоть и хорошая школа, но мало грамотных рабочих. И оборудование сильно устаревшее. Но Советы готовы вкладывать деньги в то, что фюрер называл – «фейерверком-переростком»... даже сейчас готовы вкладывать...

Слушая бормотание Брауна, я постепенно фигел. Вот ведь что значит человек, занимающийся наукой! Будь на его месте вояка, который четко знает, что его может ожидать после захвата в плен, я бы его моментом обломал. А этот... Похоже, у эсэсовца просто включилась защитная реакция мозга, и поэтому сейчас, получив пищу для размышлений, он с радостью отвлекся от мыслей о вечном и тут же занялся привычным делом: начал выстраивать логические цепочки. Надо это прекращать, пока он в своих рассуждениях не выдал готовую версию о ракете Р-36М, которую америкосы прозвали «Сатана». Поэтому, слегка пнув шибко умного фрица ногой, я нарочито громко спросил:

– Что ты там бормочешь?

– Я просто пытаюсь понять, почему исследования, считавшиеся малоперспективными в рейхе, в России вызывают такой интерес...

И тут, увидев совершенно трезвый взгляд Брауна, я понял, что ни фи́га ни от каких мыслей о вечном он и не прятался. Нет, просто человек действительно заинтересовался возникшим вопросом.

М-да, как-то он слишком быстро очухался от стресса. И это может нам выйти боком. Потому что нет никакой гарантии, что возродившийся к жизни пленный не выкинет какой-нибудь фортель во время транспортировки до консульства. И тем самым не подведет под монастырь как разведчиков, так и дипломатов. И все я виноват – слишком рано с ним похорошему говорить начал. Теперь он во мне видит нормального человека и угрозам просто не поверит. Значит, надо не угрожать, а действовать!

С трудом удержавшись от начала немедленной обработки «языка» экспресс-методом, я скрипучим голосом спросил:

– И что, понял?

Браун покачал головой.

– Слишком мало исходной информации, но кое-какие выводы я для себя сделал. Поэтому, господин Петров, я хотел бы поинтересоваться: наш побег никак не повлияет на первоначальные планы советского командования относительно продолжения нашей работы в СССР? – И, словно бы извиняясь, добавил: – Поймите, мы считали, что нас немедленно расстреляют, поэтому и сбежали. Если бы я знал заранее, что нас ожидает, то ни о каком побеге и речи бы не было.

Так, так, так... Похоже, «экспресс-метод» не понадобится. Похоже, «невеста согласна». Поэтому, кашлянув, я ответил:

– Нет, не повлияет. В случае вашего согласия работать на Советский Союз вы будете переправлены к своим бывшим подчиненным.

– Тогда разрешите вас официально заверить, что я готов к сотрудничеству с русскими властями. Условия этого сотрудничества, как я понял, обговаривать придется не с вами?

– Правильно поняли.

– В таком случае я и мои люди готовы.

Глянув на замотанные тушки, которые как по команде начали кивать головами, я усмехнулся.

– Только хочу вас предупредить – не надо по пути делать глупости. Вы для нас, конечно, ценны, но не настолько, чтобы я позволил вам бежать.

– О, понимаю, – барон улыбнулся, – для вас, как для военного человека, дело чести не допустить побега пленных. И, невзирая на заинтересованность в нас, вы просто будете стрелять. Но, поверьте, я уже принял решение и никаких глупостей не сделаю. Мне самому интересно побыстрее встретиться с новым работодателем и, обсудив условия, приступить к работе!

Как он про условия-то печется! Хотя человек он неглупый и понимает, что ему молочные реки в кисельные берега обещать не станут. Максимум, что для начала дадут – место в шарашке да гарантированный кусок хлеба. Но Зевс к этому готов, так как понимает, что военнопленному (а он ведь, как ни крути – штурмбанфюрер СС) особых льгот ждать не приходится. Только уверенность в нем тоже чувствуется – наверняка рассчитывает за пару лет себя показать и изменить первоначальный статус.

Правда, еще вопрос, как Браун поладит с Королевым, который, по слухам, отличается весьма своеобразным характером. И, возможно, благодаря этому характеру в другой реальности при прочих равных условиях оставил этого Брауна далеко за флагом. Но с другой стороны, их будущие взаимоотношения меня никаким боком не касаются. Как-нибудь да сплоти́тся. А даже если и не сплоти́тся... Тот факт, что союзникам не достались ни изобретения, ни инженеры, затормозит их работу в данной области лет на шесть. Поскольку они просто не понимают, что это за оружие, то и чухаться начнут только тогда, когда наши ракеты уже

будут полноценно летать.

Еще надо учесть, что Верховный, зная о случившейся в моем времени холодной войне, тоже понимает всю важность этой программы и всячески будет ее форсировать. И пусть в этой реальности мы постараемся избежать послевоенной напряженности, но нельзя сбрасывать со счетов всякие случайные повороты...

Так что, если враг и появится, он будет четко знать, что у нас есть оружие, способное достать его в любой точке земного шара. И пропагандистский эффект тоже надо учитывать. Эффект не от оружия, а от выхода человека в космос. Уж кто-кто, а Тверитин это обыграет так, что не то что в веках, в тысячелетиях помнить будут!

От приятных мыслей меня отвлек Кныш, который, появившись, доложил:

– Товарищ капитан, снизу поднимается шесть человек. Посмотрите, это ваши? – А потом, глянув на так и не пришедшего в себя Ворона и сомлевшего Кота, досадливо крикнул, протянул мне бинокль и добавил: – Вы гляньте, а я пока здесь побуду.

Сомнений в том, кто сейчас топает по тропинке у меня не было, но я все равно, взяв оптику, пошел убедиться, что это не какие-нибудь неожиданные туристы. В принципе, бинокль мне оказался вовсе не нужен, так как, выйдя к камням, я увидел метрах в двухстах растянувшуюся колонну посольских. Возглавлял шествие Иванов, морда которого насыщенно пламенела, что было заметно даже на таком расстоянии. М-да, сразу видно кабинетных работников – несколько километров по горам – и они дышат так, что аж здесь слышно. А нам ведь еще двоих... отставить – троих на себе выносить нужно. Ну да как-нибудь вытянем: вниз тащить – это не вверх топать. Свистнув и помахав рукой, чтобы привлечь к себе внимание, я показал, куда им подходить, а сам вернулся обратно и объявил Примакову:

– Наши идут. Сейчас ребятам первую помощь окажут, и вниз двинем. И еще... Я тут с пленными переговорил, и знаешь, кем они оказались?

Старшина испуганно глянул на меня.

– Неужели просто эсэсовцами из охраны?

– Да нет, парень. И ваши жертвы, и жертвы десантников, которые остались прикрывать ваш отход, считай полностью оправданы. Можно сказать, что вся гемпфельская операция проводилась из-за этих «языков».

Кныш сначала не понял, а потом потрясенно протянул:

– Вы хотите сказать, что Браун...

– Угу, именно так. Вон тот, с подбитым глазом, – я кивнул на пленного, – и является Зевсом. Так что, ребята, крутите дырочки! По совокупности это на «Ленина» тянет! А если наградной лист толково составить, то бери выше!

– Офигеть! Неужели нам самого Брауна поймать повезло?! Вот кто бы знал, когда мы за беглецами уходили, что это такая шишка окажется...

В общем, пока Примаков восторженно крутил головой и сожалел, что остальные ребята в отрубе и не с кем поделиться радостью, до нас таки доползла команда спасателей. Докторша – Вероника Афи... Амфиби... блин, язык сломаешь! В общем папу у нее звали Амфибрахий, поэтому я, один раз назвав ее Амфибиевной, решил больше не рисковать и называл посольского медика по имени, но на «вы». Короче, врача тут же развила бурную деятельность и принялась ширять бессознательных «невидимок» со скоростью работы «катюши». Благо шприцов в стерильных боксах у нее было с собой несколько штук. Но, как она сама сказала, это было в основном обезболивающее, и с ранеными надо было что-то решать быстро и кардинально. Услышав ее слова о том, что так ни разу и не пришедший в себя боец с пулевым ранением в живот может умереть в любую минуту, мы решили с переодеваниями не возиться вообще, а просто дали немцу и двум диверсантам (Ворон к этому времени пришел в себя и заверил, что дойдет до машин своим ходом) брезентовые плащи, похожие на тот, в котором ходил Кузьмич из известного фильма, и двинули вниз. По пути Вероника все причитала, что у них нет условий для проведения столь сложных операций, но я, заранее обдумав эту проблему, сказал, что задействую родственные связи.

Карл мужик нормальный, да и сейчас просто кровно заинтересован в том, чтобы показать «добрую волю» перед началом крупного сотрудничества с русскими. Поэтому не только раненых в полицию не сдаст, но еще и докторов в своей клинике найдет, которые будут крепко держать язык за зубами. Так что нам сейчас главное раненого живым до города донести...

Сразу скажу: донести получилось без проблем. И Карл, быстро врубившийся в ситуацию, оказался на высоте. Когда мы из посольства позвонили ему, он тут же приехал и, выяснив у Вероники характер ранений наших бойцов, сказал, что срочно будет готовить обе операционные, после чего велел везти к нему всех четверых «невидимок». Попросил только, чтобы «ходячие» были переодеты в гражданку, а с лежащих срезали форму и просто накрыли одеялами. Ну это как раз понятно – необходимо избежать ненужных слухов и пересудов, которые могут возникнуть, если кто-нибудь увидит советскую военную униформу.

А я уже глубоким вечером, разругав с ранеными и оставив Иванова составлять шифровку командованию относительно личности захваченных «языков», вернулся к Хелен. Ведь как ни крути у меня еще оставались почти сутки законного отпуска...

Глава 6

– Ну что, «батьа», повидал жену и наследника? А когда ты их нам показывать будешь?

– Да хоть сейчас, – я достал фотографию и сунул под нос Геку, – смотри и завидуй!

Пучков, оглядев фото и передав его Макс, возмущенно сказал:

– Я имел в виду – вживую. Тем более что тут не видно ни черта! Тебя видно, Елену видно, а на руках у вас сверток какой-то. Хоть бы лицом его развернули к фотографу! Кстати, Елена стала еще красивее, чем на предыдущей фотографии.

– Что бы ты понимал, щегол пестрожопый!

– Та! Тофарищ полковник прафф. Ты рассуштаешь, как совсем юнге... м-м-м... молотой. Глафное, не фитимость, а наличие! И наличие репенка гофорит о том, что командир поменял статус и теперь он «патья», а не счеголь пьестро... пьиastro...

– Ой, немчура, ты бы молчал, а то язык сломаешь! – С этими словами Лешка пихнул Шмидта в бок и жадно спросил: – А как там вообще все было? Ну в Швейцарии. Свадьба и все такое прочее? И главное – как ты умудрился там Брауна поймать? А то Гусев позавчера об этом сказал, но очень туманно, так как сам толком деталей не знает.

– Я тут совсем не при делах. Зевса отловили люди Каменева – «невидимки» с Первого Украинского, ну а мы их вытаскивали. Так что ракетный барон был просто неожиданным довеском к спасательной операции. Но рассказывать обо всем буду, когда приедем и все соберутся. Отметим возвращение под подарки и рассказ.

– Подарки это хорошо... – Гек с удовольствием поглядел на свою руку, украшенную «Омегой», и поинтересовался: – А ты всем одинаковые взял?

– Угу, а то еще передеретесь между собой, выясняя у кого лучше. Зато теперь – никаких головняков: они только номерами отличаются.

– Но этто феть дороко, сразу столько часофф покупают?

– Не дороже денег. – Оглянувшись на бережливого Макса, который как раз в этот момент тоже смотрел на новенькие часы, я спросил: – Лучше расскажи, что значат твои погоны и каким это макаром обер-лейтенант вермахта умудрился получить лейтенантское звание в нашем ведомстве? Ты ведь, когда в Алленбург на побывку отправлялся, ехал просто вольнонаемным служащим. А теперь, что я вижу – Максимилиан Шмидт стал советским офицером!

– О, этто отшень интересный и неожиданный история!

– Ну так расскажи! Нам ведь еще долго ехать... Кстати, – повернувшись к Геку, поинтересовался я: – Леха, долго или нет? И вообще, где конкретно база находится?

– Наш фольварк? Недалеко от Карлсруэ. Точнее, в восьми километрах к северо-востоку

от города со смешным названием – Баден-Баден. Наверное, для особо тупых придумали, кто с первого слова не просекает! Я там уже был – красиво, и вода горячая прямо из-под земли шурует, вот, наверное, поэтому в городе банно-прачечные подразделения с четырех дивизий и штаб армии расположились – все места заняли. Ну а мы, как обычно – на выселках, от цивилизации подальше.

Услыхав о знаменитом в моем времени крутом курорте в таком неожиданном контексте (вот кто бы мог тогда помыслить, что его источники отлично подходят для стирки солдатского белья и портянок), я лишь потрясенно крикнул, а Макс ворчливо сказал:

– Это не тля тупых. Просто семля насыфается Баден-Вюртемберг, и отшень часто гофорили про этот корот: Баден в Бадене. А с трисать перфого кода его стали официально насыфать Баден-Баден. И фоопще, фам интересно про эттот курорт слушат или про то, как я опять стал офицером?

– Конечно, про тебя! Это Гек меня отвлек! Ну давай, рассказывай!

Шмидт еще пару секунд обиженно шевелил бровями, но, видя мой неподдельный интерес, начал свою историю. Оказывается, вернувшись от сестренки, он застал базу спецгруппы Ставки в полузамороженном состоянии. Из основного состава осталась только часть связистов и подразделение охраны. А самое главное – никто не мог толком сказать, куда все делись. Говорили, что мы укатили куда-то в тыл, но куда именно и зачем никто не знал. Потом они перебрались под Штеттин. Макс рассчитывал встретиться с нами там, но обломился в своих надеждах. И если связисты хоть как-то были заняты, обеспечивая действия осназа в Свинемюнде, то Шмидт чувствовал себя отрезанным ломтем и постепенно стал всерьез беспокоиться за свою дальнейшую судьбу.

Нет, того, что по окончании войны его могут посадить в лагерь для военнопленных, он не боялся. Немец достаточно хорошо понимал статус нашей группы и поэтому подобную судьбу для себя исключал. Только будущее один черт рисовалось весьма туманным. Максимилиан был отличным сапером и больше в жизни ничего толком не умел. Поэтому на гражданке даже не представлял, куда податься. Можно было, конечно, двинуть в горнодобывающую отрасль, где подрывники нужны и в повседневной жизни, но тут возникали сомнения по поводу того, насколько бескровно его отпустят из НКВД. Останься он сапером-инструктором, коим был полгода назад, уволили бы без проблем, но после того как бывший офицер вермахта поработал с людьми из спецслужб, его будущее оказалось под большим вопросом. Вот так, находясь в тревогах, наш немец и встретил приказ о передислокации группы на юг в зону ответственности Второго Украинского фронта. А прибыв в Нюрнберг и встретившись там с Гусевым, Шмидт получил предложение, о котором не мог и мечтать. Серега сказал, мол, непосредственное руководство решило, что Макс человек достаточно надежный, знающий и отлично себя зарекомендовавший. А так как в немецких военных училищах уровень обучения практически не отличался от советских, то было принято решение, в случае согласия Максимилиана Шмидта продолжать службу в органах НКВД, присвоить ему звание лейтенанта и оставить в нашей группе.

Услышав это, я только удивленно покрутил головой. Ну Колычев – мужик! Видимо переговорив с Серегой, он решил взять на себя эту ответственность, и теперь я наблюдал совершенно счастливую морду Шмидта, который наконец-то обрел почву под ногами. Интересно только, как же быть с гражданством? Он ведь чистопородный немец, и даже если ему дадут гражданство СССР, как он потом к сестрам ездить будет? Хотя что-то мне подсказывает, уж куда-куда, а в Германию из Союза проехать можно будет совершенно без проблем. Иван Петрович как-то обмолвился, что с Чехословакия, Венгрия, Польша и прочими Румыниями мы еще будем разбираться, а вот Германия уже никогда воевать с нами не будет. Не знаю пока, что он имел в виду, вряд ли полную ее советизацию, но говорил очень уверенно.

Так что там дальше видно будет, а сейчас я очередной раз поздравил Шмидта с новыми погонами и, уступая настойчивому канючанию Гека, стал рассказывать, каково это иметь в родственниках иностранных миллионеров. Потом, вспомнив часы, проведенные с Аленкой

перед отлетом, я замолк и только глупо улыбался, щурясь, как объевшийся сметаны кот. Тактичный Макс промолчал, а Пучков, глядя на мою физиономию, заметил:

– Вот прямо так и хочется предложить тебе съесть лимон. Столько счастья на лице я давно уже не видел! Хотя правильно. Ведь если исходить из пословицы, большую часть жизненной задачи ты уже выполнил!

Шмидт заинтересовался:

– Какой пословицы?

– А такой – у нас говорят, что каждый уважающий себя мужчина должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына. Вот теперь Илье осталось только дерево посадить!

Макс на несколько секунд задумался, а потом выдал:

– Интересно полючается... Вет если пы фсе так телали, то ф России люти жили ф испах ф глухом лесу... И жили пы там только отни мушкики...

От такой неожиданной интерпретации старинной мудрости Пучков вытаращил глаза, не находя слов, а я заржал и подытожил:

– Вот и следуй после этого старинным заветам! Таким макаром и до голимого непотребства докатиться можно... – А потом, меняя тему, поинтересовался у Гека: – Ты лучше скажи, что в округе творится и зачем нас вообще в эти дивные места определили? Тут вроде поблизости боев уже не ожидается, так как ближайшие вооруженные фрицы только во Франции остались.

Лешка, обиженный тем, что я поддержал не его, а Макса, сделал серьезную морду и начал скучным голосом просвещать:

– После полного блокирования Берлина основные бои идут по линии Люксембург–Кассель–Магдебург–Ганновер–Бремен. Это в центре и на северо-западе. Здесь у нас фрицы было заняли оборону за Рейном, но войска Первого и части Второго Украинских фронтов, сходу форсировав водную преграду, сломили сопротивление гитлеровцев и освободили первый крупный французский город – Страсбург.

– Леха, сейчас в лоб дам! Я последние пять дней в Вене летнюю погоду ждал и сводок наслушался – во! – Я провел ладонью по горлу. – Так что не зюзюкай, а толком скажи, чем мы тут заниматься будем?

– Здесь – ничем. А вот южнее, почти на границе со Швейцарией, должны блокировать какую-то «дорогу».

– Пучков, ты что – докладывать разучился? Так я сейчас быстро научу! Какую еще в жопу дорогу?

– Не дорогу, а «дорогу». И чего ты сразу орешь? Основная задача состоит в том, что мы должны перекрыть путь эвакуации нацистских шишек из рейха. Этих путей несколько существует, вот наша разведка и накопала, что через Альтхайм и далее на Констанц, возможно, станут уходить крупные немецкие чины, сейчас попавшие в зону оккупации.

Я сначала хотел было сказать, что это глупости и соображающие фрицы будут сматываться через порт Вильгельмсхафена, чтобы уж сразу до Аргентины драпать, но потом задумался. А те, кто сейчас оказался отрезан линией фронта от этого северного порта? Им что, через тылы наших войск, а потом и через передок пробиваться? Нет, они не дураки, и поэтому все, кто сейчас оказался в зоне, оккупированной советскими войсками, станут рваться в Швейцарию – последний для них островок спокойствия в пылающей под ногами Европе. Это запертым в Берлине четверем «Г» хорошо – прыгнул в чудом сохраненный от бомбежек «шторьх», и ты уже за Магдебургом. Хотя наши сейчас активно срезают магдебургский выступ, и через несколько дней «шторьхом» уже не обойдешься. Элементарно – горючки не хватит долететь до территории, контролируемой вермахтом. Но этот ход все равно – для самых крупных бонз. А тем, что помельче, что делать? Правильно – только Швейцария или Франция и остается. В стране сыров можно отсидеться, пока все не утихнет, ну а во Франции, если не повезет добраться до Испании к генералу Франко, – сдать союзникам, которые к немцам относятся гораздо мягче русских. Американцев, помня про их людоедский «план Моргентау», фрицы, правда, побаивались, зато к англичанам

рвались всей душой. Одно непонятно...

– Гек, помимо нас, кто еще работать по этой теме будет?

– Говорят, что десять–двенадцать террор-групп Второго Украинского, полк восьмой дивизии НКВД и два батальона пехоты с восемьдесят четвертой стрелковой. «Внутряки» с армейцами блокпосты организуют еще и превентивные прочески, а мы с «невидимками», как обычно – в свободном поиске.

Понятно... Ну посмотрим, посмотрим. Может, и повезет какого-нибудь Шелленберга, а то и Кальтенбруннера за яйца поймать. Но эти мысли я оставил при себе и пробурчал:

– Знать бы такое дело, лучше бы с Хелен лишнюю неделю провел, а потом до вас за три часа на машине доехал. А тут вместо общения с семьей почти неделю круги давал через половину материка.

Вот уж действительно – кабы знать, где упасть... Распрощавшись с родными, я вместе с Примаковым, оставив раненых в клинике, а «языков» в консульстве (их во избежание ненужных вопросов собирались вывозить из Швейцарии какими-то тайными тропами, на автомобиле), загрузились в самолет и благополучно приземлились в Линце. Там старшину уже поджидало его армейское начальство, а я последовал дальше, на восток. Почти сутки потерял во Львове из-за дождя, но ожидание было скрашено двумя развеселыми капитанами из 127-го ИАП, возвращающимися в свою часть после ранения. Потом – Москва. Почему-то думал, что мои ребята еще там, но выяснилось – они уже неделю как убыли. Иван Петрович был в командировке аж на Дальнем Востоке, поэтому, сдав диппаспорт, написав отчет и получив обратно свои документы, я согласно новому распоряжению убыл почти туда, откуда прилетел – в Вену. И там влип в нелетную погоду.

Пять дней, матерясь, в сопровождении приданного комендантом летехи я гулял по городу, ожидая, пока хляби небесные просохнут. Зато пива напился вволю и полетел не в Регенсбург, как планировалось изначально, а сразу на аэродром под Карлсруэ, где меня и встретили перебазировавшиеся к этому времени из Регенсбурга ребята. Точнее Гек и Макс, которого я не видел уже почти месяц. Парни прикатили на новеньком 67-м «ГАЗоне», оборудованном дугой с турелью под пулемет и, невзирая на крики дежурного, выперлись на поле на машине. Как выразился Пучков – «чтобы тебя, как наркома, возле трапа встретить». В результате этих действий я был встречен громкими воплями дежурного, которые были слышны даже сквозь шум останавливающихся винтов. Когда вышел, даже не понял, что происходит и почему столько матов? Тем более что сразу пришлось отбиваться от пытавшегося повиснуть на мне соскучившегося Лешки. При его росте попытка зависа на командире смотрелась просто смешно, поэтому скандальный дежурный удивленно замолк, а когда я пообещал наказать подчиненных своей властью, недоверчиво хмыкнув и оглядев комбезы нарушителей спокойствия, сказал:

– Вот разведка, вечно у них все не по-людски. Ладно, замнем... Но в следующий раз, если такое повторится, рапорт напишу!

После чего утопал в свою будку. А я, избавившись от повизгивающего Гека, пожал руку довольно улыбающемуся Максу и тут же, вручив обоим презенты, запрыгнул в машину...

Пока ехали до точки, крутил головой, разглядывая пейзаж за окном и людей. М-да, никакого отличия. Меня еще в Швейцарии удивило – разницы между страной банков и юго-западной Германией я не увидел. Дети, да и многие взрослые, рассекают в кожаных шортах на широких лямках, шляпы эти, с идиотским перышком, так же в моде, архитектура идентичная, язык... Да и вообще – эти места гораздо больше отличаются от Восточной Пруссии, чем от Швейцарии. А это значит, что при наличии документов любой нацист может совершенно без проблем затеряться на сопредельной территории, и никто его сто лет не вычислит. Да и что собой представляют швейцарские пограничники я уже понял достаточно хорошо, поэтому наша работа здесь действительно необходима.

Хотя, честно говоря, я бы предпочел район Берлина. Уж очень хочется на колонне рейхстага что-нибудь написать от себя лично. Правда, там сейчас затишье – город

блокировали и чего-то ждут. Немцы несколько раз предпринимали попытки извне разрушить блокаду, но ничего у них не вышло. Просто сил не осталось, так как в Польше, при окружении они потеряли практически всю группу армии «Центр». При сокращении линии фронта сопротивляемость вермахта, конечно, возросла, но это уже не играло особой роли. Фольксштурм и остатки вермахта ничего не могли противопоставить обученным и опытным бойцам Красной Армии. Можно было, конечно, все закончить одним ударом, только командование берегло людей, предпочитая постепенно перемалывать живую силу и технику противника артиллерией и авиацией. Но это на северо-западе Германии. А вокруг Берлина – тишина с боями местного значения. Тишина, наступившая после взятия Зееловских высот. Точнее не взятия, а превращения этого так и недостроенного укрепрайона в лунный пейзаж.

Войска Первого Белорусского в лоб на них не поперли, а нанесли фланговые удары с севера и юга, при этом израсходовав практически весь фронтовой резерв боеприпасов, но эти самые боеприпасы сейчас ускоренными темпами подвозятся. Зато наши потери в живой силе при проведении этой операции – одни из самых незначительных за все время наступательных боев. Из чего я сделал вывод, что Георгий Константинович, если его не гонят вперед категорические приказы и карьерные побуждения, вполне умелый и знающий комфронта.

Только непонятно пока, что будет после пополнения резервов? Штурм Берлина? Так в нем сейчас окопался почти полуторастотысячный гарнизон, и город представляет собой довольно крепкий орешек. В других местах немцы сдаются пачками (особенно на западе, где продвижение союзников сдерживают не боевые действия, а скорость подтягивания тылов), а вот в столице рейха сдаваться пока не желают. И на севере тоже – за каждый фольварк цепляются. Только там все равно проще – при совершенно полном господстве в воздухе советской авиации их быстро запинают. Но что делать с Берлином?

В щебенку раскатывать вроде как жалко, ведь это уже как ни крути – свое. Да и гражданских там больше миллиона, и если их покрошить, то потом новые отношения будет выстраивать несколько сложнее. Только своих солдат, которые могут погибнуть при штурме отлично укрепленного города, жаль гораздо больше. Наверное, поэтому там сейчас и тишина – советское командование крутит этот город в руках, как того колобка, думая при этом, – «хоть бы пукнул, чтобы дырочку увидеть».

А Геббельс заливается соловьем. Правда, у него не просто башню снесло, а остатки мозгов испарились, потому что главный пропагандист рейха в последней речи заявил, что у них сейчас очень выгодное стратегическое положение и руководство страны, собрав вокруг себя наиболее боеспособные части, сначала перемелет русские орды в городе, а потом отбросит их за пределы фатерлянда. Ага – особенно если учесть, что в Греции боевые действия практически прекратились, в Югославии и Австрии тоже. Восток, юг и центр Германии тоже наш. Во Франции немцы сдаются ударными темпами...

В общем, больной человек, хотя что ему еще говорить? Вундервафлей грозился. Тем, что англичане с американцами не допустят большевистских упырей в Западную Европу, тоже все уши прожужжал. Мистику вспоминал, про божественное вмешательство трындел. Ничего не помогло... В общем, приемлемо фантастические варианты закончились, осталось только полный бред нести. А вот партайгеноссе Гитлера что-то уже дней пять как не слышно. Я прямо волнуюсь. Ну как бесноватый решит соскочить и яд сожрет, как это в моем времени было? Кого тогда вешать будем? Конечно, на то, что наши возьмут фюрера живьем, надежды было очень мало, но хоть помечтать-то можно?

Представив висящего Адольфа, я улыбнулся, и в этот момент наш «ГАЗик», заставив сигналом прижаться к обочине раздолбанный «студебеккер», кузов которого был набит какими-то мешками, свернул влево, а Гек, сидевший за рулем, сказал, показывая пальцем:

– Вон наши дома стоят. А вот и начальство собственной персоной встречать вышло...

Возле одного из строений действительно стоял Гусев, который, зажав в зубах папиросу, радостно скалился, увидев мое лицо. Плавнов затормозив напротив Сереги, машина остановилась, и я тут же попал в руки командира спецгруппы Ставки. Слегка помяв друг

друга, мы разжали объятья, и генерал сказал:

– Иди располагайся, а через полчаса жду у себя. Буду вводить в курс дела.

Я кивнул и, не находя остальных встречающих, поинтересовался:

– А куда все делись?

Гусев, поняв, что именно меня интересует, ответил:

– Работают. Шарафутдинов с Козыревым у «невидимок», а Жан со связистами к пехотинцам поехали. Северов «махре» лекцию читать будет, а то их «маркони» вообще мышей не ловят, ну а Искалиев вместе с ним решил сгонять, для повышения квалификации.

– Ясно... Ладно, Леха, – оглянулся я на стоящего рядом Пучкова, – показывай, где наша землянка.

При упоминании про «землянку», Гек хохотнул и, показав на большой дом с мансардой, стоявший в окружении нескольких домиков поменьше, сделал приглашающий жест.

Шагая следом за мужиками, я попытался вспомнить, а когда в последний раз приходилось ночевать в землянке? Не в этом году точно. В прошлом? Да, точно – летом прошлого года, когда мы передок осматривали и у артиллеристов задержались. А все остальное время квартировали, как белые люди, в нормальных домах. М-да, так что в нашей профессии есть свои большие плюсы, хотя бы и в бытовом плане. Может, кому-то землянка покажется романтическим местом ночлега, но только не тем, кто в ней вынужден жить подолгу. Особенно меня с этих подземных жилищ воротило, когда мы наступать начали. Иногда, если приходилось долго изучать будущее место прохода в немецкий тыл, то оставались ночевать у хозяев. И раз на раз не приходилось: когда-то это была хата, но гораздо чаще, бывший немецкий блиндаж. Так там не только мерзко воняло фрицевским порошком от насекомых, но еще и эти самые насекомые, то есть клопы, которых никакой дуст не брал, либо лезли снизу, либо падали сверху, как вражеские парашютисты. Я не эстет, да и в крестьянских хатах этого добра хватало, но вот осознание того, что кровососущие паразиты сначала кусали какого-то Ганса, а теперь грызут меня, вызывало повышенную брезгливость. Так что, как ни крути, служба в спецгруппе – это один большой и жирный плюс...

В общем, кинув шмотки в новом расположении, я двинул к командиру. Серега, сначала приказав вестовому принести чаю, расстелил на столе карту и, положив на нее остро отточенный карандаш, сказал:

– Ну что, теперь слушай, какие перед нами сейчас стоят цели и задачи.

Ничего особо нового из этого вводного инструктажа я не узнал, так как Гусев просто более развернуто повторил то, что мне рассказал Пучков. Но появилась одна деталь, касающаяся лично меня: когда Сергей закончил описывать обстановку, я тут же начал вносить свои идеи по поводу работы группы, но командир ехидно ухмыльнулся и, покачивая головой, ответил, что, мол, Лисов свое уже отбегал. Что полковнику НКВД не по чину шустрить в поисках разных недобитков и что согласно приказу руководства отныне я занимаюсь только планированием, согласованием и составлением рапортов. То есть буду полноценным заместителем Гусева, а не вольным стрелком, который всеми силами увиливал от бумажной работы.

Глядя на выражение глаз командира, я понял, что спорить бесполезно, так как этот приказ, скорее всего, исходит от самого Колычева. Не знаю, что ожидал мой друг, но явно не того, что, пожав плечами, я спокойно приму это к сведению и только поинтересуюсь:

– А мне противогеморройную подушечку выдадут?

Серега, моментально врубившийся, что именно я имею в виду, хмыкнул:

– Даже не надейся, так как подушечка по рангу положена только мне. А ты, голубь сизокрылый, у нас теперь в разъездах будешь находиться. От штаба полка до штаба фронта – все твое. Глядишь, и дойдет, почему я постоянно не высыпаюсь...

– Ой, вот только не надо из себя стахановца изображать! Высыпаться он не успевает...

Как связисток кадрить время находишь, а на поспать уже не остается? Давно бы уже ППЖ завел и жил спокойно, а то, как лейтенант молодой, скачешь козликом, все стремишься объять необъятное.

Гусев фыркнул:

– Я, в отличие от тебя, человек холостой, поэтому кадрю, кого хочу. А походно-полевая жена – это уже серьезно. Поэтому и не завожу, что не хочу быть сволочью и давать бабе зряшние надежды. Вот найду подходящую кандидатуру, там и посмотрим... – Серега вздохнул, а потом, желая соскочить со скользкой темы, перевел стрелки на меня: – И кстати, насчет женитьбы – давай рассказывай, как там свадьба прошла и с какого боку мой заместитель имеет отношение к поимке Вернера Брауна? Или он среди гостей был, и ты его прямо за столом вязать начал?

Рассмеявшись, я ответил:

– Среди гостей только гражданские были, а Брауна наши «невидимки» в Германии взяли и драпали вместе с ним от егерей так, что до Швейцарии добежали.

– А подробнее?

Ну подробнее так подробнее. Хлебнув слегка остывшего чаю, я начал рассказывать с самого начала: с того момента, как прилетел на землю сыров и банков. После рассказа в свою очередь поинтересовался окружающей обстановкой. Не глобальной (так как относительно будущей Берлинской операции Серега и сам был не в курсе), а местными нюансами. По ответу Гусева понял, что в принципе особых отличий от того, что было в Пруссии, тут нет. Единственно – беженцев поменьше, так как бежать им уже особо некуда, да сдающихся немецких солдат побольше. Группы «Вервольфа» на нашем участке себя тоже никак не проявляли, что не могло не радовать. Зато присутствовали контрабандисты, вносившие свой колорит в работу осназа. Ведь никто из ребят заранее не мог сказать, кого он перед собой видит – местного барыгу, прущего груз остродефицитных женских чулок, или проводника, который идет один, потому что просто разведывает тропу. Хотя разницы между ними СМЕРШ не делал и поэтому хапали всех встреченных в горах. Оно и понятно – сейчас главное наглухо перекрыть все тропы, а потом уже разбираться будем, кто на нацистов работает, а кто на собственный карман...

В общем с Гусевым мы проговорили почти до вечера, а когда собрались все мои ребята, переместились в расположение, где и отметили возвращение Лисова в лоно родного подразделения. Отмечание сопровождалось повторным рассказом о швейцарской поездке, раздачей подарков и некоторыми возлияниями. Рассказ и подарки всем понравились, а вот с возлияниями я несколько переборщил. Но невзирая на это, уже на следующее утро активно включился в работу.

Мотаться, как выяснилось, действительно приходилось очень много, хорошо хоть дороги в Европе не чета нашим, а то бы я все кишки растряс. Ну а после того, как наша колонна, состоящая из моего «козлика» и «УльЗиСа» с охраной, возвращалась на базу, начиналось составление рапортов, заканчивающееся чуть ли не за полночь. Гусев, глядя на мою осунувшуюся морду, подбадривал, говоря, что во время наступления всегда так, и в виде утешения добавлял, что я скоро втянусь в новый для себя ритм.

Командир оказался прав, и уже через неделю появилось ощущение, что я всегда только этим и занимался. Правда, ребята глумились надо мной безостановочно, при каждом удобном случае обзывая штабным. Я, когда были силы, давал отпор, но в основном просто махнул рукой на шутки молодежи, с некоторой долей ревности отмечая, что под руководством Шарафутдинова моя группа действует ничуть не хуже, чем когда я ею рулил. Пацаны, работая в тесном взаимодействии с присланными «невидимками», за эти дни отловили около двадцати немцев в чине от фельдфебеля до оберста, причем двое из пленных оказались настолько крупными шишками, что после передачи в СМЕРШ их тут же отправили в Москву. А вообще в течение десяти дней при попытке покинуть территорию Германии сводной группировкой были задержаны более трехсот подозрительных личностей, которых сейчас активно кололи на фильтрах. Даже я в этом поучаствовал немного. Правда, в

моем случае личности были – яснее некуда.

А дело было так. Возвращаясь из штаба армии, мой водитель Витька Пальцев умудрился пробить колесо, и пока он, ругаясь, менял баллон, я стоял рядом и разглядывал беженцев, которые жидкой цепочкой двигались по дороге. Мужиков среди них, как обычно, было очень мало, в основном дети и бабы, которые перли свой скarb либо на себе, либо в тележках или колясках. Иногда кто-то из них сворачивал к кустам на обочине, при этом не выпуская из рук баулы с барахлом. Ну оно и понятно – биотуалетов вдоль пути их следования не было предусмотрено, поэтому гражданские гадили, просто сойдя с дороги. Кто ближе, кто дальше – в зависимости от стеснительности.

В общем, стоял я минут пять, а потом из-за поворота послышались какие-то крики. Орала, судя по голосу, девчонка. А буквально через пару секунд резко замолчала, как будто ее выключили. Вот это мне совсем не понравилось – драки среди беженцев, конечно, бывают, но чтобы вот так быстро заткнуть горлопанку, ее надо физически вырубить. Да и голос доносился не от дороги, а несколько левее. Получается, не драка это... Достав пистолет, я кивнул ребятам в «УльЗиСе и», оставив одного бойца с Витькой, легкой трусцой побежал с остальными в сторону, откуда только что слышались вопли. Сержант Бондарев, из охраны, на бегу предположил:

– Похоже, опять грабят...

– Похоже... значит так – двое дуют к рощице и отрезают путь в горы, еще двое вон туда, – я махнул рукой, – к мостику. А там посмотрим, кто орал и зачем...

Сержант кивнул и, отдав распоряжения, снова повернулся ко мне:

– Товарищ командир, может, вы к машинам вернетесь, а фрицев мы сами словим?

– Угу, сейчас... Держись рядом и не болтай!

В этот момент, проскочив через заросли, мы вывалились на довольно большую поляну, и картина стала окончательно ясна: возле деревьев валялся распотрошенный узел, рядом лежало тело, а метрах в ста от нас мелькали трое сматывающихся мужиков. Глупостей вроде криков и предупредительных выстрелов я делать не стал, а скомандовал командиру отделения:

– Мочи их!

После чего рванул по большой дуге, стараясь не перекрывать Бондареву сектор обстрела. Автомат затыкал короткими, заставив удирающих начать петлять, ну а мне оставалось только наддать ходу, сокращая дистанцию для пистолетного выстрела. Правда, немного не успел, так как солдаты, посланные к горам, нас опередили и в два ствола уронили на землю всех бандюков. Но когда мы дошли до лежащих, выяснилось, что немцы целехоньки. Просто, услышав резко усилившийся свист пуль и увидев, что путь к бегству отрезан, они поняли, что зер шлехт подкрался незаметно, и предпочли действовать прямо как братва моего времени при виде ОМОНа, а именно – брякнуться на землю и, положив руки на затылок, притвориться ветошью. Один из бойцов сноровисто обыскал лежавших и, откинув в сторону два ножа, опасную бритву и потертый «зауэр», приступил к более детальному обыску. В конечном итоге на траве, помимо прочей мелочовки, появилось несколько мешочков, заглянув в которые, подошедший сержант удивленно покачал головой и, пнув ближнего к нему немца, протянул трофеи мне. М-да... мешочки были полны золотых колец, цепочек, браслетов и прочих ювелирных украшений. Ссыпав рыжые обратно, я протянул их отделенному и приказал:

– По приезду сдашь Силантьеву.

– А с этими как? – сержант кивнул в сторону бандитов. – Шлепнуть?

Хм... вопрос, конечно, интересный. Вообще-то, по закону военного времени подобным кадрам однозначно светит стенка. Армия чем хороша – адвокатов тут нет, и если факт преступления налицо, то вояки обычно не церемонятся. Так было у нас в сорок первом и сорок втором, когда ловили таких же вот гадов, которые у беженцев отбирали последнее. А вы что думали? Что урки благородные ребята и все как один грудью встали на защиту Родины? Такие мысли могли возникнуть только у режиссеров конца двадцатого века, а в

реальности эти сволочи у людей, потерявших свой кров и отбившихся от основной толпы уходящих на восток, серьги с мясом рвали да кольца сдергивали, пальцы ломая... Поэтому с ними не миндальничали и прислоняли к стенке непосредственно на месте преступления. Кстати, когда вошли в Европу, правила совершенно не изменились. Только вот сейчас двое из троих пойманных налетчиков оказались сущими пацанами, лет по пятнадцать-шестнадцать. Понятно – если урод с младенчества, то он и дальше уродом останется, но малолеток жизни лишать как-то не комильфо. Поэтому, почесав подбородок, я решил:

– Погодим шлепать. Пойдем сначала глянем на ту бабу – если они ее насмерть приголубили, то рядом лягут. Ну а если живая, пусть с ними комендачи разбираются...

Сержант кивнул и мы двинули обратно, к дороге. А подойдя к поляне, поняли, что местным уркаганам необычайно повезло. Немка оказалась вполне живой и теперь просто сидела под деревом, плача и щупая здоровенный синяк, расплывающийся на щеке. Увидев нас, она перестала плакать и только испуганно зыркала на приближающихся солдат. Когда мы подошли ближе, беженка поднялась и, прижав руки к груди, уставилась в землю. Остановившись в шаге от нее, я спросил:

– Фрау... – но через секунду, сделав поправку на возраст, исправился, – фройляйн, у вас эти люди что-то отобрали?

Ограбленная робко подняла светло-серые, какие-то блеклые глаза и кивнула.

– Что именно отобрали?

– Два кольца, серьги и браслет...

– Золотые?

– Да...

– Коровин. – Подозвав сержанта, я продолжил: – Дай пару колец, какие-нибудь сережки и браслет.

– Какие?

– Да по фигу какие! Мы что, сейчас опознание вещдоков делать будем? Что под руку попадется, то и давай. – Потом, окинув взглядом худую, как вешалка, фигуру, добавил: – Покрупнее там выбери...

Отделенный покопавшись в выуженных из кармана мешочках, протянул требуемое, а я в свою очередь, взяв руку немки, вложил ей в ладонь безделушки, из-за которых девка чуть не лишилась жизни. Та вытаращилась на золото и хотела что-то сказать, но я опередил:

– Теперь ЭТО – ваше. И в дальнейшем старайтесь не отходить от основной массы людей. А еще лучше прибежите на время пути к какой-нибудь семье или группе, идущей туда же, куда и вы. Наши беженцы в свое время старались поступать именно так...

Услышав про русских беженцев, немка опять опустила голову, явив моему взору верхнюю часть замызанной женской шляпки, а потом что-то пробормотала. Не расслышав, я переспросил:

– Что вы сказали?

– Простите нас... Простите за все...

М-да... эх ее торкнуло... Нюхнув лиха, сразу прониклась, каково пришлось восточным «недочеловекам» три года назад, когда любимый фюрер при полной поддержке всего населения рейха на Союз попер. Зато теперь это население через одного прощения просит. Через одного, потому что вторая половина в диком страхе вообще предпочитает не показываться на глаза победителям, отлично зная, как порезвились их братья, мужья и сыновья на нашей территории. Я хмыкнул, но ответить не успел, так как на поляне появились новые действующие лица в виде пятерых солдат. Шум их машины я слышал с минуту назад и они, видимо за это время перетерев с Пальцевым, рванули нам помогать. Но увидев, что дело уже сделано, командир новоприбывших, подойдя ко мне, козырнул:

– Старший сержант Мишанин, мобильный патруль. Помощь нужна?

– Полк... – кашлянув, я поправился: – подполковник Лисов. Сами справились. Вон, – я кивнув в сторону сидевших на земле грабителей, – троих на горячем взяли. Девчонку грабаныли и свинтить хотели. Так что забирайте «языков», в смысле – бандюганов, и везите к

себе.

Сержант, стягивая с плеча автомат, удивленно спросил:

– А зачем их куда-то везти? Взяли с поличным, значит, согласно приказу подлежат расстрелу на месте.

Я поморщился.

– Знаю, но там щеглы совсем...

Старшой, глянув на немцев, зло оскалился:

– Такие же «щеглы» пятерых ограбили и зарезали позавчера. По мне, так пусть они друг друга хоть под корень изведут, но у нас приказ – поддерживать порядок. Вот мы его и будем поддерживать.

Еще раз глянув на патрульного, я предположил:

– Сам кого-то из родных потерял?

Тот, катнув желваки на щеках, ответил:

– Всех. Отца, мать, жену, дочку... Всех – одной бомбой, в январе сорок второго. Так что, товарищ подполковник, приказ я буду исполнять неукоснительно...

– М-да... лютый ты, сержант. Ну да тебя понять можно, поэтому поступай как знаешь, а мы поехали.

Кивнув своим бойцам, я направился к машине и только вышел к дороге, как за кустами раздалась короткая очередь. Не оглядываясь, сплюнул и, запрыгнув в джип, скомандовал Витьке:

– Поехали.

Любопытный Пальцев, порывав стартером, завел машину и поинтересовался:

– Что, товарищ командир, патрульные бандитов порешили? А сколько их было?

– Трое.

Машина как раз в этот момент проезжала прореху в придорожных кустах и водитель, глянув влево, удивленно спросил:

– А откуда еще двое взялись?

Глянув в ту сторону, я увидел, как «лютый» Мишанин пинками гонит к своей полуторке двух вполне целых малолетних налетчиков. Угу... вот почему мне очередь такой короткой показалась. Я уж подумал, что сержант совсем оскотинился и, выстроив смертников в рядочек, прошил им головы. А оказывается, он шлепнул только взрослого, но на пацанов рука так и не поднялась... Ну что, остается только порадоваться за мужика – невзирая на случившееся с ним горе, он человеком остался и, значит, после войны не сопьется, а там, глядишь, и жизнь себе по-новой устроит... Дай-то бог...

Вот так и получилось, что ставший штабным Лисов тоже приложил руку к зачистке на подконтрольной территории. Гусев, когда я ему доложил о случившемся, только крикнул и высказался в том смысле, что не царское это дело уркаганов ловить, но потом добавил, что свинья везде грязь найдет, и, махнув рукой, отстал. А тем временем мужики вместе с ребятами террор-групп, как хорошие рыбаки во время нереста, продолжали тягать из альпийских лесов одну фигуру за другой. То ли фрицы, пробирающиеся тайными тропами в сторону нейтралов, рассчитывали на авось, то ли не думали, что горы можно перекрыть настолько плотно, но улов был постоянный. Пехота и НКВД на дорогах тоже снимали свой урожай, но нашим попадались прямо-таки штучные экземпляры. Вон, например, вчера отловили четверых «ходоков», один из которых оказался первым замом Крихбаума, более известного как «Вилли К». А это вам не какая-то мелочь, это практически человек из верхушки четвертого управления РСХА.

Такими темпами, глядишь, и до «папаши Мюллера» дело дойдет. Хотя группенфюрера, я думаю, отловить нереально. Остальные-то нацистские бонзы попали на свои должности будучи до переворота лавочниками, летчиками, художниками да разной профессурой, подпольной работы толком не нюхавшей. А Мюллер, он ведь бывший опер, и на «земле» проработал большую часть жизни. То есть профессионал. И так как опыт не пропьешь, то уходить он будет исключительно по своим каналам, игнорируя общеимперскую программу

эвакуации. Это сработало в прошлой реальности, так наверняка он поступит и сейчас...

Глава 7

А еще через три дня я со всего размаха вляпался в другую историю. Точнее, по образному выражению Гусева насчет «свиньи и грязи», в очередной раз нашел свою обширную лужу. И все из-за гипертрофированной бдительности и повышенной, блин, наблюдательности.

Тогда, уже под вечер, возвращаясь из штаба армии наша колонна весело перла по практически пустой дороге, как вдруг с «УльЗиСа» охраны отчаянно принялись сигналить длинными гудками. Оглянувшись назад, увидел, что ребята почему-то здорово отстали, да и их машина как-то странно дымит. Приказав Пальцеву остановиться, я несколько секунд молча смотрел на внезапно возникшую суету возле остановившегося джипа, а потом озвучил свои мысли:

– На подрыв не похоже. На обстрел тем более. А вот то, что у них с движком что-то приключилось, это к бабке не ходи. Ну-ка, Витек, сдай назад, узнаем, что там произошло.

Палец мягко включил заднюю передачу и мы, покотившись обратно, через несколько секунд оказались на месте. Еще подъезжая, я услышал громкие непарламентские выражения, коими Бондарев «подбадривал» своего водителя, который уже прицеливался нырнуть под капот. Дыма, точнее говоря пара, при открытии капота стало гораздо больше, и я окончательно уверился в своем первоначальном предположении. А сержант, дождавшись остановки «ГАЗона», подскочил с докладом:

– Товарищ подполковник, вот – встали. Двигатель закипел...

Выйдя из машины, я буркнул:

– Вижу, что встали, – а потом, подойдя к «УльЗиСу», за ремень выдернул расстроенного водителя, рывкнув: – Ну куда ты лезешь? Сейчас ведь паром ошпарит! Ты хоть бы тряпку взял...

Стриженный пацан, уши которого малиновыми локаторами торчали из-под пилотки, виновато кивнул и, не поднимая головы, метнулся к ящику с ЗиПом, а Бондарев крикнул ему вдогонку:

– Не суетись! – И после этого, уже обращаясь ко мне, извиняющимся тоном добавил: – Васнецов с утра в санчасть попал – спину ему прихватило, а так как все нормальные водители в разгоне, зампотех нам этого салагу из пополнения за руль посадил. Боец вроде нормальный, но неопытный. Да и я сам больше виноват – не уследил.

– Движок хоть не заклинил?

– Никак нет. Вовремя остановились. А так – скорее всего ремень вентилятора ослаб, поэтому и закипели. Тут еще и дорога в горку постоянно идет...

Пока сержант объяснял ситуацию, Пальцев, который был года на два старше лопухого водителя и на целую войну мудрее, уже открутил крышку радиатора и, ловко отскочив от взметнувшейся вверх горячей струи, принялся руководить ремонтными работами. Глядя на развернувшееся передо мной действо, я закурил, а потом, кинув взгляд на часы, принял решение:

– Палец, завязывай с этим делом и садись за руль. Сами пусть разбираются, а мы поедем.

Тут заволновался Бондарев:

– Товарищ подполковник, так нельзя! Куда же вы без охраны? Разрешите, я троих здесь оставлю, а сам с двумя бойцами с вами поеду?

Секунду подумав, я кивнул и уже направился к своему «ГАЗону», как восторженное «ух ты!», произнесенное Витькой, привлекло мое внимание. Вопросительно глянув сначала на Пальцева, а потом проследив направление его взгляда, увидел, как к нам, сбрасывая скорость, неторопливо приближается сверкающий черным лаком «Мерседес 540 К». Вот уж действительно – «ух ты!». Вообще, на кабриолетах такого класса раскатывали

исключительно высшие германские бонзы да крупные промышленники. Теперь, конечно, в виде трофея она могла достаться кому угодно, но тут тоже есть свои правила. Даже комдиву, усевшемуся в подобный лимузин, могли попенять на личную нескромность. В смысле – мягко попенять и ненавязчиво отжать шикарную бибику в пользу более высокого начальства. Хотя могут быть свои нюансы. Вон, например, как сейчас...

«Мерс», медленно прокатывающий мимо, позволил разглядеть сидящего в нем полковника, который, мазнув нас, толпящихся возле своих вездеходов, мимолетным взглядом, равнодушно отвернулся и что-то сказал своей спутнице с погонами младшего лейтенанта. Хм... морда у полковника незнакомая, а я ведь уже со многими штабными хоть мельком, да пересечься успел. Правда не со всеми – в основном все-таки с начальниками особых отделов дела имел. Так что военный в лимузине может быть кем угодно, вплоть до начпо дивизии или зампотыла армии. И судя по фигуристой мамлейше, а также одиночному «цундаппу»⁷, катящему за «мерсом» в виде охраны, выезд у полковника сугубо неофициальный. Небось, в Баден-Баден решил барышню свозить, поразив размахом ухаживаний. И машину он мог под это дело мог просто одолжить, что в общем-то объясняет столь небольшое звание пассажира.

Хотя какая мне разница, кто он и куда едет? Поэтому, проводив взглядом набирающий скорость кабриолет и выбросив ненужные мысли из головы, я, пихнув продолжающего восторженно причитать Пальца, приказал:

– Грузимся и поехали!

Но Витька, вместо того чтобы сесть за руль, ответил:

– Товарищ командир, «додик»⁸ ведь, считайте, уже на ходу. Крапивин просто жалюзи радиатора не открыл, вот и закипел. Минут через пятнадцать остынет и двинем. А то там впереди «тягун»⁹ длинный, да и «козел» мой, он ведь тоже не трактор, такую толпу возить...

Угу, понятно... Пальцев, как настоящий водила, над своей «ласточкой» трясется и всячески ее оберегает от излишних нагрузок и потрясений. С другой стороны, если Витек говорит, что через четверть часа поедем, то значит, так оно и будет. Поэтому, кивнув ему, я ответил:

– Хорошо. Но учти – если опять закипит, то ждать уже никого не будем.

Обрадованный Палец зачастил:

– Никак нет, товарищ пол... подполковник, больше не закипит! Я Крапивину уже по этому поводу навтыкал, в смысле – проинструктировал. Только быстро ехать не надо и все будет нормально. Тут ведь почему так получилось...

Не слушая обрадованного водилу, я махнул рукой и дал команду «оправиться». Потом все дружно оросили придорожные кусты, перекурили, и через пятнадцать минут наша колонна потихоньку двинулась в сторону фольварка.

Километров через пять встретился передвижной пост – трое солдат, лейтенант и сержант с палочкой регулировщика. На нас они не обратили никакого внимания, поэтому и мы проехали без остановки. Проехать-то проехали, только вот после этого КПП во мне начала шевелиться какая-то заноза. Но обдумать, что именно зацепило мое внимание, я не успел, так как Витька принялся комментировать увиденных патрульных:

– Вот, обратите внимание, товарищ подполковник, – как только кто-то из старших командиров едет, так они делают вид, что на дороге вообще никого нет. А в одиночку им попадешься, так сразу начинают душу мотать – и путевой лист проверяют и все остальные документы. А то и машину обшманать могут.

⁷ Тяжелый мотоцикл фирмы «Zundapp», принятый на вооружение вермахта под маркой KS-750.

⁸ Жаргонное наименование «УльЗиСа».

⁹ Затяжной подъем дороги.

– Работа у них такая...

– Ага – работа! Тот, который в люльке сидел, так заработался, аж уснул! А лейтенант ихний и в ус не дует, что подчиненный нагло дрыхнет у всех на виду! Нечипоренки на них нет – он бы этих гавриков научил службу тащить! А то только и могут, что нашего брата гонять...

Палец еще что-то говорил, но я уже не слушал, так как, похоже, определил, с чем связана моя заноза. Что-то мне в мотоцикле не понравилось. И это «что-то» вовсе не касалось спящего солдата, хотя такое поведение тоже довольно странно. Просто в моей команде разведчиков специфика отношений была совершенно другая, а Витька вон сразу обратил внимание на спящего. Ну еще бы – попробовал бы кто-то из солдат обеспечения задряхнуть на глазах у Нечипоренко, тот бы разгильдяя высушил до звона. Стоп, что-то меня не туда понесло... Мало ли какие отношения между патрульными? Может, тот боец выполнял какое-то задание своего командира и теперь законно отдыхает? Хотя почему тогда не в кузове «студебеккера», который стоял на левой обочине? На лавочке ведь удобнее кемарить...

Так, подумаем еще раз. Спящий ни при чем. Что было не то в байке? Ведь вначале, пока Пальцев мысль не сбил, я начал думать именно про мотоцикл. Хм... прикрыв глаза, вспомнил, как мы проезжали КПП. Вот я глянул налево – в поле зрения попал «студер» без тента, а возле него лейтенант и сержант с двумя бойцами. Но смотреть в ту сторону было неудобно, так как обзор перекрывал мой водитель, и я повернул голову направо. Там, рядом с «цундаппом», находился еще один солдат. Стоял возле люльки, в которой спал какой-то сержант. Спал, натянув на нос пилотку и опустив голову на грудь. Сам мотоцикл был чистенький, с новеньким номером... И тут до меня дошло:

– Номер!

Витька от моего вопля испуганно подпрыгнул и, прервавшись на полуслове, спросил:

– Какой номер?

– Вот именно – какой! Тормози!

Палец нажал на тормоз, а я взволнованно проговорил:

– Помнишь, «мерс», что нас обогнал? А за ним шел мотоцикл с охраной.

– Конечно помню. Черный, пятьсот сороковой «туренваген». Не машина – мечта!

– Отставить машину! Я не про нее говорю. Номер на мотоцикле сопровождения помнишь?

Пальцев удивился:

– А разве он у него был вообще?

Блин! Вот и интересуйся посторонним мнением после этого! Вообще, номера на автомобилях в армии появились года полтора назад. До этого как-то обходились без знаков регистрации. А на мотоциклах очень часто до сих пор без них мотаются. Особенно на трофейных. Но у этого, конкретного, номер был! Б-0-543. Причем один и тот же, что у того, который сопровождал «мерседес», что у стоящего на КПП. А это значит – я видел один и тот же «цундапп». С одной стороны, вроде и что тут такого? Мало ли куда ехал тот полковник? Да и цель поездки мне вовсе неизвестна. Возможно, он сам приказал своей охране на посту оставаться? А если мотоцикл вообще к его охране не относился и ехал по своим делам? Может, «цундапп» приписан к транспорту патрульных? Хм... в принципе это объясняет и спящего в нем солдата. Тот, выполнив приказание командира, вернулся к своим и с разрешения того же командира отдыхает после выполнения задания.

– Товарищ подполковник, что случилось?

Ага – это Бондарев подошел поинтересоваться причиной остановки. Вместо ответа я поднял палец вверх, показывая, чтобы он не отвлекал, а сам напряженно просчитывал ситуацию. Нет, с одной стороны – все нормально, все в порядке, Ворошилов на лошадке. Но вот позавчера я общался с Женькой Малеевым – особистом из шестой ударной. Уже после совещания, когда мы с ним просто трепались, обсуждая последние новости, он рассказал занимательную историю. Мол, за последнюю неделю произошло несколько странных

происшествий, связанных с нападениями на автотранспорт. Один раз исчез лейтенант – вестовой начпо восемнадцатой армии. Грешили на «Вервольф» или недобитков, прячущихся по лесам. Особенно после того, как нашли трупы пропавших. Но была странность – водитель был зарезан, вестовой был застрелен из нагана, а сама машина исчезла. Можно, конечно, допустить, что во время перестрелки «хорьх» остался на ходу и враги просто воспользовались колесами, чтобы быстро уйти с места преступления. Но это допущение разбивается о способ убийства. Не из револьвера же машину обстреливали? И даже если предположить такое, то застрелен должен был быть именно водитель, а не вестовой. В принципе версий было много, вплоть до того, что лейтенант сам захотел порулить шикарной тачкой и сел на водительское сиденье. Это, кстати, и объясняет пулевое ранение именно у него. Только вот вопросов все равно остается масса.

Потом пропал водитель командира восьмидесят девятой истребительно-авиационной дивизии. Вместе с машиной. К слову сказать – спортивной «Альфа-ромео». Ни машину, ни водилу пока так и не нашли. А апофеозом стал случай, когда сперли «Майбах Цеппелин» командарма Васютина. Сам Васютин убыл в войска, а его трофейным лимузином воспользовался майор из автослужбы. Как выяснило следствие, он это делал не в первый раз, так как завел себе бабу в комендатуре. Приехав к своей пассии, он, как обычно, поставил машину во дворе и удалился предаваться плотским утехам. Неизвестно, как там протекали утехы, но утром, не обнаружив «майбаха», этот недоделанный Ромео начал вопить кастрированным бизоном. Только вопли делу не помогли – машину никто больше не видел. А свидетели показали, что незадолго до начала комендантского часа в «майбах» по-хозяйски уселся какой-то капитан и спокойно укатил.

Наглого капитана активно ищут, но Женька, сплевывая табачные крошки, попавшие на язык, тогда заметил:

– Знаешь, я ведь опером в угро до войны был. А там чутье и интуиция очень ценились. Так вот, может, ты будешь смеяться, но это самое чутье мне подсказывает, что немцы тут ни при чем. Ни диверсанты, ни окруженцы. Такое впечатление, что все эти случаи взаимосвязаны, и нападавшие охотятся не за «языками», а именно за машинами.

В принципе его вывод для меня не был слишком уж удивителен. В мое время за дорогую тачку прибить могли кого угодно. Но то в мое время и при налаженной системе краж. А сейчас подобный способ заработка мне показался чересчур авангардным. Сразу возникало несколько вопросов: во-первых – кто этим занимается? Явно ведь не немцы, особенно если вспомнить личность угнавшего «майбах». Во-вторых – если не немцы, то кто тогда? Ну не армейцы же с уголовными наклонностями в банду сбились? Нет, в нашей армии, конечно, могут спереть что угодно, только это в основном касается продуктов и шмоток. А машины... куда их девать? В Союз гнать? Вариант, конечно, имеет право на существование, но одно дело просто угон, и совсем другое – угон с мокрухой. За это – моментальная вышка. Да и тачки чересчур эксклюзивные, просто так их через всю Европу не протащишь...

Нет, если уж появилась какая-то таинственная банда, то им гораздо проще угнать грузовик с продуктами. Его даже далеко перегонять не придется – разгрузил и в ближайшее озеро машину скинул. А в голодной Германии с продажи продуктов из этого грузовика озолотиться можно...

Приблизительно эти мысли я и высказал Малееву. Тот вздохнул:

– Вот и командование так же считает. Поэтому мы сейчас активно разрабатываем версию о немецких диверсантах. Но ты пойми – не сходится! Зачем диверсам так подставляться? Какой толк им от захвата настолько приметной машины? Да и пленных они не трясли. Ни на водителе ни на порученце следов экстренного потрошения не было. Их просто убили. Плюс все действия происходят на довольно ограниченном участке, что для диверсантов совершенно нехарактерно. У них ведь как – атака и молниеносный отход из района. А эти на одном месте крутятся...

– Ну хорошо, хорошо. Сам-то как думаешь? Ведь для твоей версии надо, чтобы у этих

угонщиков была разветвленная сеть осведомителей. Да и как быть с их национальной принадлежностью?

Женька горячо возразил:

– Не нужно им никакой сети! Все захваты происходили в радиусе тридцати километров вокруг Оффенбурга. А ведь эти, впоследствии пропавшие, машины очень часто ездили по городу. И думаю, отследили их именно там!

Я усмехнулся:

– Кто отследил? И куда их потом собираются деть?

Малеев, закуривая новую папиросу, твердо ответил:

– Мне кажется, банда состоит из русских. – Видя мои удивленно поднятые брови, торопливо добавил: – Скорее всего, из красноцветов или предателей из РОА. Но красноцветы вероятнее, так как украденные машины гораздо проще переправить не на восток, а на запад – во Францию. Ведь беженцы-эмигранты жили там лет по двадцать, поэтому все ходы-выходы знают. Границы как таковой пока нет, поэтому подобный вариант считаю наиболее вероятным.

Кашлянув, я, насколько мог вежливо, ответил:

– Фигассе у тебя полет фантазии! Это же каким отморозком надо быть, чтобы решиться подобные дела в напичканном войсками районе проворачивать? А без хороших документов, так это вообще – до первого патруля! Сам подумай, все эти красноцветы и прочие, не успевшие сбежать предатели, об одном сейчас мечтают – как бы из советской зоны оккупации побыстрее свалить и у союзников затаиться. Ты же пытаешься убедить, что они добровольно будут голову в петлю совать из-за каких-то тачек, пусть и очень дорогих... Нет, хреновая у тебя идея – однозначно!

– А ты считаешь, что документы добыть это такая проблема? Вот слушай...

Но что хотел сказать Евгений, я не узнал, так как его позвал вышедший на крыльцо генерал Самохин, а мы укатили к себе в фольварк. И ни вчера, ни сегодня беседу продолжить не удалось, так как Малеев эти дни провел в Эккене.

Зато сейчас этот разговор вспомнился. Вспомнился, наверное, из-за шикарного «мерса». Если бы не он, я бы и на мотоцикл внимания не обратил, а теперь, обдумывая ситуацию, все никак не мог решить – как поступить? С одной стороны, то, что Женька говорил, было, конечно, чересчур бредово, но с другой – я ведь спать сегодня не буду, если сейчас просто так уеду. И ведь главное по радию уточнить невозможно – есть в этом квадрате наш КПП и если есть, то от кого? Пока станцию развернешь, пока свяжешься с нашими, пока они уточнят и дадут ответ – время будет упущено. Да еще и фиг из этого ущелья вообще с кем-либо связаться получится... В общем по-любому выходит, что надо действовать без всяких уточнений и согласований. Поэтому, выйдя из «ГАЗика», приказал Бондареву:

– Построй людей. – А после того как бойцы короткой шеренгой выстроились вдоль обочины, спросил: – Товарищи, мы сейчас проезжали КПП. Никто ничего подозрительного, непонятного или странного там не заметил?

Солдаты переглянулись, недоуменно пожимая плечами, и только ефрейтор Галочкин неуверенно произнес:

– За их «студером», который на обочине торчал, вроде еще какая-то машина стояла. А может, и не машина, но что-то накрытое масксетью. Сумерки ведь уже, поэтому и не разглядел толком.

Опаньки... слона-то я и не приметил. С той стороны мне Витька обзор застил, поэтому так и получилось. А сейчас вспоминаю, что и «студебеккер» как-то странно припаркован был. Не полностью на обочине, возле кустов, а с наездом на дорогу. Уж не для того ли, чтобы прикрыть собою стоящую за ним машину? Так, так, так... А на фига ее вообще прикрывать? Ведь после захвата, по логике, надо хапать тачку и быстро рвать когти. М-да, что-то не сходится... Стоп! Шоссейка-то не совсем безлюдная? Беженцы идут по южной дороге и здесь их практически нет, но ведь машины ходят? Вон, пока мы стояли в ожидании охлаждения мотора «додика», прошли три колонны грузовиков, два «виллиса»,

тридцатьчетверка (видно из рембата) и подвода с местным бургером.

А машины – это помеха. Ведь нет никакой гарантии, что в самый ответственный момент не появится грузовик, полный солдат. Так... Ага, будь я на месте налетчиков, обязательно бы наблюдателей с рациями выставил вверх и вниз от поста. Где-то за километр сверху (так как в том направлении дорога просматривается только до поворота) и метров на пятьсот снизу (там наблюдать проще – видимость километра на два, аж до самого моста).

Угу... и что тогда получается? Сержант со своей ВАИшной палочкой тормозит «мерс». Сразу никого не гасят, так как наблюдатель докладывает о движении на дороге. Полковник, конечно, лезет в бутылку, но старший поста предлагает отогнать машину на обочину, чтобы не мешать движению. Водитель подчиняется. Полковник наверняка выходит из своего лимузина, чтобы всласть поорать, показывая, кто здесь хозяин. И тут наблюдатель говорит – «чисто», после чего начинается действие. Не ожидавшую подвоха охрану берут в ножи. Да и пассажиров тоже моментально ликвидируют. Потом наблюдатель опять докладывает о движении, после чего «студер» своей тушей быстренько закрывает лимузин от нескромных взглядов, а бандиты так же в темпе утягивают трупы в кусты.

Хм... а какую роль играл тот, спящий в «цундаппе»? Блин! Получается, он вовсе не спал! Сидящий в люльке был накрыт чехлом из кожзама и этот чехол просто не успели расстегнуть, чтобы выкинуть труп. Поэтому они просто натянули ему на нос пилотку и оставили сидеть как есть.

Ексель-моксель, неужели Малеев был прав, и это красновцы настолько оборзели, что, плюя на все усилия СМЕРШ, «бомбят» машины прямо на дороге? Пусть и очень мало загруженной, третьестепенной, но один черт, это наглость запредельная!

Уже практически окончательно уверившись в мысли, что солдаты на КПП были врагами, я оглядел своих бойцов и сказал:

– Значит так. У меня есть сильные подозрения, что наряд контрольно-пропускного пункта к нашей армии не имеет никакого отношения. Скорее всего, это гитлеровские диверсанты – или из «Бранденбурга», или из РОА. Поэтому слушай приказ: сейчас мы выдвигаемся к месторасположению КПП. Оружие держать наготове, но явно враждебность не демонстрировать. Я заведу разговор со старшим, а вы тем временем распределите цели. На поражение стрелять только в крайнем случае! Старайтесь или прикладом по башке, или, уж если совсем прижмет, бейте по конечностям.

Эх, по уму, так надо бы выдвинуться ускоренным маршем по лесу, понаблюдать и только после этого брать этих лже-КППшников! Но мне кажется, что мы и так уже опоздали, и они, загрузившись в свой «студер» да захваченный «мерс», начали движение. Во всяком случае, за эти десять минут ни одной машины не проехало и угонщикам, получается, ничего не мешало выгнать лимузин на дорогу. А после этого, уже спокойно, не торопясь, снять своих наблюдателей и уехать. В нашу сторону они не проезжали, значит, направились вниз. Ну ничего – под горку даже «додик» грузовик сможет догнать. А то, что они разделяться не будут, я не сомневался. Наверняка пойдут одной колонной. И исходя из того, что до самого Гринберга с этой дороги никаких ответвлений нет, то мы их догоним.

Эти мысли шустро проскочили в голове, и я продолжил:

– В случае, если их на месте не окажется, то идем в погоню на максимально возможной скорости. При таких раскладах живьем кого-либо брать проблематично, поэтому гасите людей в грузовике, а я займусь «мерседесом». Все ясно? Вопросы есть?

Бойцы вразнобой ответили «так точно», но, судя по их ошарашенным лицам, мои слова никакой ясности не внесли. А сержант даже решился задать вопрос:

– Товарищ подполковник, а вдруг это наши? Вы же сами сказали, что у вас только подозрения... А мы им сейчас громидор устроим...

У меня опять зашевелился червячок сомнения, но, придавив его в зародыше, ответил:

– Если там никого нет и мы увидим, что «мерс» едет со «студебеккером», то это точно не наши и можно валить их смело. Ну а если они еще чухаются, то как я и говорил – оружие

держите наготове и применяете его только по моему сигналу. Теперь понятно?

Дождавшись дружного «так точно», я скомандовал:

– По машинам. – После чего, заскочив в «ГАЗон», подмигнул Пальцеву и, отстегнув от полевой сумки ремешок, положил его в карман. Секунду подумав, извлек свой браунинг из кобуры и сунув пистолет в карман галифе, приказал: – Рули обратно!

В два приема развернувшись на довольно узкой дороге и дождавшись, пока «УльзиС» пристроится следом, мы рванули обратно. В принципе, я совсем не рассчитывал, что КПП будет на месте, и какого же было мое удивление, когда я увидел и «студер», и мотоцикл с так и сидящим в люльке человеком, и остальных, так никуда и не девшихся, бойцов. Сумерки сгустились уже довольно сильно, но я все равно успел разглядеть за грузовиком какую-то темную грудку, накрытую масксетью. Странно... Что-то высоковата она для «мерседеса»... Но переигрывать было уже поздно, поэтому, решив, что «война план покажет», я вышел из остановившегося «ГАЗика» и обратился к старшему поста:

– Лейтенант, подойдите ко мне.

Тот удивленно окинул взглядом выпрыгивающих из «додика» солдат, приблизился и, козырнув, произнес:

– Лейтенант Светличный. В чем дело, товарищ подполковник?

Блин! Какой-то он чересчур спокойный для грабителя, который двадцать минут назад замочил четверых. Хотя, с другой стороны, человек со слабыми нервами на подобное дело и не подписался бы. А так как я уже настроился на действие, то, сделав шаг вперед и подхватив летеху левой рукой под локоток, доверительно сказал:

– Тут, видишь, в чем дело. Мы заплутали слегка... Да и еще один вопрос есть... Не для посторонних ушей, поэтому давай отойдем за грузовик.

Лейтенант несколько насторожился, но, кивнув, двинул вместе со мной за «студебеккер». А я, ощутив, как напрягся его бицепс, внутренне возликовал. Не такие уж у него железные нервы! Теперь бы только ребята не сплеховали. Хотя, с другой стороны, их восемь против четверых, так что справятся!

Тем временем, зайдя за машину, Светличный остановился и, попытавшись освободить руку, задал вопрос:

– Товарищ подполковник, так что вы хотели спросить? И отпустите, пожалуйста, локоть...

Решив, что летеха уже никуда не денется, я выполнил его просьбу и, кивнув в сторону бесформенно топорщащейся масксети, которая в наступающей темноте смотрелась уже просто темным бугром, напористо поинтересовался:

– Что у вас там?

Но ответа получить не успел, так как на дороге послышалась какая-то возня, раздался вскрик, короткая автоматная очередь, а «Светличный», выпучив глаза, начал лапать свою кобуру, одновременно пытаясь пнуть меня в промежность. Только я к подобным действиям был готов, поэтому, чуть сместившись в сторону, ухватил бандюгана за неосмотрительно поднятую ногу и, приподняв ее еще выше, пробил кулаком по незащитному, выставленному как на показ причинному месту противника. «Лейтенант», от боли моментом забыв про пистолет, утробно охнул и уже в падении начал сворачиваться криветкой. Я же, приземлившись коленями ему на спину, выдернул из кобуры «Светличного» полувытащенный «ТТ» и, отбросив оружие в сторону, принялся быстро, с захлестом через горло вязать пленного загодя приготовленным кожаным ремешком от планшетки. Вязал, а сам настороженно прислушивался к затихающему гомону, доносящемуся с другой стороны грузовика. А как только закончил упаковку «языка», услышал взволнованный голос Бондарева:

– Товарищ подполковник, вы где?

И еще через секунду увидел сержанта, который, настороженно выставив автомат, выглядывал из-за «студера».

– Тут я. Что у вас?

Бондарев, который, видно, не сомневался в способности начальства один на один справиться с любым противником, увидев лежащего бандита, только уважительно кивнул и доложил:

– Взяли всех. У нас потерь нет. С их стороны одного в плечо ранили... Уж очень он шустрый оказался – выскочил из люльки и уже пистолет достал...

Я поперхнулся:

– К-к-как «из люльки»? Он же...

Блин, по моим раскладам, там вообще-то труп охранника должен был сидеть! Труп, а не живой человек! Чувствуя, что мысли в голове начинают путаться, я в несколько прыжков подскочил к масксети, под которой угадывался какой-то округлый контур, и принялся ее дергать, пытаюсь успокоить колотящееся возле горла сердце. Спокойно, спокойно... вот, сейчас увижу под ней «мерседес» и все встанет на свои места! Сеть за что-то зацепилась, и я рывкнул Бондареву:

– Помогай, фигли стоишь?!

Совместными усилиями маскировка была сдернута, после чего широко наблюдательный, особо проницательный и до невозможности бдительный Лисов застыл соляным столпом, созерцая закопченный остов шестиколесного командирского «штейера»¹⁰ и не веря своим глазам.

Глядя на покоцанные останки вездехода я только и смог произнести:

– Яп-п-понский городской... Зачем?! Ну зачем его было маскировать?!!

А Бондарев, который уже понял, что все пошло как-то не так и командир очень круто лоханулся, выдвинул свое предположение:

– Сетка еще влажная... Похоже, они ее сюда просто просушить накинули. Кусты же далеко растут, а с ближайшего дерева ее потом сдирать замучаешься...

Ну да, ну да... Масксеть ведь не капроновая (когда еще такие появятся), а хэбэшная. И их сушить надо, чтобы не сгнили раньше времени, а то старшина новую хрен выдаст... Тут мои мысли вернулись к гораздо более насущным проблемам, и я метнулся к лейтенанту. Он уже перестал подвывать и теперь матерился, глядя на меня полными ненависти глазами. Присев рядом, я скинул удавку с его шеи и, предусмотрительно не развязывая Светличному рук, приказал:

– Бондарев, фонарь мне, быстро! – После чего обращаясь к ругающемуся КППшнику, успокаивающе добавил: – Тихо, тихо, тихо... Мы не немцы и не диверсанты. Мы из советской военной контрразведки. Я – подполковник Лисов. Объясняю ситуацию – с полчаса назад мимо вас прошел шикарный «мерседес». За ним двигался «цундапп» сопровождения...

В общем, я начал кратко излагать побудительные причины нападения наконец-то замолчавшему лейтенанту. Потом, когда Бондарев притащил фонарь, внимательно изучил документы Светличного, и все вопросы окончательно отпали. Это действительно был мобильный КПП от комендатуры Пирицберга. А развязанный летеха, зло запихивая предупредительно отданный ему «ТТ» в кобуру, сначала метнулся к своим бойцам и, найдя их более-менее здоровыми (шустрого сержанта как раз заканчивали перевязывать, а получивший прикладом по голове рядовой начал подавать признаки жизни), болезненно морщась, высказался:

– Вы там вообще с ума посходили! Это наш «цундапп»! И ездил он в город, выполняя мое приказание! С чего вы взяли, что он кого-то сопровождал, я не знаю! А вообще – это подсудное дело! И учтите, товарищ подполковник, что я рапорт подам! И даже не надо меня уговаривать! Вы моего сержанта ранили, думаете, это игрушки? А если бы убили? Вы вообще соображали, что делали, когда на пост напасть решили?

В общем лейтенант разорялся довольно долго, после чего, отказавшись от помощи в эвакуации своего сержанта до ближайшей санчасти, демонстративно записал номера наших

¹⁰ Комфортабельный автомобиль повышенной проходимости, созданный на базе грузовика «Steyr 1500».

машин и на этом мы расстались... Он еще хотел проверить наши документы и записать личные данные каждого, но тут уж я не выдержал и посоветовал Светличному не зарываться. Просто продемонстрировал ему корочку с грозной надписью СМЕРШ и, уже уезжая, наказал крепить подготовку личного состава, а то будь на нашем месте фрицы, весь наряд лоховатого КПП так бы и остался лежать в придорожной канаве.

Вообще, своими словами я скрывал сильнейшее смущение и растерянность. Нет, у меня косяки, конечно, случались. И неоднократно случались. Но чтобы ТАК вляпаться... М-да, это наше счастье, что без трупов обошлось, но один черт, предчувствую, что отписываться придется до посинения. А уж как будет верещать Серега...

Но Гусев после моего доклада только судорожно расстегнул верхний крючок кителя, закурил, а потом тихо и страстно спросил:

– Почему? Лисов, ответь мне, ну почему? Почему у тебя все не как у людей? Почему сколько я не ездил, все было нормально, а ты постоянно попадаешь в разные ситуации? Почему тебе спокойно не живется? Почему у тебя шило в жопе?! Почему у тебя ветер и разные бредни в голове?!!

Ага – все-таки не выдержал командир и начал пускать начальственные брызги. Нет, конечно, я сильно попал и полностью осознаю свою вину, но чтобы не доводить дело до многодецибельных завываний, встал, отдернул форму и официальным голосом сказал:

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите письменно изложить факты и побудительные причины этого поступка?

Серега от моего тона несколько сбился и, плюхнувшись обратно за стол, ответил:

– Изложи! Будь так добр. И чтобы через час рапорт вот здесь лежал!!!

Гусев так хлопнул ладонью по столешнице, что стакан с остатками чая подпрыгнул и перевернулся. А я, козырнув, поинтересовался:

– Разрешите идти?

– Идите!

* * *

А еще через сорок минут я опять стоял в начальственном кабинете и молча глядел на макушку генерала, который полностью погрузился в чтение предоставленных мною листков. Через какое-то время он глянул на подчиненного и, хмыкнув, выдал:

– Ну и чего стоишь, как статуя Командора? Садись!

А закончив чтение, пожевав губами, задумчиво сказал:

– Очень интересно... Знаешь, Илья, я тоже краем уха про угоны слышал. И вот после того, как ты все здесь так интересно изложил, гипотеза капитана Малеева мне вовсе не кажется такой уж бредовой. Вполне может все так и быть: выдавая себя за мобильные КПП, противник именно таким образом останавливает автомобили и производит молниеносный захват. После чего машины либо прячут в укромное место, либо сразу перегоняют через границу. Но вот лично ты при просчете данной ситуации ошибся.

Я удивился:

– В чем?

– Да в том – чтобы поджидать тот «мерседес» на дороге, бандиты должны были заранее знать, куда и когда он поедет. А эти данные подразумевают существование агента или агентов, внедренных заранее. Причем в самых разных местах. Машины ведь у разных людей крали. Отметь – служивших в разных частях. И согласись, что вряд ли кто-то будет для банального грабежа задействовать агентурную сеть, даже если она и существует. Я думаю, все гораздо проще. Шикарных машин нам в виде трофеев досталось до черта и больше. И бандиты просто действуют наудачу – увидели, проследили, поймали момент, хапнули. Благо – выбор уж очень большой, и даже если просто сидеть в придорожных кустах на любой дороге, то хоть одно шикарное авто по ней да проедет...

Блин... действительно, этот момент я как-то совсем упустил. В зобу дыхание сперло и

полез нахрапом. Вот зараза! А ведь если бы просчитал настолько элементарное предположение, то и в голову бы не пришло атаковать этот злосчастный КПП. Видно, все эти соображения отразились на лице, так как Серега ухмыльнулся и сказал:

– Ладно, иди отдыхай. А свои мысли и вот эти листки, – командир постучал пальцем по моему рапорту, – я покажу ребятам из контрразведки. Думаю, их сильно заинтересует такое видение этой проблемы.

Насколько СМЕРШ заинтересовало это видение, я узнал через пару дней, когда, находясь в штабе армии, снова встретил Женьку Малеева. Капитан вид имел слегка помятый, но, помимо царапины через всю щеку и здоровенной гули на лбу, сверкал счастливой улыбкой. Чуть было не проскочив мимо, Малеев остановился и, ухватив меня за ремень портупеи и даже не поздоровавшись, радостно выпалил:

– А ведь я был прав!

– Насчет чего?

– Помнишь, я тебе несколько дней назад насчет угонов машин говорил? Так вот, командование решило принять мою гипотезу и буквально только что этих сволочей взяли! Троиш. И все трое – красновцы, маму их так! А основная база в Бельфоре, что во Франции. Они туда машины перегоняли. Так что сейчас будем выходить на союзников, чтобы все вражеское гнездо накрыть!¹¹

Тут Женьку позвали, и он, прервавшись на полуслове, извинился и убежал, а я, улыбаясь, глядел ему вслед. Блин, вот уж действительно говорят, что иногда даже из неправильных предпосылок можно сделать верный вывод. Да и вообще – то хорошо, что хорошо кончается. Это я уже про случай с налетом на КПП. У сержанта ранение легкое – кость не задета. Получивший прикладом по башке заимел сотрясение мозга, но от этого еще никто не умирал. А радует то, что командование решило этой истории не раздувать, а наоборот, со всего наряда контрольно-пропускного пункта были взяты подписки о неразглашении. Судя по тому, что на меня никто не бросает насмешливые взгляды, информация огласки не получила и не получит.

Но самое главное, что к словам и аргументам командира спецотдела Ставки контрразведчики прислушались гораздо внимательнее, чем к предположениям капитана Малеева. Так что, я думаю, все нормально вышло. При любом раскладе – одна пуля в мякоть плеча стоит того, чтобы больше не было трупов наших водителей на дорогах. А Женька любому может крутить дырочку, так как все отлично помнят, кто первый объединил все разрозненные нападения на дорожные машины и высказал столь экзотическую гипотезу по поводу цели этих нападений.

Так что мысленно пожелав Малееву удачи, я достал список и направился в сторону автолавки. Сегодня у моего старого приятеля и нашего старшины – Грини Нечипоренко круглая дата. Тридцать лет мужику стукнуло, и поэтому мы решили сделать ему необычный стол, затарившись различными вкусняшками в автолавке штаба армии. Ассортимент у них был достаточно обширный, поэтому, выстояв небольшую очередь, я развернул список покупок и начал говорить продавщице – степенной матроне с вычурной прической, что именно мне надо.

Глава 8

Утро следующего дня не предвещало никаких неожиданностей, и я, как обычно, собирался в свое турне по штабам, но когда уже сиделся в машину, меня неожиданно вызвали к Гусеву. Странно, полчаса назад мы вроде все обговорили, чего ему опять

¹¹ Подобный факт угона машин имел место в реальной истории в 1945 году. Но тогда союзники отказались содействовать нашим органам в ликвидации бандитского гнезда. Поэтому СМЕРШевцы своими силами, проникнув в зону оккупации союзников, частично уничтожили, частично пленили бандитов.

понадобилось? Хотя посыльный сказал, что он ждет меня у связистов, значит, возможно, какие-то новые ЦУ сверху поступили.

Но это были не ценные указания, а скорее привет от старых знакомых. Когда я появился у «маркони», командир уже закончил говорить с кем-то по ВЧ и, увидев вошедшего подчиненного, увлек за собой в кабинет. Там, предложив сесть, оповестил:

– Получено радио из Москвы. В нем говорится, что на СМЕРШ двести тридцать шестой дивизии, штаб которой базируется сейчас в Нанси, вышел человек «Колдуна». Русский. Представился Кравцовым Михаилом Аристарховичем. Помнишь такого?

– Епрст! Конечно помню! Именно благодаря ему я из Франции в прошлом году и смог выбраться. Да и вообще живой остался только потому, что с Кравцовыми встретился! Я же тебе рассказывал!

– Было дело, – кивнул Гусев. – Короче. После получения сообщения я связался со смершевцами из дивизии, и они подтвердили, что этот Кравцов находится сейчас у них. Я хотел, чтобы его доставили к нам, но твой человек предупредил контрразведчиков, что дело касается его семьи, и счет идет на часы...

В этот момент я перебил Серегу:

– Понятно. Пока особисты связывались с центром, пока в Москве все переварили, пока вышли на тебя... Он когда в Нанси вообще появился?

– Сутки назад.

– Ясно... А что там с семьей?

Командир пожал плечами.

– Похоже, когда вы положили отряд макизар во главе с англичанином, который хотел тебя взять, то где-то наследили. А может, и не наследили, но «лайми» все равно смогли вычислить причастность Кравцовых к исчезновению своих людей. Вот эмигранты и вынуждены были бежать из дома, а теперь прячутся. Михаил же двинул искать помощи у русских.

– И?

– Что «и»? – Гусев устало потер глаза. – Это твой человек... Хотя, скажу честно: изначально я был за то, чтобы привезти его к нам и здесь прояснить ситуацию, и выступал против твоей поездки в Нанси. Против, так как предполагал, что, прибыв на место и взяв Михаила, ты рванешь дальше, вытаскивать его родственников. А вместо них можешь вытащить большой букет неприятностей: там ведь сейчас – черти что творится. Наши, союзники, остатки гитлеровцев – все вперемешку... Но только что позвонил Иван Петрович и сказал, что это дело государственной важности. Мол, генерал Кравцов является крупной и авторитетной фигурой в эмигрантской среде, так что надо приложить все силы для его эвакуации. Посторонних привлекать к операции не будем – больше времени на согласование уйдет, поэтому сейчас берешь ребят, две машины и отправляешься в Нанси. Контрразведка из двести тридцать шестой предупреждена, поэтому вам окажут всю необходимую помощь.

– Понял...

Оно действительно все было понятно. Будь Мишка один, его после подтверждения факта, что это действительно человек «Колдуна», просто переправили бы к куратору. Но в данном случае возник вопрос с очень непростой семьей. И вопрос этот действительно дюже важный. Не зря Тверитин на пупе вертится, активно рекламируя свою программу реэмиграции. Я вот, например, сам обалдел, когда узнал, что коммунисты дошли до того, что вели прямые переговоры с самим Деникиным. Да-да, с тем самым бывшим генерал-лейтенантом генштаба России, а потом ни много ни мало заместителем Верховного правителя, который два года назад переехал из Франции в Штаты. Уж не знаю, какую деятельность там развили Стасовы ребята, но из США в СССР уже прибыли три парохода тех, кто в свое время бежал из красной России. И говорят, что это только начало. Сам же Деникин, который до этого резко отрицательно относился к большевикам, не то чтобы круто изменил свое мнение и стал идейным союзником, но начал весьма активно в своих статьях и обращениях освещать и поддерживать реформы, проводимые в СССР. Особенно сыну

бывшего крепостного импонировали те их части, которые касались крестьянства.

Деникин ведь еще в гражданскую на занятых его армией территориях разработал и пытался осуществить свою, для тех времен довольно прогрессивную, крестьянскую программу. И помешали ему в этом как ни странно вовсе не красные, а в первую очередь бывшие помещики и поддерживающие их социал-демократы. Ну а потом, разумеется, стало вовсе не до того и, передав власть Врангелю, Антон Иванович сдернул за бугор. За границей Деникин круто поцапался с англичанами, после чего осел во Франции.

Вот тут в полный рост и возникает генерал Кравцов. Мишкин папа не только был хорошо знаком с Антоном Ивановичем, но также являлся большой шишкой среди эмигрантов, изначально настроенным гораздо более лояльно к СССР, чем Деникин. И вот этому человеку теперь понадобилась помощь. И не просто безликая помощь в виде взвода советских солдат, которые вытащат генерала из Франции. Нет, тут ведь надо учитывать и человеческий фактор. Надо показать, что мы добро помним, да и особое отношение подчеркнуть тоже не грех. Тем более что один советский офицер в свое время обещал ему личную поддержку. И тот факт, что именно этот офицер и приедет выручать семью Кравцова, покажет много понимающему генералу отношение советского правительства. Аристарх Викторович просто не сможет не оценить того, что Лисова (который мог сейчас находиться на каком угодно фронте) нашли и задействовали в данной операции.

А ведь в дипломатии важны не только слова, действия или поступки. Не менее важно, как именно они будут преподнесены. Если исходить из этого, становится ясно, почему Колычев санкционировал мое участие в деле спасения генеральской семьи...

В общем, получив последние наставления от Гусева, я пошел готовиться к поездке. А когда я уже поднял своих мужиков, буквально несколько часов назад вернувшихся из трехдневного рейда, и мы расселись по машинам, Серега, стоявший возле моего «ГАЗона», приказал:

– После разговора с Кравцовым и принятия решения сразу связывайтесь со мной. Доложишь, что вы там придумали. И это... – командир пихнул меня в плечо, – без фанатизма там. Не нарывайтесь.

Сидящий сзади Марат ответил за меня:

– Все нормально будет, товарищ полковник! Мы и людей вывезем, и за «штабным» приглядим!

Вот ведь ехида! Повернувшись назад, я огрызнулся:

– За собой приглядывайте! А то только вас без надзора оставишь, так сразу себе ноги ломаете.

Это я ему намекал на Змея, который в последнем выходе, прыгая по камням, голеностоп потянул. Шах не остался в долгу и, шкодно улыбнувшись, выдал:

– Ой, ой, ой! Чья бы корова мычала! Не подскажешь, а кто у нас, оставшись без присмотра, тут же доблестно атаковал мирно спящий наряд Пирицбергской комендатуры? Нет, я понимаю – комендачей никто не любит, но зачем было при этом бодро и радостно пинать в промежность старшего наряда? Теперь ведь наши водители в Пирицберг ездить боятся, так как комендантские объявили кровную месть. Яйцо так сказать, за яйцо!

Нет, ну не козел? Я мужикам сдуру рассказал о своем конфузе, и теперь, похоже, они меня при каждом удобном случае подкалывать будут! Пыхтя от возмущения, я уже хотел было вспомнить, как Марат со товарищи не менее бодро утопили симпатичный плавающий «фолькс»¹², в результате многоходового обмена добытый лично мною у СМЕРШевцев, но в последний момент поймал себя за язык и важно произнес:

– Как гласит старинная восточная мудрость: «Даже обезьяна иногда падает с дерева»...

Шах от моей сентенции настолько опешил, что не нашелся, что ответить, а Гусев, который глядел на нас смеющимися глазами, поняв, что продолжения не будет, прихлопнув

¹² Volkswagen Type 166 Schwimmwagen – немецкий разведывательный автомобиль-амфибия.

по капоту ладонью, подытожил:

– Приказ ясен?

– Так точно!

– Ну тогда – с богом мужики!

И мы поехали...

Дорога была хорошая, поэтому катили быстро. Гек, сидевший за рулем, бибиканьем отгонял беженцев к обочине и, наслаждаясь скоростью, все давил и давил на акселератор. Пришлось даже одернуть раздухарившегося подчиненного, так как «УльЗиС» с остальными ребятами начал отставать. Бывший «додж» – машина более тяжелая и для гонок не приспособленная. «ГАЗик», он, конечно, тоже вовсе не для треков проектировался, но «шестьдесят седьмой» всяко-разно порезвее «американца» будет.

Потом пришлось остановиться, чтобы пропустить танковую колонну. После чего мы свернули по дороге на запад, и навстречу стали попадаться уже не беженцы, а топающие по обочине пленные. Я сначала даже удивился, не обнаружив конвоиров, но потом увидел, что они все-таки присутствуют. Просто толпу фрицев, человек в двести, сопровождали всего пятеро наших бойцов, верхом на лошадях.

Хотя, с другой стороны, чему тут удивляться? Сам ведь видел, как гитлеровская рота практически в полном составе конвоировалась каким-то мужиком, по виду из ездовых, и парнем в очках. При этом они оба сидели в телеге, на которую было навалено оружие пленных, а сами фрицы покорно топали за этой телегой, не делая никакой попытки бежать. Европа, однако. Культура, мля, – если взяли в плен, то руки в гору и не жужжи. Это ведь не дикие восточные варвары, которые даже ранеными сбегали из таких вот колонн, чтобы снова бить врага...

Потом мы свернули несколько не туда и заблудились. Хорошо, встретили рембатовскую «летучку», которая ехала в Страсбург и, пристроившись за новеньким «ГАЗ-63»¹³, через двадцать минут были на границе. Ну как на границе... В свое время Эльзас и Лотарингия были включены в состав Третьего рейха и соответственно считались территорией Германии. А когда наши войска вошли на эти земли, то, разумеется, была подтверждена их принадлежность Франции. Поэтому были поставлены КПП для обозначения восстановления статус-кво. И эта граница мне очень понравилась! Ведь я до сих пор помню, насколько геморройно было получить шенгенскую визу в мое время. Причем даже не столько геморройно, сколько унизительно... Зато сейчас, показав удостоверение личности младшему лейтенанту на контрольно-пропускном пункте, я без задержек повел свою колонну дальше.

Жалко только, что ощущениями поделиться было не с кем – моим ребятам, наверное, просто дикими показались бы иные расклады. И я говорю даже не про военное время, когда подобное положение само собой разумеется, а про мирное. Ведь и в дальнейшем никому из этой европейской шелупони и в голову не придет спрашивать у гражданина СССР, который захочет посетить их страну, доказательство того, что он не останется в какой-нибудь сраной Бельгии или Голландии на постоянное жительство. Нет, они его будут облизывать и в попу целовать, как и всех туристов. А все почему? Да потому что наша страна – сильная. Слабых ведь нигде не уважают и норовят пнуть при каждом удобном случае. И так происходит на всех уровнях: как по отношению к отдельным гражданам, так и по отношению к стране в целом.

От философских мыслей меня отвлек Лешка. Мы как раз проезжали через городок, где он, крутя головой и разглядывая как пейзаж, так и девушек, разочарованно вякнул:

– И ЭТО француженки?!

Я хмыкнул:

¹³ Советский полноприводный грузовой автомобиль с колесной формулой 4x4 и грузоподъемностью 2 т. В реальной истории в марте 1939 года было изготовлено несколько опытных образцов «ГАЗ-63», но война помешала наладить массовый выпуск.

– В основном – немки. Но и француженок хватает.

– А почему они такие страшные!? Во всех книгах француженки описывались как идеал красоты, а на самом-то деле...

Снисходительно глянув на Пучкова, я принялся объяснять:

– Ты слышал выражение – о вкусах не спорят? Вот видишь... Получается, что «лягушатникам» и эти крокодилы за принцесс сходят. А вообще, я же тебе рассказывал про негативный отбор. У них еще лет триста назад была тенденция: если баба красивая, то называли ведьмой – и на костер. И так продолжалось черти сколько лет. Вот тебе и результат, – взмахом руки я показал за окно, – а маму природу не обманешь. Если постоянно изничтожать красивых баб, то они просто перестанут рождаться.

Сидевший сзади Марат поинтересовался:

– А мужиков тут не жгли, исходя из этого же принципа?

– Нет. Мужиков практически не трогали. Так, сотню-другую, не больше. И вовсе не по причине внешней красоты. Тут, видишь, какое дело, – повернувшись на сиденье, я с самым серьезным видом добавил: – Здесь ведь католицизм с его воинствующим безбрачием процветал. То есть с бабой – ни-ни. А местные попы тоже люди и им тоже чего-то смутно хочется. Поэтому красивых барышень и жгли, чтобы соблазна избежать. Но пипец подкрался с другой стороны, поэтому я вовсе не удивлюсь, если лет через пятьдесят тут пидарастеж будет настолько популярен, что люди с нормальной ориентацией останутся в меньшинстве.

Шах передернулся:

– Ну ты как скажешь...

– Забьемся?

Друг мотнул головой:

– Долго ждать. Да я и на слово верю...

Тут Гек неожиданно заржал и, отсмеявшись, пояснил причину своего веселья:

– А чего тут не верить? Поведение у буржуев уже сейчас вполне соответственное, так что дело остается за малым!

Я ухмыльнулся, но ответить не успел, так как увидел странную картину. На выезде из города стояла солдатская полевая кухня. Повар, видимо, куда-то отошел, но возле нее уже выстроилась довольно большая очередь из гражданских. В принципе, картина совершенно обычная, и вовсе не это мне показалось странным. Просто мы как раз в этот момент сбавили скорость, объезжая препятствие, и я увидел, что несколько мужиков и баб, стоявших в очереди, не скрываясь, откровенно колотили какую-то тетку. Причем ее сначала просто хотели выпихнуть из очереди, а когда она начала упираться, принялись бить. Но все почти тут же прекратилось, так как появился солдат с большим черпаком, который ловко заскочил на ящик и, откинув крышку котла, принялся чего-то там помешивать. Битая тетка, прижимая платок к носу, упорно оставалась на своем месте. Мне стало интересно, а из-за чего собственно ссора возникла и, приказав Лешке тормознуть, позвал повара:

– Ефрейтор!

Боец, положив свою суперповарешку на бак, быстро подошел к нам.

– Ефрейтор Бузько!

– Слушай, Бузько, а чего у тебя тут гражданские друг друга мутузят, пока ты отсутствуешь?

– Где? – Ефрейтор обернулся и, увидев побитую бабу, вздохнул. – Ну вот опять. Это, товарищ подполковник, французы немку бьют. Я уж ей пытался объяснить, чтобы она в центр ходила за горячей пищей. Там тоже полевая кухня стоит, только немцев больше приходит, и поэтому ее пинать не будут. Но, видно, не понимает. А здесь – через день получает по сусалам, хоть я и стараюсь этого не допускать...

– Понятно... Эй, фрау!

Немка, услышав, что ее зовут, прихрамывая, вышла из очереди и, подойдя к машине, уставилась на меня. М-да... бабка лет пятидесяти с разбитым носом смотрится довольно хреново. Стараясь не обращать внимания на ее распухший шнобель, я сказал:

– Фрау, в центре города тоже есть наши полевые кухни. Там в основном кормятся немцы. Если вы будете ходить туда, то убережете себя от побоев. Наши солдаты, конечно, следят за порядком, но вы должны и сами позаботиться о собственной безопасности.

Старуха как будто не поняла, что именно я ей сказал, и все так же продолжала глядеть на меня глазами снулой рыбы. Я пожал плечами и уже хотел повторить свою речь, но в это момент она наконец заговорила:

– Я знаю. Но не пристало истинной арийке прятаться от каких-то унтерменшей! Был бы жив мой сын, оберштурмфюрер Зигмунд Греттен, он бы меня поддержал. Но вы его убили! Убили в своей дикой России! А теперь я вынуждена за кусок хлеба сносить побои от недочеловеков!

М-да, вот тебе и проявил любопытство... Сплюнув и больше не обращая внимания на вопли сбрендившей бабки, я скомандовал Пучкову:

– Поехали.

И когда машина тронулась, полез за папиросами. Гек же, объезжая воронку, кратко прокомментировал:

– Фашистка! И не скрывается. Думает, если старая, то ее не тронут! Так что правильно ее французы бьют.

Марат добавил:

– И таких в Германии, считай, как минимум – четверть. Только они молчат, скрывая свои истинные чувства...

Прикурив, я тоже вставил свои пять копеек:

– Ничего, никуда не денутся – перевоспитаются. А мы в этом поможем. Хотя, честно говоря, мне тех немцев, которые оказались за территорией Германии, жалко.

Лешка подпрыгнул:

– Да ты что? Фрицев жалеть? После того, что они в мире натворили, ты их жалеть собираешься?

Я ничего ему не ответил. Да и что было отвечать, когда я сам, можно сказать, в их шкуре побывал? Ведь отлично помню, как после развала Союза на Кавказе стали относиться к некоренному населению. И как, бросив все, оттуда пришлось сваливать на перекладных. Только вот есть разница. Ведь тогда и войны не было, и вроде еще вчера говорили про несокрушимое братство народов. Да ладно я, считавшийся просто приезжим, а вот каково было тем, кто там родился и вырос? Так что земной поклон демократам вообще и беспалому Боре в частности за миллионы искалеченных судеб...

Вспомнив «обожаемых» демократов, я опять сплюнул, и мысли приняли новое направление. Вот ведь как интересно получается: почему весь мир вспоминает исключительно выселение немецкого населения с территории нынешней Калининградской области? Очень уж современные мне либералы любят смаковать, насколько жестоко обошелся кровавый сталинский режим с несчастными фрицами. В принципе, мне это тоже совсем не по душе, но почему вспоминают только то, что происходило в нашей части Восточной Пруссии? Почему никто даже не вякнет о том, как с немцами обходились в Польше, Чехословакии, Франции? Ведь выселение оттуда шло не менее ударными темпами, и отношение к гражданским было точно такое же, если не хуже.

А особенно гадостно это смотрелось в сравнении с совсем недавним жополизным отношением к оккупантам. Если в СССР шла война насмерть, то ведь большинство европейских стран были достаточно мягко оккупированы. И режим этой оккупации рядом не стоял с тем, что было у нас. Только все равно, будущие «просвещенные» общечеловеки немцев гнали с особым садизмом, при этом не забывая тонко издеваться. В той же Лотарингии им запрещали говорить на своем языке, запрещали иметь любой транспорт, включая велосипед, запрещали иметь телефон, запрещали посещать кинотеатр, запрещали работать – заниматься каким-либо трудом, кроме чисто физического. И после этого всех немцев в течение пары лет просто вышвырнули обратно в Германию, разрешив взять только то, что можно унести в руках. Но часто бывали случаи, что и не разрешали, а раздев догола,

пинками выгоняли из домов. У нас-то немцев выселяли для того, чтобы заселить на их места своих людей, оставшихся без крова, а в Чехии и в конце двадцатого века немецкие деревни так и оставались стоять пустыми. Особенно в горной части страны. То есть «просвещенные европейцы» гражданских немцев выгоняли просто так, а не по острой необходимости... И ведь надо учесть, что тогда СССР еще вовсе не рулил Восточной Европой. В сорок седьмом чехи вовсю договаривались с американцами и вообще собирались присоединиться к плану Маршалла, так что их можно вполне резонно отнести именно к «демократам». Вот и возникает вопрос: чем же их «либеральные» режимы лучше сталинского?

И кстати, насчет дегерманизации Пруссии. Насколько мне стало известно, у нас разработан план эвакуации немцев аж до пятидесятого года. А самое главное, что до четверти населения планируется оставить на месте с постепенной их советизацией. Как сказал Тверитин: оставить социально близких и тех, кто не захочет уезжать и будет готов поменять гражданство. Услышав насчет «социально близких», я, помню, ехидно поинтересовался:

– Что, всех местных урок решили оставить?

Стас, криво улыбнувшись, ответил, что я совсем отстал от жизни, и что у блатняков райская жизнь закончилась, так как указом от двадцать пятого июня сорок четвертого года они вгоняются в черное тело, как и положено уголовникам. А система ГУЛАГа будет реформирована так, что теперь общих лагерей просто не останется. Будут отдельные уголовные, отдельные политические и отдельные лагеря для предателей и изменников Родины. При этом уголовные будут подразделяться таким образом, что рецидивисты с «первоходками» в одну зону теперь попасть никак не смогут. М-да... у Тверитина огромный личный счет к ворам, и я вовсе не удивлюсь, если эту идею именно он Верховному подал. Не зря же Стас вместе с Иваном Петровичем мне все мозги выдернули по поводу возникновения и развития в СССР организованной преступности. Колычев тогда накатак огромную докладную, а главный идеолог сказал, что эту мразь надо изничтожать не дожидаясь окончания войны, и что этот вопрос будет серьезно рассмотрен на ближайшем заседании Политбюро. Да-а, мне тогда его метафора, сказанная в запале разговора, очень понравилась. Насчет того, что «паровозы надо давить, пока они еще самовары»...

А вообще, в последнее время происходит что-то довольно странное. Эти два уха, я имею в виду Тверитина и Машерова, набирают все больший и больший вес. Даже если судить просто по радиопередачам, скоро количество обращений Машерова сравняется с количеством обращений Сталина. Нет, парни они, конечно, головастые, но я ведь отлично помню, как Виссарионыч в свое время отреагировал на мои слова по поводу преемника. Взгляд у него тогда стал такой, что я испугался по-настоящему. А теперь что происходит? При полной поддержке усатого вождя, Колычева, да и всего измененного Политбюро, они гнут новую линию, только рубашки завиваются. И ведь что интересно, если крестьянские реформы получили в народе название «сталинские», то реформы, касающиеся мелкого и среднего производства, называют «машеровскими». А «кровавый тиран» и в ус не дует. Наоборот, всячески опекает своих протеже. Блин, такими темпами остается одно из двух: либо парней в ближайшие пять лет элементарно шлепнут, в лучших традициях «кровавой гэбни», либо я уже сейчас могу с уверенностью сказать, кто будет следующим Верховным главнокомандующим. Точнее – первым председателем Совета народных комиссаров. И если про «шлепнут» подумалось исключительно в виде злой шутки, то будущее председательство Машерова в СНК прослеживается настолько четко, что к бабке не ходи.

М-да, дай-то бог. С другой стороны, сильно настораживает нынешний возраст Петра Машерова – всего двадцать шесть лет. Чтобы такого пацана допустили рулить огромной страной... Но если подумать, то возраст – это такой недостаток, который проходит с годами, а Петр уже успел показать себя как на войне, так и на гражданской работе. Да и товарищ Сталин твердо решил дожить как минимум до пятидесяти третьего года. Так что все вроде выстраивается в елочку – тридцать пять лет для политика это нормально... Вон Гусеву тридцать шесть, а уже командир особой группы Ставки. Хотя дело не в количестве

прожитых зим и весен, а в отношении к жизни. Я ведь, когда познакомился с тем же Иваном Петровичем, считал его совсем старым. Просто исходил из общего поведения, взвешенности, солидности, да и вообще – житейской мудрости. А оказалось, что он ровесник века, и в начале войны только за сороковник перевалил.

Да уж... наверное, это у меня еще детские воспоминания превалируют – если политик, то должен быть древним как Брежнев. Но действительность вносит свои коррективы: сейчас большинство в Политбюро – молодые шустрые и злые, которые, как пел Цой, «хотят перемен». Только, в отличие от «перестройщиков» конца двадцатого века, перемен не для личного обогащения, а для обогащения всей страны...

– До Нанси двадцать километров!

Возглас Гека меня отвлек, и я, встряхнувшись, переспросил:

– Что?

– Я говорю, через полчаса на месте будем. Ты знаешь, куда там дальше ехать?

– Без понятия. Да и что тут думать – у первого же патруля провожатого возьмем, он и покажет.

Гек кивнул, а я с удовольствием потянулся и глянул назад. Марат безмятежно дрых, привалившись к бортику, при этом, однако, даже во сне крепко держался за поручень, а метрах в тридцати за нашей машиной катил «УльЗиС» с остальными парнями. Ребята там, похоже, вовсе не расслаблялись, так как установленный на турели ДШК был расчехлен, и возле него торчал Шмидт, поблескивая на солнце очками-консервами, которые он нацепил, чтобы ветер не выбивал слезы.

М-да... вот что значит – орднунг. Едем по своим тылам, до ближайших вооруженных фрицев, как до Китая раком, но эта поездка считается боевым заданием, а раз боевым, то вынь да положь эту самую боевую готовность. И ведь голову могу дать на отсечение, что это Максова инициатива. Я просто воочию представил, как немец в начале езды лишь беспокойно крутился на своем месте, а потом, видя, что Козырев, будучи старшим по званию, не мычит и не телится, увлеченно крутя руль, внес данную ракуху. Змей наверняка удивился предложению и ответил что-нибудь типа: если так хочется торчать возле пулемета, то и флаг тебе в руки! Вот Шмидт, периодически припахивая Искалиева на подмену, и бдит...

К-хм, с одной стороны, это, конечно, правильно. Совершенно правильно. Но вот с другой... То-то я удивлялся, чего это регулировщик, когда мы на перекрестке пропускали танковую колонну, на меня так поглядывал. А он, видимо, принял подполковника, сидевшего в новеньком «ГАЗ-67» за чмошного тылового ссыкуна, который не просто окружил себя охраной, находясь за десятки километров от линии фронта, но еще и заставил эту охрану бдительно нести службу. М-да... надо будет ребятам сказать, чтобы не позорили начальство, да и вообще – размяться тоже неплохо, а то хоть дороги здесь и похожи на взлетно-посадочные полосы, но один черт растрясло...

Поэтому, приказав Геку тормозить, я после остановки колонны, подойдя к «додику», высказал сидящим в нем свои претензии. Судя по злорадному Женькиному «Ага!», обращенному в сторону Шмидта, мои предположения относительно инициатора бдительности были полностью верны. Макс, выслушав аргументы, недоуменно наморщил лоб:

– Я поннимаю, но фет так полошено?

– Знаю, но ты, Макс, будто первый день в армии, и забыл, что значат для военного человека понты и бравада!

– Я помныйю. Но отню дело расстекнуть форот кимнастерки или хвасятат трофейным орушием, и софсем тругое, нахотясь на поефом задании, фести сепя, как путто на оттыхе. Фы феть даже бронешилеты и «льифчики» не натели. А фдрук нас опстреляют?

– Ой, да ладно. – Подошедший от «ГАЗона» Пучков махнул рукой. – Во-первых, при таком количестве войск на рокаде никаких обстрелов быть просто не может, а во-вторых, ты еще предложи каски надеть, чтобы на нас все пальцами показывали, как на последних

трусов.

– При чем тут трусость? Нато просто фыполняют трепования устафа. Он тля этоффо и написан.

М-да... уел. И ведь не поспоришь, и не станешь объяснять, что от боевого задания в этой поездке только лишь название что – «боевое». Мне остается только утереться, да еще и поблагодарить за службу. Но тут Женька, который, молча разминаясь, слушал наш разговор, встрял:

– Эх ты, немец-перец-колбаса! Все-то у тебя по правилам, да по полочкам разложено! Нет того огонька и капельки сумасбродства, что должно отличать бывалого солдата от штабного уставника!

Шмидт на этот наезд хитро улыбнулся и ответил:

– Ест. Я фот каску нье отел, хоть и полошено, и затфор пулемета перетернул срасу, хоть этто как рас и нье полошено! Сначит – ест оконек!

Искалиев, до этого крутивший головой, переводя взгляд с одного говорящего на другого, тихонько захихикал, а Змей от такого извращенного подхода к тонкому искусству армейского разгильдяйства как потягивался, так и застыл, удивленно приоткрыв рот. Я, честно говоря, тоже был несколько ошарашен тевтонским взглядом на допустимые понты. Уж больно они неотличимы оказались от уставных требований...

Макс же, глядя на наши лица, рассмеялся и пояснил:

– Я шутью.

Ну и как на такое реагировать? Пихнув шутника в бок, я приказал:

– Хорош отдыхать – поехали!

И мы с Лешкой потопали обратно к своей машине. Проснувшийся Шах, который воспользовался остановкой и окропил придорожные кусты, видя мою странную ухмылку, спросил:

– Чего там?

– А. – Я махнул рукой. – Фауст прикалывается...

Гек, включая передачу, кивнул:

– Он такой, он может! Полгода из себя тормознутаго молчуна изображал, а тут, как прорвало. Видно, до этого неопределенность мужика давила, но после получения звания Макс вообще в другого человека превратился. И ведь шутит, сволочь, прямо как ты – с непроницаемой мордой! Сразу даже не доходит, серьезно он говорит или нет.

– Ну чего-чего, а юмора у него хватает...

Марат, удобно устроившийся на сиденье, оживился:

– Кстати, про юмор. Вы слышали, как мы с ним к «внутрякам» ездили?

– Нет, а что там?

– Хе! – Шах, наклонившись вперед, чтобы было лучше слышно, начал рассказывать, как они со Шмидтом демонстрировали свои свето-звуковые бомбочки нового поколения парням из полка НКВД. Все было бы ничего, но в момент испытаний кот, который, не ожидая подобной подляны, мирно дрых в «эмке» командира полка, понял, что настал внезапный, вселенский амбец. Понял и повел себя соответственно... Народ потом долго удивлялся, как в таком маленьком и симпатичном с виду котике может оказаться столько дерьма, чтобы его хватило измазать весь салон. Даже на потолке остались пахучие отпечатки когтистых лап.

А Макс с самым серьезным выражением лица посоветовал на чем свет ругающемуся майору НКВД, вызвать химиков для дегазации машины. Дескать, в противном случае никакие обычные средства тут уже не помогут, и амбре останется навсегда. И что самое смешное – командир полка этих химиков вызвал! Они сначала брыкались, но испугавшись угроз, все-таки приехали со своими колбами и распылителями. Поработали на совесть, и даже запах вывели, только салон приобрел настолько необычный цвет, что опешивший майор, увидев получившийся колер, так и застыл, не решаясь влезть внутрь. А потом, придя в себя, вызвал старшину из хоззвода и приказал «выкрасить, как было!» Старшина с

работой справился, но тут возникла новая проблема: один запах сменился другим, и даже с открытыми окнами можно было одуреть от вони сохнувшей краски. Говорят, машина до сих пор стоит с распахнутыми дверями, а злющий майор пересел с комфортабельной «эмки» на открытый «виллис».

– Да... – фыркнул я, – хорошо подначили. Хотя полкач сам виноват. Лучше бы этот эстет себе изначально канарейку завел... А кстати, хотите по-настоящему фантастическую, но совершенно реальную историю? Мне ее Иван Петрович рассказал, перед тем как в Швейцарию отправить.

– Ну?

Вообще-то, когда нарком поведал о действиях Александра Викторовича Германа, который был сначала офицером разведотдела, а потом командиром партизанской бригады, я опешил – настолько невероятно было то, с какой выдумкой и знанием человеческой психологии действовал этот диверсант. Поначалу даже не очень поверил, но Колычев только усмехнулся и сказал, что все подтверждено документально, и что две Золотые Звезды просто так не дают. Поэтому пришлось поверить и вслух выразить сожаление о том, что я еще не знаком с этим неординарным человеком. Иван Петрович, помню, тогда выразился в том смысле, что еще не вечер, но вместе нас, по его мнению, сводить нельзя, так как если соединить хитроумность Александра и мой авантюризм, то мозга за мозгу зайдет не только у противника...

– Ну что ты примолк? Чего тебе товарищ нарком рассказывал?

Гек вопросительно глянул на меня, и я начал:

– В начале войны под Псковом был организован диверсионный отряд. Солидный отряд – больше сотни человек. Только вот расположился он не вблизи населенных пунктов, а наоборот – в глухих чащобах.

– А чего жрали?

– Вот в том-то и дело, что была налажена авиадоставка. Фрицы, конечно, засекли наши самолеты и периодически обращались с просьбой к командиру истребительного полка, чтобы он это дело прекратил. До этого летуны просильщиков посылали, так как у них не было необходимой техники, но тут как раз перегоняли специально оборудованные «мессеры», для подразделения ночных перехватчиков, поэтому просьбу удовлетворили. Результатом удовлетворения просьбы стал сбитый «дуглас». Партизаны, удрученные потерей, расценили это как неприкрытое хамство и совершили атаку на инфраструктуру аэродрома.

Марат усомнился:

– Не может быть, там ведь такая охрана – всех бы положили.

Я поправился:

– Атаковали не сам аэродром, а топливную базу и авиасклады. Командиру полка люфтваффе такие расклады совершенно никуда ни уперлись: за партизан его могли только поругать, а за то, что авиаполк не может выполнять фронтовые задачи, выхарили на всю катушку. В общем, в дальнейшем, даже когда через его аэродром перегоняли ночные истребители, он на летающие ночью транспортники реагировать просто перестал. Дескать, сами со своими проблемами разбирайтесь!

Лешка хохотнул:

– Оно и понятно. Кому чужую работу делать захочется, чтобы потом самому по шее получать?

– Именно так. Но дальше – больше. Партизаны нашли ветку узкоколейки с несколькими паровозиками и вагонами, которая была построена для обеспечения торфоразработок. Разведали и выяснили, что немцы о ней ни сном ни духом, а сама ветка уходит по болотам аж за линию фронта.

– Вот только не говори, что они к нашим на поезде в отпуск ездили!

– Не в отпуск, а раненых на ту сторону переправляли. А оттуда получали боеприпасы с оружием, продовольствие и медикаменты. Только весь прикол не в этом. Основная хохма в

том, что железка шла по глухим лесам, но в одном месте проходила по окраине узловой станции...

Шарафутдинов снова удивился:

– Так на станции же гарнизон стоит? Или немцы все ослепли и ничего не замечали?

– Поначалу не замечали, так как каждый раз при проходе партизанского состава шел обстрел станции. То есть наши отвлекали внимание и под шумок пускали свой эшелон. Но в конце концов фрицы провели параллель между атаками на железнодорожный узел и проскакивающим вдалеке составом, после чего разобрали часть узкоколейки. Наши на эту подляну ответили мощнейшим ударом с подрывом основных путей, двух мостов, входящих в зону ответственности гарнизона, и уничтожением большей части солдат из охраны. А когда партизаны ушли, выяснилось, что узкоколейка ими восстановлена... Итог: комендант узла имел большие потери в личном составе, и вдобавок его поимело вышестоящее начальство за нарушение графика движения. Немцы сделали вывод, и так как жить хочется всем, в особенности тыловикам, просто перестали замечать маленький, деликатный паровозик с вагонами, который в общем-то никому не мешает и только изредка, ночами, мелькает на окраине узла. Сделали вывод и дали своеобразный намек партизанам: перенесли колючку ограждения так, что узкоколейка осталась за пределами охраняемой зоны. Те намек поняли и на пробу запустили поезд без отвлекающей атаки, а когда он свободно прошел, прекратили нападения на гарнизон.

– Ха! – Лешка в восторге ударил по рулю ладонью. – Классно сработали! То есть выдрессировали немчуру, как Павлов свою собачку! Кстати, помнишь, в Беляковичах партизаны с немцами тоже краями расходились. Фрицы из гарнизона тогда на лесозаготовки спокойно ходили, а наши – в деревню за продуктами, не опасаясь, что патруль прихватит.

– Помню, только закончилось это хреново... Немцы ягдкоманду один хрен вызвали...

– Так это не гарнизонские вызвали, а городские, после того как партизаны машину с оберстом подорвали.

Марат оживился:

– Вот-вот. И я хочу спросить, а в твоём случае – неужели фрицы егерей не подтянули?

Я, достав папиросы и прикуривая, ответил:

– Егерей на всех не напасешься, да и район считался тихим и спокойным. Партизаны ведь те несколько гарнизонов, что стояли возле их базы, практически не трогали, совершая дальние рейды, для проведения диверсий. Ближе действовали только в том случае, если немцы начинали борзеть, и приходилось учить их жизни. А когда фрицы уроки понимали, то боевые действия на местах прекращались. Но ты, Шах, прав. Местному немецкому начальству подобное не очень нравилось и они таки вызвали спецгруппу из смоленского абвернебенштелле. Ну, ты их методику знаешь, только Александр оказался хитрее призванных на помощь профессионалов, и отряды партизан стали уходить одной дорогой, а возвращаться другой. Да еще и минировали пути следования. Фрицы потеряли таким образом несколько карательных групп. А партизаны решили добраться до главного спеца, чтобы тот своим энтузиазмом больше жизнь никому не портил. И опять выдумку проявили: захватили «языка», сделали якобы ложную заминированную тропу, а пленного провели по притопленной гати. Потом позволили ему бежать. «Язык» вернулся к своим и обрадовал абверовца до невозможности. Ведь если он там прошел, значит, мин на гати нет. Фриц собрал большой отряд и с помпой двинул в лес. Почти рота СС в болото забралась, а наши просто рванули эту дорожку с двух сторон и в общем-то все... Остальное болото доделало, даже без стрельбы обошлось. После этого найти место базирования партизанского отряда немцы больше не пытались.

– Да-а-а... – Шах задумчиво поправил фуражку. – А дальше?

– А что дальше? Дальше и начинается самая фантастика. Так как партизаны кормились исключительно с большой земли и местное население не обирали, то и отношение к ним было самое хорошее. Скажу больше: была налажена даже медицинская помощь для жителей окружающих деревень, поэтому на Германа только что не молились. Так что, когда он ввел

временные сельсоветы и исполкомы для пропагандистской работы, а также решения текущих вопросов, местными жителями это было принято «на ура». В конце концов дошло до того, что на очередной прием подпольного исполкома пожаловали фрицы из станционного гарнизона с нижайшей просьбой. Дескать, их заменяют и переводят во Францию, а так как все мосты в округе подорваны и дороги заминированы, то не могли бы господа партизаны за хорошее поведение выдать им пропуск, чтобы они спокойно могли выехать за пределы области. А сменщиков, как правильно себя вести, они, дескать, уже предупредили...

– Вот этого уже точно не может быть!

Я в свое время был достаточно наслышан о «договорных районах» что в Афгане, что в Чечне, поэтому в ответ на возражение Шаха только пожал плечами.

– Иван Петрович на преувеличения замечен не был. Да и документально все это подтверждено. Только ты меня не дослушал. Там еще и из комендатуры приходили с жалобой. Ябедничали на фуражиров из соседней части, которые рыскают по деревням, отбирая у крестьян продовольствие и овес. А на одном хуторе даже расстреляли недовольных. Комендантские всячески открещивались от этих беспредельщиков и своей шкурой за их бесчинства отвечать не собирались. Поэтому просили как-нибудь этих фуражиров... ну выгнать, в общем.

– Пх-х-х... – Было видно, что Шарафутдинов потрясен. – И чем все закончилось?

– В конце концов слухи дошли до самого верха. В Берлине просто озвезденели от подобных фортелей, и все местное начальство пошло под суд, а против бригады Германа была снята с фронта пехотная дивизия, усиленная танками, авиацией, артиллерией и антипартизанской частью СС. Немцы создали группировку общей численностью около пяти тысяч человек, и начались бои. В результате партизаны, хорошо потрепав фрицев, ушли, пробившись к своим, а Герман получил вторую Золотую Звезду...

– За прорыв?

– По совокупности заслуг. Они ведь за год своей работы намолотили больше десяти тысяч гитлеровцев, мостов подорвали туеву хучу, эшелонов под откос пустили под сотню. Семнадцать гарнизонов полностью уничтожили. То есть только живой силы врага за год работы уничтожили в десять раз больше, чем вся польская Армия Крайова за время своего существования...

– Да сколько же у него бойцов в бригаде было?!

– В начале боевых действий – сто пятьдесят человек, а перед прорывом около двух с половиной тысяч¹⁴.

– М-да. – Шах вздохнул. – Все бы так воевали, мы бы фрицев уже в сорок первом уделали... А почему о нем в газетах не писали? Ведь какой пример!

– Так отряд же секретный был. Это ведь не просто партизаны, а диверсанты. Ты, к примеру, про группировку Медведева что-нибудь слышал? Вот видишь... А ребята там тоже лихо орудовали. И таких отрядов у нас – не один десяток. Ничего, война закончится, обо всех напишут. – И, подумав, я добавил: – О ком разрешат говорить и с кого гриф снимут...

Шарафутдинов кивнул:

– Это точно. – А потом протянул руку и добавил: – Подъезжаем. Вон, смотри – указатель!

На дороге действительно стоял знак, оповещающий, что мы въезжаем в Нанси. А чуть дальше виднелся контрольно-пропускной пункт. Подрулив к КПП, мы узнали, куда ехать дальше, и еще через двадцать минут я встретился с капитаном Дерябиным – начальником СМЕРШ дивизии. Капитан – среднего роста шустрик, с внушительным рядом наград, пожал мне руку и, предложив следовать за ним, двинул сначала в глубь здания штаба, а потом

¹⁴ Все описанные действия А. В. Германа происходили в реальной истории. Однако в действительности, при прорыве, Александр Викторович был трижды ранен, и последнее ранение в голову оказалось смертельным.

шагнул на лестницу, ведущую куда-то вниз. Глядя на слегка облупившиеся стены, выкрашенные в темно-серый цвет и навевающие смутные ассоциации, я поинтересовался:

– Надеюсь, моего человека вы не в подвале все это время держали?

Дерябин, улыбнувшись, ответил:

– Что вы! У нас все как положено: лишних вопросов не задавали, отдельную комнату отвели рядом с нашим расположением и на довольствие поставили! А здесь мы пошли, чтобы здание не обходить. Сейчас напрямую через коридор во внутренний двор попадем.

Так и оказалось: пройдя небольшим коридором и поднявшись по лестничному маршу, мы вышли во двор, огражденный забором. Тут же стояло приземистое одноэтажное здание, в котором располагались контрразведчики, и где мне наконец предоставили Кравцова-младшего. Тот, увидев целого подполковника, несколько обалдел, но, когда я полез обниматься, оттаял и лишь, скосив глаза на мой погон, удивленно отметил:

– Вот теперь даже не знаю, как обращаться – на ты или на вы...

– Я тебе дам «на вы»! Когда во время экспроприации средств у марсельских апашей матом меня крыл и голову лечить советовал вежливостью и не пахло. А теперь, гляди ты – смущение его взяло!

Мишка рассмеялся:

– Надо же, как сказал... Мне до сих пор казалось, будто мы занимались банальным грабежом! И учти, что матом я крыл одного самонадеянного и весьма наглого субъекта в куртке с чужого плеча и с огромным синячищем в половину лица. А сейчас предо мной стоит солидный подполковник. Чувствуешь разницу?

Я хмыкнул:

– Чувствую, но пусть она тебя не смущает. – Потом, повернувшись к Дерябину, попросил: – Извините, товарищ капитан, вы можете нас ненадолго оставить?

Смершевец кивнул и, прежде чем закрыть дверь, оповестил:

– Я буду в соседнем кабинете. Когда понадобится – позовите.

А я, повернувшись к Михаилу, предложил:

– Ну что, давай рассказывай, как дела. Как Аристарх Викторович, мать, Шурочка, Петька? Игнат Киреевич так с вами и живет?

– Все живы-здоровы. Сейчас временно находятся в Линсоне – ждут моего возвращения.

Поняв, что Кравцов не сильно расположен предаваться воспоминаниям, я тоже свернул предусмотренные вежливостью церемонии.

– Значит, ждут... Угу, ясноенько. А теперь давай четко, коротко и по делу: что там у вас произошло, и почему вы из своего дома вынуждены были сорваться?

Мишка, обрадованный тем, что я правильно истолковал его переживания, начал докладывать:

– После твоего отъезда пару месяцев было тихо. Но в конце марта один мой старинный знакомый, который был вхож в руководство маки, сказал, что нами, точнее моей семьей, заинтересовались англичане. Оказывается, «лайми» все это время пытались разобраться, куда пропала одна из боевых групп, да еще и под руководством офицера из МИ-6. И надо же было такому случиться, что они вышли на мадам Пуалю.

Михаил на секунду замолк, а я, закусив губу, попытался вспомнить, что это за мадам. Но, так и не вспомнив, поинтересовался:

– Какую такую Пуалю? Что, эта мадам ночами в полях гуляла и бой видела?

Кравцов усмехнулся.

– Никто ничего не слышал. Здесь мы все правильно рассчитали. Но помнишь, перед тем как попасть к нам, ты заходил к одной старушке? Сам ведь рассказывал, что это именно она тебя направила к живущим неподалеку русским.

– А, – я неопределенно пошевелил руками возле лица, – очень сильно на бабу-ягу похожая? Честно говоря, не знал, как ее зовут, но такую, пожалуй, забудешь... И что там с этой бабкой произошло?

– С ней – ничего. Просто она рассказала о встрече с тобой своей сестре. Сестра – мужу.

А племянник этого мужа помогал макиزارам. И не просто помогал, а входил в число тех, кого островитяне задействовали для поиска своих людей...

– М-да... действительно – случайность. Но ведь это еще ни о чем не говорит.

Мишка кивнул:

– Не говорит. Только англичане, сопоставив даты, заинтересовались этой встречей. Идей у них не было никаких, вот и стали цепляться за соломинку, решив на всякий случай поближе присмотреться к живущей в этих местах русской семье. А после того как десятого апреля Пашка прогнал с нашего поля какого-то клошара, который резво укатил на велосипеде, эта соломинка превратилась в полноценное бревно.

– Объясни?

– Да что там объяснять? Человек, выглядевший как бродяга, сначала шарился возле заброшенной мельницы, а потом ползал недалеко от теплиц...

– Гильзы?

– Они самые. И свежие отметины от пуль на мельнице. Бой ведь был хоть и короткий, но интенсивный. Потом, когда тебя отправили, мы, конечно, окопчики зарыли и, как снег растаял, гильзы подобрали, но, видимо, не все...

– Поня-я-тно...

Теперь действительно все стало понятно. Свежие гильзы – это, разумеется, не доказательство, но эти самые доказательства в контрразведке добудут на раз, дай лишь до подозреваемых добраться. Только подозреваемые оказались легки на подъем и, как сказал Михаил, после известия о развале фронта и быстром продвижении союзнических войск к Сент-Антуану они не стали искушать судьбу и уехали на север, в Линсон – город, находящийся на границе с Эльзасом. Их приезд практически совпал с уходом немцев, и два дня Кравцовы жили спокойно, рассчитывая дожидаться окончания активных боевых действий на востоке и перебраться в русскую зону оккупации. А позавчера в Линсоне, который совсем недолго пребывал в полном безвластии, появился первый мобильный патруль союзнических войск. Несколько джипов и бронетранспортеров просто проскочили по главной улице и уехали, но это стало для Мишки сигналом, что ждать больше нельзя. Как по заказу, наши войска в этот день вышли к Маасу и остановились, поэтому Михаилу надо было только перебраться через реку и у первого же советского офицера потребовать, чтобы его передали в СМЕРШ.

Контрразведчики, которые в последнее время приняли не один десяток наших разведчиков, заявлению Кравцова, что он человек какого-то «Колдуна», вовсе не удивились и, послав запрос, просто передали его по цепочке. Подобные запросы отрабатывались очень оперативно, и вот не прошло и суток, как я с ним встретился.

А теперь, выслушав Михаила, поинтересовался:

– Действовал ты правильно. Только непонятно, чего ты своих оставил в этом Линсоне? Ехали бы все сразу.

– Куда? Я ведь, считай, в неизвестность шел. Да и встретить тут именно тебя никак не рассчитывал. В самом лучшем случае, сославшись на «Колдуна», думал получить пропуск для семьи в советскую зону, обойдя бюрократические проволочки, а дальше действовать согласно закону о реэмигрантах. Но после совсем короткого допроса меня накормили и отвели в эту комнату, а через несколько часов пришел капитан и сказал, что завтра приедет мой куратор. Я даже сначала не понял, про кого мне говорят, пока контрразведчик не объяснил, что он имеет в виду. Честно говоря, на такую удачу я и не рассчитывал... Но эти часы, как на иголках, провел...

– Думал, что я вам тогда пыль в глаза пускал, и на самом деле никакого «Колдуна» нет?

– Даже не это... Просто вдруг страшно стало жизнь настолько круто менять. Ведь о том, что нас может ожидать на новом месте, я судил только по словам да по радиопередачам. А что там будет на самом деле – неясно... Извини...

– Не извиняйся, это я сам сглупил, что такой вопрос задал. Но теперь ты понял, что это вовсе не слова?

Кравцов сощурился и медленно ответил:

– Увидев тебя, я убедился в том, что мой боевой друг слово держит.

Блин, какой Мишка, оказывается, осторожный человек. И как фразы строит: дескать, тебе верю, но вот, как к моей семье отнесутся в СССР, скажу по факту. В принципе, правильно действует парень. Без излишней восторженности. Ну тогда и я ему ничего говорить не буду. В смысле, с КАКОГО верха пришел приказ относительно Кравцовых. Вот переправят их в тыл, пусть сам посмотрит и обалдеет...

– Ладно, недоверчивый ты наш. Скоро сам все увидишь. И как к реэмигрантам относятся, и какая у нас жизнь вообще. Отношение, думаю – не разочарует. А касательно жизни... комфорт в СССР, конечно, пока не на том уровне, которого хотелось бы, но ведь все в наших руках.

Михаил ухмыльнулся.

– Ну на особый комфорт я и не рассчитываю. Ты не забыл – мне ведь уже приходилось тесно общаться с советскими людьми, которые много о себе рассказывали. В том числе и о довоенной жизни...

Я сначала даже не врубился, о ком он говорит, но почти сразу дошло – о «русском» отряде маки, в который вливались бывшие советские военнопленные, бежавшие от немцев. А как дошло, почувствовал мгновенный стыд, что не поинтересовался судьбой ребят раньше. Они ведь собирались к нашим выходить, когда линия фронта приблизится, и я им тоже советовал ссылаться на «Колдуна». Но во Франции фронта уже нет (лишь в северной и северо-западной части страны немцы еще трепыхаются), только и о парнях тоже не слышно. Неужели погибли? Спросил о них у Кравцова и услышал:

– В отряде погибли двое: Степан Троекуров, помнишь, высокий такой, постоянно с СВТ ходил, и Ринат Боягов. Но Рината ты вроде не знаешь... – Собеседник замолк, чего-то прикидывая, а потом, сам себе кивнув, добавил: – Он уже после тебя появился.

– А остальные где?

Мишка, зло цыкнув зубом, ответил:

– Отряд «Родина» выполнял задание штаба маки в центральной Франции и, когда ее освободили союзники, члены отряда были интернированы.

Я облегченно вздохнул:

– Что ты так злишься? Союзники, конечно, козлы, что не отпустили ребят сразу, но поступили они вполне по закону. А интернированы, это не убиты. Значит, через месяц-полтора появятся. – А потом, меняя тему, опять перешел к насущному: – При вас барахла много? Я в том смысле, какой транспорт еще брать, а то у нас «ГАЗон» и «УльЗиС»... ну «додж», чтобы тебе понятней было. И пять человек, не считая меня.

Кравцов, на секунду задумавшись, ответил:

– Вещей немного, но все равно не поместимся. У меня семь человек. Из них трое – женщины.

– Ясно... а как там вообще обстановка?

– Спокойная. Немцы если где и остались, то прячутся и на глаза не показываются. Только прямой дороги нет – мост через Маас подорван. Паромная переправа, что была ниже по течению, тоже повреждена.

Я удивился:

– Так ты что, вплавь добирался?

– Нет, – Мишка хитро сверкнул глазами, – машины ведь у нас уже в Линсоне немцы отобрали, поэтому я, как ты говоришь, «экспроприировал» велосипед и поехал через Олье. Крюк, конечно, получился километров двадцать только в одну сторону, но зато там мост целый остался.

– Это хорошо, что мост есть! Ладно, пошли к капитану насчет транспорта договариваться.

Дерябин, выслушав просьбу, кивнул, поразив щедростью и пониманием:

– Ну, я думаю, возить женщин и детей в грузовике не стоит. Поэтому я вам дам

автобус. «Опель». Как вам такое предложение?

– Предложение просто царское! Главное, чтобы этот автобус не заглох на полдороге.

– Обижаете, товарищ подполковник! Как часики все работает! Значит, я вам автобус с водителем и лейтенанта своего дам для координации с людьми из двести тридцать шестого полка. Они как раз возле того моста стоят, где вы проезжать будете. Заодно и частоты связи согласуете – а то, мало ли что?

Мне были понятны мучения капитана, так как, находясь здесь, я был в зоне его ответственности, и если вдруг приключится косяк, то иметь будут именно Дерябина, как не проследившего и не обеспечившего. И предлагает он дело, поэтому я ответил:

– Так и сделаем. А вообще, наши на той стороне Мааса есть?

– Только разведчики бродят. Дивизии ведь сейчас встали, подтягивая тылы. И, как мне кажется, дальше уже не пойдем, потому что вошли в соприкосновение с частями союзников, и немцев между нами не осталось. Разве что остатки разбитых частей, которые до сих пор по лесам прячутся. Но днем они не показываются, а ночью, кто уходит на запад, кто, бросив оружие, на восток, ближе к дому. Вы ведь видели колонны пленных?

Я кивнул:

– Видел. Ладно, с этим понятно. А сейчас проводите меня, пожалуйста, к связистам.

Капитан козырнул, и мы пошли обратно в здание штаба, где, связавшись с Серегой, я доложил о своем решении. Гусев, обдумав услышанное, приказал:

– Действуй. Только постарайся управиться засветло. Не будешь успевать, лучше переночуй в Линсоне и возвращайся с утра. Да, если задержишься – связывайся с двести тридцать шестым полком. Если что-то пойдет не так, тоже через них связь держи.

– Понял. Разрешите выполнять?

– Разрешаю.

Глава 9

До Лобежа, где дислоцировался двести тридцать шестой полк, доехали довольно быстро и без происшествий. Хотя следы совсем недавних боев попадались буквально на каждом шагу. Что говорить – похоронные команды еще не все трупы в немецкой форме, валяющиеся вдоль обочин, успели убрать, поэтому иногда запашок был – хоть стой хоть падай. Хм, даже странно – на юге, в районе Ремирмона и Мюлуза все настолько устаканилось, что даже грабители успели начать свой бизнес по угону машин, а тут сразу чувствуется, что буквально несколько дней назад, в этих местах шли сильные бои. Хотя, с другой стороны, чему удивляться – на Мозеле отбивался фольксштурм, который буквально сразу побежал, а вдоль Мааса и канала Марна-Рейн в основном оборону держали эсэсовцы. И держали ее до последнего...

Зацепившись взглядом за хорошо прожаренного жмурика, который лежал возле разбитого «бюссинга», задрав скрюченные руки к небу, я сплюнул, закурил и попросил Лешку:

– Слушай, давай быстрее гони, а то дышать невозможно. Здесь, похоже, большую мехколонну фрицев с воздуха раздолбали, вот они и воняют. Даже после смерти пакостят, сволочи!

Гек согласно кивнул и придавил акселератор так, что буквально через полчаса мы добрались до места. Там выяснилось, что командир полка убит в дивизию, но с начальником штаба удалось быстро договориться о возможном взаимодействии. Майор Ерпилов был, конечно, не в восторге от инициативы заезжих варягов, но после вмешательства лейтенанта из СМЕРШа дал согласие задействовать своих подчиненных, если у нас что-то пойдет не так. Потом мы пошли к связистам, где Искалиев встретил земляка. Заметив умоляющий взгляд Жана, я глянул на часы и сказал:

– Ладно – двадцать минут у тебя есть. За это время и с земелей пообщаешься и частоты согласишься. Успеешь?

– Так точно!

– Тогда, как закончишь, подходи к машинам.

После чего, оставив подчиненного, я пошел искать своих мужиков. Нашел их на лавочке в тени большого каштана. Парни сидели и слушали, что им рассказывает Кравцов. Подойдя ближе, я уловил обрывок фразы:

– ...долго вспоминал те слова – «одна старушка рубль, а десять это уже червонец»...

Ребята рассмеялись, а Козырев добавил:

– Это точно, командир у нас такой: из любой ситуации вывернется, да еще и с прибытком!

Тут, увидев меня, они опять разулыбались и Гек ехидно выдал:

– О, вот и он! Командир, а ведь когда ты нам про Францию рассказывал, не говорил, как тебя какой-то уголовник нокаутировал. Хвастался только, что апашей, как мух, гонял, а про то, что они тебе бланш на всю морду подвесили – ни слова...

Я сделал безразличное лицо и махнул рукой:

– Охотничьи байки. Там синячок-то совсем незаметный был...

Мишка, паразит такой, при этих словах отвернулся, кусая губы, а остальные крайне недоверчиво фыркнули. Но вдаваться в объяснения я не стал (а то ведь потом заприкалывают, как будто сами в бубен ни разу ни получали) и, закулив папиросу, объявил:

– Выдвигаемся через двадцать минут. Поэтому сейчас – оправиться и проверить оружие. Всем, в том числе и водителям, полностью экипироваться.

Услыхав про то, что надо надевать разгрузку, Пучков возмутился:

– Я в этой сбруе за руль не помещусь!

Спокойно выпустив вверх струю дыма, я пресек бунт на корабле:

– Значит – будешь худеть! А то таким макарон ты скоро не то что за руль, а вообще в «ГАЗон» помещаться перестанешь, и станем мы тебя возить, как негабаритный груз – в кузове «додика».

Но потом, прикинув, что превратившемуся в здорового лося Геку действительно будет неудобно рулить, я сжалился:

– Ладно. Сам поведу.

Лешка, бурча себе под нос: «Куда уж худеть – и так живот к позвоночнику прилип», принялся напаяливать на себя снарягу. Остальные, в том числе и я, стали облачаться «побоевому». Оно, конечно, действительно неудобно вести машину, когда на тебе столько железа навешано, но придется потерпеть, так как мы выезжаем в такой район, где расслабляться вовсе не с руки. Макс, который изначально был экипирован как положено, глядя на нас, гордо фыркнул и полез осматривать пулемет, а ребята, одевшись, принялись сортировать оружие, перетаскивая часть одноразовых гранатометов из кузова «УльЗиСа» в «ГАЗ-67». Туда же положили и РПГ-3¹⁵ с двумя сумками как кумулятивных, так и осколочных выстрелов. В машине сразу стало тесно, но в любом случае «границ»¹⁶ пусть будет ближе к тому, кто лучше всех им умеет пользоваться. С одноразовых мы все шмаляли приблизительно одинаково, а по стрельбе из РПГ-3 Пучков неизменно был на первом месте, поэтому ему и карты в руки.

В общем, пока собирались, перешучивались, снаряжались, время пролетело незаметно и, глянув на часы, я покачал головой:

– Оборзел, салага! Уже почти полчаса прошло... Змей, ну-ка дуй к связистам и тащи этого копушу сюда!

Но Женька не успел отойти несколько шагов от машины, как появился какой-то

¹⁵ Ручной противотанковый гранатомет. В зависимости от типа заряда может использоваться не только против танков, но и по иным целям, включая живую силу противника.

¹⁶ Жаргонное название РПГ.

взъерошенный Искалиев. Глядя на его бег, а точнее увидев лицо подчиненного, я удивился:

– Чего это с ним приключилось?

Вопрос был риторический, поэтому никто отвечать не стал, зато подбежавший Жан, переводя дыхание, выпалил:

– Товарищ командир! Товарищи! Только что в сводке сказали, что начался штурм Берлина!

Я подпрыгнул:

– Да ну?! Что еще говорили?

Даурен, лихорадочно блестя глазами, продолжил:

– Сказали, что в городе антифашисты начали восстание, а наши войска сразу нанесли удар! За первые часы наступления захвачены пригороды и передовые части, заняли Тигель, Витенау и Силезский вокзал. А на севере – Фалькензее и Лагердеребиц. Еще захвачены районы Глиннике, Любарс, Бланкенфельде, Розентальб... – Жан судорожно вздохнул и продолжил: – Там диктор долго перечислял. Сказал еще, что удары были нанесены сразу со всех сторон, и про стремительное продвижение наших войск. Сказал, что немцы массово сдаются в плен. Мол, за первые часы операции было захвачено около пятнадцати тысяч пленных!

Марат хмыкнул:

– Интересно, кто их посчитать успел? И вообще – откуда в Берлине антифашистам взяться? Эсэса там до черта и больше. Зенитчиков тоже хватает. Пехоты и фольксштурма – выше крыши... А про антифашистов я не слышал. Или это гестаповцы решили быстренько в борцов с гитлеризмом перекраситься, чтобы жизнь себе сохранить? Суки!

Я, хорошо помня про «царскую морду», который под чужим именем действовал в Германии, возразил:

– Не скажи. Эсэсовцы, конечно, обрыбятся, а того же пехотинца, который оружие повернет против гитлеровцев, вполне можно антифашистом назвать. Вспомни, что в листовках, которые на Берлин скидывали, говорилось? Да и среди немецких генералов фанатиков не осталось. Они ведь отлично понимают, что все – война проиграна и дело за малым. Помощи ведь ждать неоткуда, так как северную группировку, считай, почти дожали.

Змей меня поддержал:

– Ага. Когда наши открыли коридоры для прохода мирных жителей и сдающихся солдат, аж пять генералов вышло добровольно. И солдат в общей сложности около тридцати пяти тысяч. Вышло бы гораздо больше, если бы эсэсманы не начали дезертиров пачками стрелять. Но все равно, получается – не зря стояли, блокировав город. Это же сколько жизней наших бойцов тем самым сэкономили?

Пожевав губами, я прекратил дискуссию:

– Ладно, чего сейчас говорить – вечером все подробно узнаем. А сейчас – Макс, дай ЦУ водиле автобуса и по машинам! – Народ начал выполнять приказание, а я, поймав Искалиева за ремень разгрузки, спросил: – Ты запасные аккумуляторы взял? Хорошо! Тогда – рацию на прием и лови все, что услышишь! Что-то важное про Берлин начнут говорить, посигналите, а мы остановимся и послушаем. Понял?

– Так точно!

– Тогда – вперед.

Подтолкнув Жана и чувствуя в горле какой-то комок от радостного возбуждения, я уселся за руль и, оглянувшись на Мишку и Гека, которые уже расположились среди вороха гранатометов, подмигнул сидевшему рядом Шаху:

– Что, друже? Счет, можно сказать, на часы пошел?

– Скорее на дни. Фрицы там хорошо окопались...

– Да какая в жопу разница?! Как бы они там ни брыкались, штурм долго не продлится! Вот поверь моим словам, дней через пять, к десятому сентября, все закончится.

Марат как-то несмело улыбнулся:

– Знаешь, командир, я только за...

– Вот и добре. А вернемся – всех на фиг пошлем и в штаб фронта поедем. Из сводок толком ничего не понять, а там подробно узнаем, что и как!

После чего, врубив передачу, надавил на газ.

Пока мужики обсуждали эти, без сомнения, потрясающие новости, я обдумывал, что и как сейчас могло происходить в Берлине. Обдумывал, исходя из имеющихся у меня сведений. Так-так, и что получается? А получается то, что город полностью блокирован чуть больше двух недель, и что наши действовали, учитывая кенигсбергский опыт. То есть засыпали город листовками с призывами сдаваться, а также указанием коридоров выхода для мирных жителей и тех солдат, которые пожелают сложить оружие. Было развернуто несколько полевых радиостанций и установлено множество громкоговорителей, через которые те, что уже вышли, рассказывали о своей жизни. Ну это относится к прянику.

К кнуту можно отнести то, что, невзирая на мощнейшее зенитное прикрытие, город постоянно обрабатывался авиацией. В смысле не весь город, конечно, а район рейхстага, рейхсканцелярии, МВД, и прочих значимых административных пунктов. ОДАБы и тяжелые фугаски очень способствовали выработке правильного мышления у гарнизона и жителей города, поэтому народ шел валом. Правда, уходило бы гораздо больше, но эсэсовцы начали зверствовать и применять массовые расстрелы, что, в принципе, не добавляло им любви горожан и обычных солдат. Зато каждый вышедший пропусклся через фильтр, и наши офицеры после допросов скрупулезно наносили на карту узлы сопротивления. После чего наиболее крупные из них обстреливались артиллерией и штурмовались авиацией. Судя по показаниям новых пленных, это давало неплохие результаты. Но, с другой стороны, когда гитлеровцы превращают в опорный пункт чуть ли не каждый дом, без зачистки пехотой все равно не обойтись. Можно город в щебенку превратить, только из подвалов один черт будут стрелять... М-да, это не Кенигсберг, откуда наиболее фанатичные ушли на запад, это столица Третьего рейха, и уходить гитлеровцам просто некуда. Тем более что в городе, можно сказать, остались самые «сливки» НСДАП.

И вот тут возникает вопрос, а что там за антифашисты появились? Марат, усомнившийся в их существовании, был, конечно, прав. Еще полгода назад всех антифашистов Берлина насчитывалось в лучшем случае пара сотен человек и сидели они тихо, как тараканы под плинтусом. Откуда же их столько взялось, что они умудрились поднять восстание? Но, кажется, я знаю откуда...

Гельмут фон Браун (блин, Браунов в Германии, как в России Ивановых) после раскрытия заговора и самого факта переговоров с русскими сначала сбежал в Швейцарию, но потом, сменив фамилию, вернулся в фатерлянд. О его судьбе мне, разумеется, никто не докладывал, но по кое-каким намекам можно было понять, что Гельмут продолжает вести свою работу среди той части генералитета и промышленников, которые не попали под гестаповские чистки. И опять-таки основываясь на косвенных фактах, можно предположить, что основным лицом, с которым контактил Браун, был Эрвин Роммель. Да-да, тот самый герой Африки, который в Молдавии очень крепко получил по зубам. Причем как в прямом, так и в переносном смысле. После разгрома его корпуса на Днестре, раненого Роммеля, которому во время бомбежки штаба камнем выбило передние зубы и осколками повредило легкое, переправили на лечение в рейх.

Два месяца назад он полностью вылечился и сейчас находится в Берлине на должности первого заместителя коменданта города. И вот вопрос: мог ли Гельмут распропагандировать «Лиса пустыни»? Я думаю – вполне мог. Роммель – мужик достаточно трезвомыслящий и отлично понимает, что капут не просто близок – он уже настал. Впрочем, этим пониманием уже никого не удивишь, но в отличие от остальных генералов вермахта, воевавших против нас и находящихся сейчас в Берлине, Роммель чувствует себя белым и пушистым. Ведь в СССР этот вояка себя практически никак не проявил. Возможно, просто не успел, но любому: обвинений в военных преступлениях со стороны Союза ему можно не опасаться. В принципе, в Африке он тоже в чем-либо предосудительном замечен не был, но тут в полный рост встает мстительность англичан. То, что он горсткой солдат гонял союзнические

войска по всей Ливии и Египту, «лайми» ему припомнят, вне всяких сомнений. А при желании и «военные преступления» накопать всегда смогут...

И вот здесь возникает интересный вопрос: предполагая подобные расклады, мог ли Роммель поднять свои части на мятеж? Особенно зная, что ударив изнутри, спасет не только миллионы жизней мирных людей, за которых как помощник коменданта несет прямую ответственность, но еще и заработает большие бонусы от советского правительства? Какие, я даже не могу предполагать, но уж заступничество на предстоящем суде – это точно! А это очень, очень весомо, особенно, когда ближайшее личное будущее совершенно туманно и не исключено, что катастрофично.

М-да... в этом случае Роммель вполне мог рискнуть сыграть в свою игру. И это объясняет слова диктора насчет антифашистского восстания. Начни дергаться гражданские, их бы задавили моментально, но если выступят вооруженные не только стрелковым оружием военные...

Нет, как вернемся, тут же в штаб фронта надо ехать, тем более что Кравцовых именно там ждут, для дальнейшей переправки в Москву.

Тут, отвлекшись от мыслей о штурме немецкой столицы и вспомнив, куда я собственно еду, я повернулся к Михаилу и спросил:

– Слушай, Миш, а как вы дом-то свой бросили? Виноградники, земли... Это что – теперь так и пропадет?

Кравцов, сдвигая в сторону мешавшую ему трубу гранатомета, удивился:

– Почему пропадет? Там остался управляющий, который будет следить за домом и за всем остальным. Мы уже прикинули, что на несколько лет нам во Францию путь заказан, поэтому мсье Лямонж будет распоряжаться всем хозяйством и переводить деньги в один из банков Цюриха. Так что мы вовсе ничего не теряем, а только приобретаем свою старую-новую Родину. Да и на первое время, чтобы начать свое дело в России, – тут Мишка на секунду замаялся и поправился: – В СССР, у нас сбережений вполне хватит!

Я улыбнулся:

– Молодцы! Сразу видно деловую хватку!

Кравцов в ответ тоже сверкнул зубами в улыбке:

– Ну ведь не совсем же тупые, тем более к отъезду давно начали готовиться, а появление англичан просто чуть-чуть его ускорило и немного изменило маршрут. – Сказав это, собеседник протянул руку и добавил: – Вон, где дерево с сухой верхушкой, съезд с основной магистрали. Нам туда.

Кивнув, я притормозил, вписываясь в поворот, и уже хотел было спросить, каким именно маршрутом Кравцовы изначально думали выбираться, как машину подбросило на выбоине, и вместо вопроса, чуть было не прикусил себе язык. Выругавшись сквозь зубы и сосредоточившись на дороге, я возмутился:

– Что за похабщина? Вот блин, Европа называется – шаг в сторону и по колено в дерьме!

Михаил, который, подлетев вместе со всеми, приземлился на автомат Гека, шипя и по новой раскладывая вокруг себя тубусы гранатометов, пояснил:

– Сейчас эта дорога закончится, мы выедем на грунтовку, которая идет через поля. Так до Линсона ближе всего получится. Просто если ехать дальше по шоссе, то большой крюк выйдет. А тут я позавчера на велосипеде за два часа доехал...

– Понятно... Мне только вон те кюветы не нравятся. Если что – автобус не развернется.

– И что здесь может быть? Немцы ушли, союзники еще толком территорию не освоили, местные по домам сидят.

– А... – Я махнул рукой. – Не обращай внимание. Это так – профессиональная паранойя.

Марат, слушавший наш разговор, хохотнул:

– Точно подмечено! Мне один знакомый летун рассказывал, что он как нормальный человек передвигаться уже не может. Куда бы не пошел, постоянно на землю смотрит и

отмечает все камешки, веточки, кочки, пучки травы.

Я удивился:

– Почему на землю? Они вроде через плечо каждые сорок секунд поглядывают...

– Так то истребители, а я про штурмовиков говорю. Вот такой и идет, взгляд не поднимая, – все ориентиры пытается засечь. И ему уже разницы нет – в воздухе он или на земле. А самое главное, что все остальные летчики полка ведут себя так же.

– Да-а... долго народ еще будет очухиваться и к мирной жизни привыкать...

Мы помолчали, думая каждый о своем, а потом Кравцов неожиданно сказал:

– Знаешь, Илья, когда я окончательно поверил твоим словам про перемены в России?

Я пожал плечами.

– Когда тебя «кровавая гэбня» не к стенке поставила, а обедом накормила?

Мишка фыркнул:

– Нет. Когда этот самый обед принес пожилой ефрейтор, у которого помимо советских медалей на гимнастерке был солдатский «Георгий» четвертой степени. Я ведь помню рассказы отца, как красные к царским наградам относились... А тут вдруг в военной контрразведке встречаю человека, который носит награду Российской империи! Честно скажу – был потрясен. Потрясен и обрадован! Ведь даже такая мелочь может показать, насколько далеко зашли перемены в СССР!

Хе, услышав эти слова, я вспомнил, как сам был потрясен, когда в «Правде» появилась фотография Буденного, на которой хорошо было видно, как среди советских орденов очень органично разместились четыре солдатских «Георгия». И статья с постановлением СНК СССР служила словно пояснением к этому фото.

До этого царские награды за Первую мировую войну люди иногда носили, но, разумеется, явочным порядком. Командование этому не препятствовало, только комиссары, превратившиеся впоследствии в политруков, периодически вякали против, но и то без души, а так, чисто для проформы. А постановление Совета народных комиссаров все расставило на свои места. В нем говорилось о преемственности боевых традиций и сохранении должного уважения к героям, громившим немцев в империалистическую войну. Говорилось, что подвиги, совершенные при защите Родины, остаются подвигами, невзирая на существующий строй. И последней точкой постановления было то, что георгиевские кавалеры приравнивались к кавалерам ордена «Славы», со всеми положенными им льготами¹⁷.

М-да, этот указ, как и все остальные нововведения, был очень в тему. Но остальные все больше касались мирной жизни, а здесь он напрямую относился к армии, и я сам видел, как седые солдаты не скрывали слез радости, размещая свои крестики на гимнастерке согласно статуту ордена. И теперь нередко можно было увидеть солидного старшину, полковника, а то и маршала, на груди которого с левой стороны поблескивали дореволюционные солдатские ордена.

Но я к этому уже привык, воспринимая как само собой разумеющееся, а Кравцова, получается, торкнуло по полной программе. Хотя, мне кажется, что при принятии постановления среди прочих резонов учитывалась и такая реакция.

Поэтому сейчас, видя волнение Мишки, я ухмыльнулся:

– И что тебя так удивляет? А насчет перемен... царские награды – это настолько малая

¹⁷ Данный закон действительно рассматривался в реальной истории в 1944 году, но, к сожалению, так и не был принят. Текст проекта: ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР. 24 апреля 1944 г. В целях преемственности боевых традиций русских воинов и воздания должного уважения героям, громившим немецких империалистов в войну 1914–1917 гг. СНК СССР постановляет: 1. Приравнять бывших георгиевских кавалеров к кавалерам ордена Славы и назначить им соответствующие льготы. 2. Разрешить бывшим георгиевским кавалерам ношение на груди колодки с орденской лентой установленных цветов. 3. Лицам, подлежащим действию настоящего постановления, выдается орденская книжка ордена Славы с пометкой «бывшему георгиевскому кавалеру», каковая оформляется штабами военных округов или фронтов на основании представления им соответствующих документов (подлинных приказов или послужных списков того времени).

их часть, что и говорить особо не о чем. Вот в Союз приедешь – сам все увидишь. Ты лучше расскажи, как вы жили после моего отъезда?

Кравцов, переключившись с впечатлившего его ефрейтора на свою семью, начал говорить, и под эту беседу мы незаметно доехали до Линсона. На холме перед въездом в город остановились. Первым делом я поинтересовался у подошедшего Жана:

– Что слышно?

– Разное, но про Берлин ничего.

– Жаль...

Выплюнув сорванную травинку, я достал свой «цейс» и присоединился к Марату, который уже внимательно оглядывал в бинокль раскинувшуюся перед ним панораму.

Мишка, стоя рядом, показал пальцем:

– Вон, видите красная крыша с флюгером в виде кораблика? Мы в этом доме остановились.

Кивнув, показывая, что его слова приняты к сведению, я продолжал рассматривать улочки и дома маленького городка. Вроде все тихо, и никаких следов пребывания посторонних, в виде трупов на улицах, беготни или догорающих автомобилей, не видно. А видна как раз таки обычная гражданская жизнь, особенно главный ее показатель: тетки, спокойно идущие по своим делам, и играющие детишки.

Кравцов, глядя из-под руки туда же, куда и мы, поинтересовался:

– Вы что? Патрули союзников высматриваете?

Досадливо дернув плечом, я ответил:

– При чем тут союзники? С ними мы разойдемся, просто козырнув друг другу. Ну если только они, увидев террор-группу, нашу униформу на сувениры не начнут выпрашивать.

Михаил поднял брови:

– А если начнут?

– Если начнут... Хм, в моей оружейной коллекции есть один пробел, так что, думаю, договоримся... Бр-р... – Тряхнув головой и избавляясь от заманчивого видения вороненого, с деревянными щечками, «кольта M1911A1»¹⁸, я вернулся к главной теме: – Меня сейчас другое интересует: в штабе полка сказали, что последние бои в этих местах они вели в основном с эльзасским фольксштурмом и остатками двадцать третьей гренадерской дивизии, в которую входил семидесятый полк СС. Фольксов и эсэсманов наши расколошматили в пух и прах, но мелкие группы гитлеровцев до сих пор ночами просачиваются за Маас... Народное ополчение уже, конечно, разбежалось, а вот эсэсманы...

Шмидт, прислушивающийся к разговору, понимающе вставил:

– А сьемдесятый полк СС – это потрасделение «Фаллония», ф котором польшинство состафляют пельгийцы...

Кивнув, я поправил:

– Там разного европейского отребья хватало, но костяк, действительно, – бельгийцы. И меня терзают смутные подозрения насчет того, что эти козлы после разгрома на родину намылятся. Среди своих им проще будет затеряться. Значит, они сейчас не в тутошних лесах прятаться будут, а на север уходить, и поэтому не исключена возможность встречи.

Марат, оторвавшийся от бинокля, выразил сомнение:

– Здесь вряд ли пойдут – наши хоть и за рекой, но разведка местность контролирует. Да и днем из укрытий вылезать они ни за что не рискнут.

– Так о чем я и говорю. Убедились, что городок чист? Тогда – по машинам!

Рассевшись на свои места, мы начали потихоньку спускаться с холма, а потом, следуя указаниям Кравцова, поехали по узким улочкам городка к нужному дому. В том, что Линсона война совсем не коснулась, я убедился сразу, так как при виде вооруженных людей немногочисленные попадающиеся нам навстречу люди не стремились нырнуть в ближайший

¹⁸ Автоматический пистолет 45-го калибра, состоящий на вооружении армии США.

дом, а наоборот, останавливались и с интересом поглядывали на проезжающих. Наверное, пытались вычислить национальную принадлежность бойцов. Только вряд ли им это удастся – на машинах опознавательных знаков нету, а на камуфляже эти знаки тем более не предусмотрены. Но я не учел зоркости местной ребятни. Ехали мы медленно, и пацанва, умудрившись разглядеть зеленые звездочки на пилотках и фуражках, тут же завопила:

– Советик, советик! Вива ля Рюси!

Взрослые тоже оживились, и поэтому пришлось помахать им ладошкой. Но собирать здесь митинги, да и вообще как-либо задерживаться мне вовсе не улыбалось, поэтому я только газу прибавил. А минут через пять вся колонна остановилась возле двухэтажного дома, крытого красной черепичной крышей, с флюгером на коньке, где в беседке, стоящей за небольшим заборчиком я увидел Аристарха Викторовича собственной персоной. Разглядев рядом с ним Игната Киреевича, даже не удивился и, выпрыгнув из джипа, скомандовал своим людям:

– Оглядеться по периметру! – После чего, пройдя вслед за Михаилом через калитку, козырнул взволнованно привставшему генералу: – Здравия желаю! Подполковник Лисов для эвакуации вашей семьи прибыл!

Аристарх Викторович растерянно посмотрел на своего сына, который улыбался во весь рот, потом на меня и потрясенно выдохнул:

– Илья Иванович, неужели это вы? Как же Миша вас нашел?

Кравцов-младший, обнявший отца, ответил за меня:

– Это Илья меня нашел! Но предлагаю оставить разговоры на потом и начать собираться. Нам до вечера надо успеть вернуться в расположение русских войск.

Генерал сразу подобрался и, кивнув, принялся отдавать распоряжения появившимся домочадцам. Правда, те не очень спешили их выполнять. Сначала все поздоровались со мной, потом я представил им Марата, стоявшего рядом. Потом откуда-то прибежал Петька, вымахавший за время, что я его не видел, чуть не на полголовы. Прибежал не один, а в компании еще двух пацанов. Те в смущении остановились поодаль, а Петруха, пожимая нам руки, гордо поглядывал на них. Но его степенность моментально улетучилась, когда он вблизи разглядел униформу и оружие приехавших. Глаза у самого младшего Кравцова стали по пять копеек и он шепотом поинтересовался:

– Илья Иванович, так вы что – «невидимка»?!

– Да ну?! – С деланно-испуганным видом я повернулся к Марату: – Шах, ты меня видишь?

– И даже слышу...

– Это хорошо, а то вот этот парень сказал, что я превратился в персонаж из книги Уэллса...

Петька надулся, но ответить на подначку не успел, так как его отец, глядя на столпотворение возле машин, повысив голос, разогнал всех заниматься сборами. После чего, обращаясь ко мне, пояснил:

– Господин... к-хм... товарищ подполковник, прошу нас извинить. Просто мы никак не ожидали, что все решится настолько быстро, вот и не были готовы. Сборы займут около часа, поэтому, может, пока вы и ваши люди желаете отобедать?

– Благодарю, господин генерал, но мы недавно ели. А сейчас лучше будем следить за обстановкой, чтобы ничто не помешало отъезду.

– Понятно, – кивнул Аристарх Викторович, – но я скажу Шурочке, чтобы она хотя бы угостила вас морсом и печеньем.

Легкий перекус всеми был воспринят с энтузиазмом, и через десять минут мои пацаны всюю жевали, не забывая при этом контролировать окружающую местность.

А чуть позже появился какой-то толстый мужик, подпоясанный трехцветным шарфом, на голове которого красовалось приплюснутое подобие цилиндра, а на шее висела цепь, толщиной с запястье. Странного толстяка сопровождало еще пятеро не менее колоритных личностей, вышагивающих с важностью перекормленных павлинов. Хорошо еще, что о их

приближении заранее предупредил Змей, который, поев, ушел на «фишку», а то бы мы нехило переполошились. А все потому, что за странной пятеркой двигалась толпа, человек в сто, запрудившая всю улицу. Но Козырев четко доложил: дескать, идущие по улице – гражданские, с большим количеством женщин и детей, и, судя по всему эти люди, вовсе не воевать намылились.

Змей оказался прав – воевать никто не собирался. Толстяк и его расфуфыренная свита оказались мэром с советниками, а все остальные – просто жителями Линсона, прознавшими, что в их городе появились русские военные. Видно, мэр еще сам толком не знал, под чьей юрисдикцией останется их большая деревня, вот и поспешили отметить хотя у каких-то возможных представителей новой власти.

Ну да, мобильный патруль союзников через Линсон проскочил не останавливаясь, а тут мэру доложили, что русские не только приехали, но даже вышли из машины, после чего он и поспешил «наводить мосты». Отмазаться от общения у меня не получилось и беседа вылилась в стихийный митинг, на котором переводчиком выступал Аристарх Викторович. Хорошо хоть, я за последнее время наблатыкался говорить перед достаточно большими скоплениями народа и поэтому, не ударив в грязь лицом, смог толкнуть не только более-менее связную, а еще и красивую речугу. А когда после моего заключительного: «Вив ля Рюси, вив ля Франс!», толпа восторженно взревела, слово опять взял толстяк. Правда поняв, что мы не собираемся брать власть в городе, мэр несколько потускнел, но в ответной речи не подкачал и выразил огромную благодарность как союзникам в целом, так и доблестной Советской армии в частности. Он разглагольствовал минут десять и закончил выступление приглашением на праздничный обед в нашу честь.

Услышав про обед, Пучков настолько взволновался, что мне пришлось, не переставая улыбаться, краешком губ прошептать:

– Гек, угомонись! Тебе что – лавры Паниковского покоя не дают? Ты учти – он плохо кончил!

– А в чем проблема? Мы ведь себя не выдаем за участников автопробега и потчевать нас собрались именно как героических солдат-освободителей! А мы они и есть!

– Угу – аз есмь царь... Проблема не в жратве, а во времени, которого у нас нет. Сам прикинь, сколько мы тут его уже потеряли...

И после этих слов, подняв руки и привлекая к себе всеобщее внимание, попросил Аристарха Викторовича:

– Поблагодарите французов от нашего имени, но скажите, что мы не можем больше задерживаться. Дела службы зовут. В общем – всем спасибо, все свободны!

После чего, отрядив Макса и Змея помогать таскать вещи, мы, моментально окруженные толпой, стали отвечать на рукопожатия, объятия, а иногда даже и поцелуи (исключительно особ женского пола), получаемые от радостных жителей и жительниц городка.

А когда все чада и домочадцы Кравцова загрузились в автобус, я, усевшись рядом со сменившим меня за рулем Шарафутдиновым, не переставая улыбаться и махать рукой не желающим расходиться французам, скомандовал:

– Вперед!

И наша колонна, медленно раздвигая народ, направилась к выезду из Линсона.

Глава 10

Ласковое осеннее солнце хоть и клонилось к закату, но было совершенно по-летнему тепло. А вокруг наших катящих по проселку машин расстилался обыкновенный французский пейзаж. Слева канал, берега которого поросли мелкими кустиками, справа луга, окаймленные лесом, теряющимся в дымке. А сама дорога, изгибаясь, уходила вдаль, через пологие холмы. В общем хоть картины рисуй! Эх, жалко я не художник! Сейчас бы стоял с мольбертом, в берете и толстовке да размешивал краски, подбирая палитру, чтобы передать

все эти восхитительные цвета...

Ду-ду-ду-ду-ду. Чах-чах-чах-чах-чах. Твою дивизию! Да что же это такое?! Только подумаешь про картины, как обязательно какая-нибудь сволочь все возвышенное состояние души так и норовит испоганить! Марат тоже услышал этот звук, поэтому ударил по тормозам и через пару секунд уверенно сказал:

– Там, за холмами, MG¹⁹ работает. И еще что-то. Только не пойму что.

Я чертыхнулся.

– Вот только этого нам для полного счастья и не хватало! А ведь как хорошо ехали!

Но, оглянувшись назад, я понял, что, может, ехали мы и хорошо, вот только встали очень плохо.

Идущий последним в колонне автобус затыкал узенькую дорогу, как пробкой, а глубокие кюветы не давали ни объехать это чудо немецкого автопрома, ни ему самому развернуться. Причем вон там, впереди за холмом, этих придорожных канав не было. Сзади, километрах в двух – тоже. А здесь, зараза такая, как нарочно, встряли так, что быстро сдать назад не получится...

Чах-чах-чах-чах-чах! Блин, стрельба, затихшая на несколько секунд, возобновилась и как будто приблизилась. Поэтому, выскочив из «ГАЗона», я приказал:

– Шах, ну-ка смотайтесь вперед, гляньте, что там за хрень творится, а я пока скажу водиле автобуса, чтобы уматывал отсюда...

Гек при этих словах соскочил с заднего сиденья, споро опустил лобовое стекло джипа и, взведя автомат, уселся на мое место, а Шарафутдинов, дождавшись, пока он совершит все эти действия, нажал на акселератор и рванул в сторону перестрелки. Я же, придерживая хлопающую по заднице планшетку, побежал в конец колонны. Проскочив мимо «УльЗиСа», захватил с собой Жана, а, когда приблизился к «опелю», спокойно вошел в салон и, улыбаясь, объявил:

– Товарищи, там впереди какая-то перестрелка и, чтобы не попасть под шальную пулю, мы сейчас отгоним автобус к повороту.

Аристарх Викторович невозмутимо кивнул и поинтересовался:

– А что именно там происходит?

Пожав плечами, я ответил:

– Не знаю, только что разведку послал. Но могу предположить, что это союзнический мобильный патруль немцев по дороге гонит. Причем в нашу сторону... – А потом, повернувшись к водиле, тихо спросил: – Ты задом-то ездить умеешь? Не уронишь свой пепелац в канаву? Учти, тут далеко катить придется.

Парнишка кивнул, но как-то неуверенно, и я, порадовавшись своей предусмотрительности, приказал Даурену:

– Жан, садись за руль и отгони эту каракатицу во-о-он к тем деревьям. Там развернешься, ну и дальше по обстановке...

Искалиев ответил «есть!», но, сгоняя шофера с водительского места, спросил:

– Так, может, все поедем?

– Не выйдет. Задним ходом эта бандура минут десять в прямой видимости маячить будет. А если там гонят фрицев, которые на мотоцикле с пулеметом катят? Они нас увидят да саданут очередью издалека. Могут зацепить гражданских. Так что, нет – поезжай сам, а мы тут встанем и недобитков встретим как положено. Но если, когда вы до леса доедете, никто не появится, мы к вам присоединимся сразу.

Жан этим объяснением удовлетворился и, нажав на стартер, завел двигатель. Но прежде чем выйти из автобуса пришлось выдержать напор Михаила, который тоже вознамерился остаться. Уперев ему ладонь в грудь, я возмутился:

– Ну и куда ты лезешь? У тебя сейчас задача – семью охранять! Вот ее и выполняй!

¹⁹ Mashinen-Gehver – единый пулемет вермахта калибра 7,92 мм.

Глядя на Мишку и водила тоже полез было наружу. Но я только рывкнул, приказав находиться на вверенной ему технике, и, выскочив из «опеля», рванул к «додику». А там мужики не сидели без дела. Моментом оценив обстановку и поняв, что автобус по-любому надо прикрыть, они уже сняли ДШК²⁰ с турели и теперь, оттащив эту бандуру к канаве, цепляли пулемет к станку. Колесный ход и бронешит от «крупняка» мы с собой, разумеется, не возили, но вот зенитная тренога, закрепленная на борту вездехода, пришлась очень кстати. Установленная в кювете, она исключительно хорошо подошла по высоте, и теперь стоящий пулеметчик, с одной стороны, был, как в окопе, а с другой – мог контролировать дорогу от нас до вершины ближнего холма. Подойдя к пытящим ребятам ближе, я усмехнулся:

– Ну вы, блин, даете. И не лень ведь. Но придумано хорошо: только бегущие гитлеровцы на холме появятся, как мы их моментом уконтрапупим!

Змей промолчал, а Макс, вставляя стопорный палец, высказался:

– Фот, а ты фсе кофориль – сачем нам этто крепльенье с сопой фосить? Только, как фитишь, – прикотилось!

Я уже хотел было достойно ответить нашему уставнику, но тут на холме появился «ГАЗик» с ребятами. Ехали они шустро, а Лешка при этом еще и размахивал руками, пытаясь до нас что-то донести. Блин! Что-то он чересчур активно семафорит. И, как мне кажется, – не к добру эта жестикуляция. Пока я соображал, джип подлетел к нам, и Шах, увидев пулемет в кювете, довольно осклабилсся, а Гек взволнованным голосом сообщил:

– Немцы!

Я переспросил:

– Патруль немцев гоняет?

– Наоборот, это фрицы преследуют какой-то «виллис»! Минут через пять здесь будут!

– Ого! И много их там?

– Двести двадцать первый броник²¹, три крытых «блитца»²² и двести пятьдесят первый БТР²³. БТР не просто так, а с двадцатимиллиметровой зенитной пушкой. Что в грузовиках, сказать не могу, но явно не пустые идут...

– Яп-п-понский городской!

Да знай я заранее подобные расклады, то этот долбанный автобус спихнули бы в кювет, пассажиров разместили на двух наших вездеходах и свалили отсюда, от греха подальше! А теперь, глянув на «опель», который за эти несколько минут отъехал метров на семьсот, стало понятно, что поздно пить боржоми и предстоит драться с нехилой толпой гитлеровцев, если мы не хотим, чтобы семью Кравцовых походя расстреляли из проезжающего бронеавтомобиля. Поэтому средства передвижения фрицев нам нужно выбить по-любому.

М-да, средства передвижения... больше всего меня тревожил «бэтээр»²⁴ с зениткой. «Дашка»²⁵, конечно, его на запчасти разберет, но только в том случае, если он с холма спустится и подъедет к нам хотя бы метров на чetyреста. Только фрицы не дураки и, увидев

²⁰ Крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина калибра 12,7 мм.

²¹ SdKfz 221 – легкий разведывательный броневомобиль.

²² Opel «Blitz» – немецкий грузовой автомобиль грузоподъемностью 3 тонны.

²³ SdKfz 251 – средний полугусеничный бронетранспортер, разработанный фирмой Hanomag. В данном случае описывается его зенитная модификация SdKfz 251/17.

²⁴ Жаргонное название бронетранспортера.

²⁵ Жаргонное название ДШК.

непонятки на дороге, остановятся у подножья этого бугра и начнут выбивать противника с километровой дистанции, идеально приспособленной для Flak-38²⁶. Все эти мысли пролетели буквально за пару секунд, и, оценив ситуацию, я начал отдавать приказы:

– Гек, бери гранатомет, выстрелы и мухой, слышишь – мухой, дуй к холму. Твоя основная задача – уничтожить зенитный БТР. Хотя жопой на него садись, но стрелять он не должен! Змей тебя будет прикрывать. Давайте, ребята, – вперед! И рации не забудьте!

Неразлучная парочка напаялила на себя гарнитуру, после чего, подхватив РПГ и сумку с выстрелами, во все лопатки дунула занимать позицию.

– Макс, – ты на пулемете. Подпускаешь броневую машину поближе и гасишь его. Потом тут же переносишь огонь на грузовики. Бей по кузовам, а то, если оттуда солдаты выскочат, нам тяжело придется!

– Йест! Толко, если зольдатен сразу среагируют и саягут са камнями, что фозле канала лешат, фсех уничтожить не получится. Сектор опстрела нье посфолит нормально контролирофать лефый фланг.

– Мочи тех, кого получится! И будь готов к тому, что пацанам не удастся «двести пятьдесят первый» грохнуть. Поэтому, если зенитка начнет приближаться – весь огонь на нее! Да и еще – один с «дашкой» управишься?

Шмидт кивнул, а мы с Маратом, надев гарнитуры раций, рванули в ту же сторону, куда убежали наши братья-проглоты. Просто сейчас нам надо занять позиции с таким расчетом, чтобы пулемет оставался метрах в пятидесяти, в тылу.

А пока бежали, я увидел, как на вершине холма появился «виллис» и начал спускаться вниз по дороге. Скорость передвижения у него была километров тридцать, не больше. Шах, тащивший связку одноразовых гранатометов, увидев это, пропыхтел:

– Скаты пробиты, поэтому и тащится так медленно. Непонятно только, почему они машину не бросили и в поле не ушли?

– Почему, почему... – Свалившись в канаву, я достал бинокль и, глядя на ковыляющий джип, с большой белой звездой, наклеенной на капоте, ответил: – Да потому, что это союзники, мать их! Пешком ходить разучились, а теперь, собрав все окрестное недобитое говно, тащат его в нашу сторону!

Шарафутдинов кивнул и, что-то прикинув, сказал:

– Я на ту сторону дороги пойду.

– Угу, только пару «граников» оставь.

Марат, выполнив требуемое, метнулся к противоположному кювету, а я, переведя взгляд с «виллиса» на автобус, увидел, что нашему «опелю» до поворота осталось пятьдесят метров. Сначала даже удивился, почему это Жан так долго копается, но, мельком взглянув на часы, понял, что с того момента, как я расслабленно сидел в «газике» и думал о картинах, прошло не больше десяти минут. Соответственно Даурен эти два километра задним ходом проехал просто с рекордной скоростью.

Союзническому вездеходу, в котором, судя по звездам и по каскам, сидели америкосы, оставалось прокатиться до нашей позиции всего ничего, когда на гребне холма появился гитлеровский броневый автомобиль. Немецкий водила, увидев на дороге кроме «виллиса» еще две незапланированные машины, дал по тормозам, и тут пулеметчик наконец-то смог себя показать. Пока броник ехал, толком прицелиться у него не получалось, зато сейчас, в результате длинной очереди MG, от джипа полетели какие-то ошметки и он, не снижая скорости, с размаху влетел в кювет.

«Двести двадцать первый» несколько секунд постоял неподвижно, а потом, настороженно поводя стволом, торчащим из кургузой башенки, стал медленно спускаться вниз. Меня при виде угловатой, пятнистой машины с пулевыми отметинами на лобовом скосе брони, как это обычно бывало перед схваткой, обдало жаром. Но с этой железной

²⁶ Двдцатимиллиметровая зенитная пушка.

коробкой будет разбираться Макс, поэтому, перехватив автомат поудобнее, я перенес внимание в ту сторону, где скрывались в траве Лешка с Женькой. Сейчас от них многое зависит – сумеют они долбануть БТР, нам станет гораздо проще. Нет – будет больно об этом вспоминать. Если будет кому вспоминать...

Автобус, конечно, успел скрыться, но вот разведгруппе теперь деваться просто некуда. С одной стороны мы зажаты каналом, а с другой – чистое поле, в которое бежать смысла нет – расстреляют как зайцев. Значит, как обычно, остается надеяться на лучшее. На то, что самоходную зенитку выведем из строя, а потом рассеем немцев, отбив у них всякую охоту так нагло выпендриваться. И кстати, насчет выпендриваний – совершенно непонятно, с чего они настолько обнаглели? Днем, на технике, по дороге... пусть это не рокада, а мало кому известный проселок, но один черт! Тут, наверное, одно из двух – или амеры на них случайно наткнулись, и фрицы вынуждены были адекватно реагировать, пытаясь уничтожить свидетелей, или немчура действительно нахально перла по дороге, воспользовавшись отсутствием здесь войск противника.

Хм... первый вариант мне как-то не очень – зачем гнать одну легковушку такими силами? А вот второй, похоже, имеет право на жизнь. И вполне может быть, что это эсэсовцы из «Валлонии», которые к дому рвутся. Ведь протяни они еще день-два, и подобный прорыв станет маловероятен. А сейчас, пока здесь безвластие и по округе шмыгают только разведгруппы да мобильные патрули, никто не сможет им помешать при известной доле удачи идти маршем до тех пор, пока бензин в баках не кончится. То есть – до самой Бельгии.

И если принять эту гипотезу, то все становится на свои места. Фрицы, получается, не стали дожидаться ночи и начали выдвижение еще засветло. Уж не знаю, откуда они шли, но то, что на американцев наткнулись недалеко отсюда, это точно. У «виллиса» даже не вся простреленная резина с задних дисков облететь успела. И получается, что гитлеровцы вовсе не гонялись за машиной союзников, а шли своей дорогой. Ну а американцы, не имевшие возможности свернуть, просто служили объектом раздражения, маячившим перед глазами пулеметчика головного бронеавтомобиля.

Да уж... в этом случае мы союзничков водкой поить должны. Ведь если бы не они, то наши машины лоб в лоб столкнулись с механизированной вражеской колонной. И – пипец... расстреляли бы немцы в упор и джипы, и автобус...

Пока я все это соображал, на вершине холма следом за «двести двадцать первым» появились один за другим три грузовика и БТР. Вся эта кавалькада съехала вниз и остановилась, а разведывательный бронеавтомобиль медленно поехал к нашим вездеходам. Глядя на все это, я только сплюнул. Ну конечно, немцы ведут себя по всем правилам военной науки! Увидели непонятку на дороге и послали вперед разведку, оставив основные силы в отдалении. От нас до грузовиков было метров восемьсот и на таком расстоянии «дашка», снаряженная бронебойно-зажигательными патронами с пулей Б-32 ни фига усиленную лобовую броню «двести пятьдесят первого» не возьмет. Да в него на таком расстоянии еще и просто попасть надо – пулемет ведь не снайперская винтовка... И ребятам с их позиции до зенитки метров двести ползти... Твою маман, да что ж все так раком-то складывается!

В этот момент я услышал какое-то шлепанье по канаве и направил ствол автомата в сторону новой напасти. Напастью оказался перемазанный, как чушка, америкос, который, передвигаясь на карачках, целеустремленно двигался в мою сторону. Он был так занят бегством, что меня заметил только тогда, когда подполз практически вплотную, и я шепотом по-английски ему приказал:

– Лежать. Не шевелиться. Оружие не трогать.

Американец (судя по проглядывающим через свежую грязь нашивкам, это был сержант) застыл, вылупив глаза, но при этом осторожно стал подтягивать за ремень свою М-

1²⁷. Качнув стволом, я пресек эти поползновения и веско добавил:

– Шевельнешься – убью!

Сержант понял, что шутить никто не собирается, и застыл, а я, костеря про себя так не вовремя появившегося амера, как хамелеон, одним глазом косил на него, а вторым на приближающийся броник. Он как раз остановился, не доезжая метров двести до наших машин, и из башенки появилась голова с биноклем, которая принялась внимательно изучать окрестности. Увидев это, я целиком спрятался в кювете и застыл в ожидании дальнейших действий немцев. Зато амер, видя, что на него опять обратили внимание, заговорил:

– О, я видел такую форму, сэр! Вы – русский? М-м-м... подразделение террора?

Я поправил:

– Террор-группа. А ты кто такой?

– Сержант третьей бригады морской пехоты Фрэдди Говард, сэр!

– Тогда слушай сюда, сержант. Сейчас начнется бой, и мне на тебя отвлекаться не хочется. Так что сам решай – или ты уползаешь дальше, или остаешься здесь и воюешь.

Морпех думал совсем недолго:

– Я буду воевать, сэр. Там, в джипе, остался мой убитый друг, и боши еще не заплатили за это...

Очередной раз удивившись коренным отличиям американцев сороковых годов от американцев начала двадцать первого века, я неопределенно хмыкнул и приказал:

– В таком случае ползи вон туда, за камень и занимай позицию. А когда все начнется, контролируй подходы вдоль канала. Задача – не пускать немцев дальше кучи камней. Понял?

– Да, сэр. Разрешите задать вопрос, сэр?

– Чего?

– А ваших здесь много, сэр?

– Много. Пять человек.

Сержант хрюкнул и, похоже, моментально пожалел, что решил воевать вместе с отмороженными русскими, которые считают, что пятеро бойцов против усиленной броней толпы немцев – это много. Но давать задний ход парню было явно стыдно. Он только кивнул и открыл рот, чтобы спросить о чем-то еще, но не успел, так как в этот момент все и началось.

Сначала стал стрелять немецкий пулемет. Приподняв голову над краем кювета, я увидел, что фриц полоснул по чахлым придорожным кустикам, а потом перенес огонь туда, где была позиция Макса. И в ту же секунду солидно заговорил ДШК. Шмидт одной короткой очередью прошел легкий броневичок, заставив его заткнуться. И когда броневик задымился, Фауст тут же начал бить по грузовикам, один из которых сразу загорелся, а другие два осели на пробитых скалах и тоже начали пыхать дымом.

Из «блицев» густо полезла пехота, но Шмидту стало не до нее, так как с БТР захлопал зенитный Flak, постепенно нащупывая цель. Блин! Да если бы не эта сраная зенитка, мы бы их тут всех положили, не особо напрягаясь, так как против «крупняка», да еще и при отсутствии нормальных укрытий, не очень повоюешь. Только сейчас двадцатимиллиметровая пушка явно выигрывает в классе, и жидкие кустики разрывов заплясали вокруг нашей пулеметной точки. «Дашка» после этого замолчала, заставив меня покрыться холодным потом. Лихорадочно прижав тангенту рации, я дал сигнал вызова и спросил:

– Фауст, Фауст, ты там живой? Почему замолк?

Через пару секунд шипа искаженный эфиром голос Шмидта ответил:

– Шифой. Ленту меняю.

А еще через короткое время «крупняк» снова стал посылать очередь за очередью в сторону «двести пятьдесят первого».

²⁷ Американская самозарядная винтовка.

Ну и слава богу! Так, а чем у нас безлошадные фрицы занимаются? Ух ты! Поначалу порскнувшие от машин немцы не стали откатываться, на что я очень сильно рассчитывал, а наоборот, активно поползли в нашу сторону. Итиская сила, им тут что – медом намазано, или они думают, что пулемет будет работать без прикрытия? Да нет, вряд ли – дураков среди немчуры к концу войны практически не осталось. Так чего же они прут, как на буфет вокзальный? Непонятно совершенно...

Ну да ничего, когда доползут на расстояние наиболее действительного огня²⁸, покажем, что и прикрытия у пулемета есть и стрелять оно умеет хорошо. Только вот как-то многовато этой пехоты... После того как ДШК прошелся по кузовам «блитцев», из них выскочило человек двадцать как минимум. Блин, страшно даже подумать, а сколько же их в начале было?

О! Теперь заткнулась зенитка, и Фауст перенес огонь на самых резвых немцев, которые решили не ползти, а сделать короткую перебежку, пользуясь тем, что пулеметчику не до них. Ошиблись, однако... Сначала Шмидт мазал, но потом, поправив прицел, очень удачно прошел по пригнувшимся фигурам. Увидев, как тяжелая, пятидесятиграммовая пуля буквально разорвала одного шустрика пополам, остальные уже не рисковали заниматься пробежками. Но поверху, держась ближе к кустам, что росли вдоль канала, ползла малая часть солдат противника. Основная толпа нырнула в кюветы и вот-вот должна нарисоваться передо мной.

Приготовив гранату, я показал сержанту, лежащему возле камня, дескать, следи за своим сектором, а сам направил ствол автомата туда, где канава делала плавный поворот и откуда следовало ждать появления фрицев. И конечно же они появились!

Первым вышел здоровый немчура в пятнистой двухсторонней эсэсовской куртке. Так как мой комбез сливался с пучком какой-то длинной, висючей травы, в первую секунду он меня не заметил, за что и поплатился. Дав короткую очередь, я швырнул РГ-42²⁹ за поворот и практически сразу рванул следом за ней. Граната, как и было задумано, ударившись о стену канавы, отскочила за угол. Оттуда послышался чей-то крик, а через секунду бабахнуло! Куски поднятой взрывом грязи еще опадали, когда я выкатился за поворот и, упав возле свежееобразовавшегося труп, стал садить короткими в лежавших на земле немцев. Они, наивные, от гранаты хотели спрятаться и поэтому даже подняться не успели...

Но вот задерживаться возле них никак не следовало, потому что из-за следующего изгиба придорожной канавы, находящегося метрах в тридцати от меня, появился автомат, хозяин которого, не высовываясь, просто нажал на курок. И ведь попал, что характерно! В основном очередь прошла выше, но одна пуля ударила в бронежилет, заставив болезненно «гыкнуть», а вторая, как плетью, хлестнула по левой руке, выше локтя. Больно было – спасу нет! Аж в глазах потемнело. Но один черт я успел метнуться обратно, краем глаза заметив летящую в мою сторону «колотушку»³⁰.

После взрыва немецкой гранаты я слегка оглох, только даже частичная глухота не помешала расслышать то, что зенитная пушка снова ожила. Да маму вашу через коромысло!! Чем там эти два жлоба занимаются?! Почему БТР до сих пор «живой»? Желая прояснить этот жизненно важный вопрос, я опять схватился за тангенту, но вместо округлой пластиковой коробочки с двухпозиционной клавишей, пальцы нащупали какие-то острые обломки. Угу... отговорился. Тот сволочной фриц мне не просто в бронежилет попал и в руку ранил, он еще и средств связи меня лишил. Коз-з-ел!

²⁸ Именно «действительного огня». «Действенный огонь» могут говорить только люди, очень далекие от армии и не понимающие смысла этого выражения.

²⁹ Советская ручная противопехотная граната (наступательная).

³⁰ Немецкая ручная противопехотная граната (наступательная) (Stielhandgranaten 24).

Ладно, потом будем соображать, куда пацаны делись, а сейчас я, сцепив зубы, достал еще одну гранату и запустил ее навесом приблизительно в ту сторону, где должен был находиться противник. В ответ прилетело сразу две. Одна шлепнулась с недолетом и бахнула совершенно безопасно где-то на дороге, зато вторая приземлилась мне прямо под ноги. Хватать и перекидывать ее обратно я не стал. Даже зная, что запал у нее горит секунд пять-шесть, я просто пнул «колотушку» со всей силы так, что она аж вылетела из кювета. Вылетела и тут же шарахнула.

Вот так вот, а то знаем мы эти шуточки – опытный метальщик гранату, после того как зажжен запал, в руках держит несколько секунд и только потом кидает. А эсэсовцы, сволочи, почему-то только опытные попадаются...

Но от этого гранатного футбола я чуть не окочурился. Мало того что палец на ноге зверски ушиб, так еще и раненую руку дернуло так, что впору на стенку лезть. Поэтому, чтобы не потерять сознание в самый ответственный момент, я извлек из кармана аптечку, зубами вскрыл пластмассовую коробочку и, достав шприц-тюбик с обезболивающим, вколол его в бедро, прямо через комбез. На секунду прикрыл глаза и только полез за очередной гранатой, как вдруг звук, донесшийся с дороги, заставил нутро сжаться в ледяной комок. Этот звук ни с чем не спутаешь, и в нашем случае он означал приближение возможных крупных неприятностей. Это был лязг гусениц. А неприятности нам могли грозить в том случае, если самоходная зенитка захочет съехать в поле. Там, метрах в пятистах, кювет с правой стороны мелкий и с пологими краями, поэтому БТР его сможет проскочить. А встав сбоку, он нас прижмет огнем, при этом не опасаясь зацепить свою пехоту. Пешие же фрицы в этом случае будут иметь возможность вылезти из канавы и, приблизившись, уже прицельно закидать наши позиции гранатами. Одна надежда, что Фауст воспользуется ситуацией и не упустит момента пощекотать подставивший свой борт БТР. Несколько секунд у него на это точно будет. Лишь бы попал...

Услышав нарастающий шум двигателя, даже сержант Говард перестал стрелять и, отлепившись от камня, за которым прятался, подбежал ко мне с докладом:

– Сэр, похоже, нам крышка. «Ганомаг» с зенитной установкой едет в нашу сторону. И ваш пулемет молчит...

Ну пулемет молчит потому, что стрелять пока бессмысленно – расстояние очень большое. Хуже другое: от Гека со Змеем ни слуху ни духу. Как уползли, паразиты, так и с концами. Только с той стороны дороги еще слышны очереди маратовского АК-43. Жив, значит, курилка! Так что мы еще повоюем. Поэтому, не желая хоть как-то терять лицо перед америкосом, я ухмыльнулся и, пихнув его здоровой рукой, бодро соврал:

– Без паники, это такая мелочь, о которой и говорить стыдно! Ты иди и держи свою позицию, а с зениткой я разберусь!

Тут американец, заметив почерневший и набрякший рукав моего комбинезона, спросил:

– Сэр, вы ранены?

– На позицию, сержант! На позицию!

Поглядев, как испуганно оглядывающийся на меня Говард рысит к своему месту, я одну за другой швырнул еще три гранаты и, переждав взрывы, выпрямился в придорожной канаве во весь рост.

Роста как раз хватило, чтобы, привстав на цыпочки, можно было запустить из граника, не опасаясь того, что реактивная струя, отразившись от земляного скоса, опалит спину и все, что ниже...

Да и дорога просматривалась теперь хорошо. А на этой дороге – направляющийся к нам «ганомаг». При виде гробоподобного БТР опять вспомнился мой «засадный полк». Блин! Да куда же эти проглоты запропастились?! В то, что нашу неразлучную парочку могут ранить или тем более убить, я не верил ни на грош. Не та подготовка у ребят, чтобы дать себя свалить каким-то залетным гансикам. Значит, эти братья-акробаты что-то придумали. Но что именно? Еще раз вытянув шею, я глянул на резво катящийся в нашу сторону БТР и

вдруг понял, почему он еще шевелится! Вот ведь дурак, а сразу и не дошло! Просто пацаны вполне логично прикинули, что, передвигаясь по открытой местности, сразу попадут под очередь двадцатимиллиметровки. Значит, они, скорее всего, решили сначала забрать сильно вправо, проскочить полем и потом, вернувшись, подойти к самоходной зенитке с тылу. Вот только, похоже, по времени немного не рассчитали, так как Flak на колесиках внезапно покинул свою позицию.

Но почему Макс молчит? Ведь расстояние уже вполне позволяет хотя бы гусянку сбить. И Шаху сейчас, похоже, не до новой опасности, так как с его стороны автомат долбит короткими почти непрерывно. У него, судя по плотности огня, даже возможности нет откатиться к пулемету и посмотреть, из-за чего ДШК замолк. Значит, действовать буду сам. Главное, подпустить «ганомаг» поближе, чтобы наверняка завалить. Только вряд ли они дадут такую возможность. «Дашка» не позволит им сильно нагнать. Да и не могут немцы не учитывать наш РПГ, поэтому остановятся вне зоны поражения из гранатомета. Ну ничего. Выстрелив пусть даже «в молоко», я тем самым отвлеку внимание от ребят, которые и должны будут подбить зенитку.

Одно непонятно: БТР уже проехал то место, где он мог бы свернуть с дороги. Может, мехвод просто эту возможность проглядел? Сомнительно, ну да ладно, позже разбираться будем, а сейчас, раздраженно примяв торчащий перед глазами пучок травы и вскинув тубус на плечо, не считаясь с расстоянием, я сделал выстрел. Ракета, оставляя за собой белесый след, сначала шла прямо, а потом, совершив замысловатую петлю, врезалась в землю и взорвалась. Взорвалась далеко от зенитки, но та остановилась, и длинный, тонкий ствол пушки начал нащупывать цель. Быстро присев, я проскочил по канаве метров десять назад и приготовился.

Так, сейчас немцы из скорострелки попробуют подавить гранатометчика. Только меня из подобного укрытия лишь минометом выколупать можно, так что – обрыбятя фрицы. Но сразу после того как Flak отработает, сюда метнутся те эсэсовцы, которые сидят в канаве. Значит, надо приготовить гранату и, как только зенитка заткнется, швырять Ф-1³¹, а потом тут же добавить из автомата. Неясно только – чего зенитчики так долго целятся?

Едва я об этом подумал, как двадцатимиллиметровка, наконец, застучала. Вот только разрывов возле моей канавы не наблюдалось. Зато взрывы слышались в стороне.

Не понял... Чуть приподняв голову над краем кювета, глянул, что там вообще творится. Глянул и обалдел: ствол пушки был повернут вправо и она активно гасила эсэсовцев, которые сосредоточились за камнями возле канала.

От увиденного у меня даже пелена перед глазами рассеялась и руку отпустило. Машинально выставив перед собой автомат, я все пытался понять, что бы это могло значить? То, что наводчик орудия ошибиться не мог – это без вариантов. Он на километровой дистанции вполне успешно боролся с «дашкой», а тут вдруг спутал цели и начал выбивать своих?! Не смешите мои тапочки!

Тут порыв ветерка расправил какую-то тряпку, висевшую на антенне «ганомага», и я понял, что это вовсе даже не тряпка, а зеленая пятнистая куртка он нашей униформы, привязанная за рукава. Епрст! Неужели ребята объявились?! Теперь понятно, почему Макс не стрелял, а то я уж подумал, что его ранили или, не дай бог, убили. А все гораздо проще – пацаны сумели связаться между собой и обо всем договориться. Но так как выйти на командира у них не получилось, то поняли, что у меня что-то с рацией. Поэтому и куртку повесили...

А как подтверждение моих мыслей со стороны подъехавшего еще ближе и остановившегося БТР раздался голос, говоривший по-немецки с каким-то рязанским акцентом:

– Немецкие солдаты! Сдавайтесь! Вы окружены! Тем, кто выйдет с поднятыми руками,

³¹ Советская ручная противопехотная граната (оборонительная).

обещаем сохранить жизнь! Остальные будут уничтожены. На размышление даем минуту. Время пошло!

Сзади послышался шорох и, обернувшись, я увидел Говарда, который, тыкая пальцем в сторону изуродованных снарядами тел, слегка заикаясь произнес:

– Сэр, только что из «ганомага» расстреляли четверых бошей, что ползли сюда!

– А чего ты удивляешься? Так и было задумано. Сейчас начнется самое интересное: они сдаваться будут...

– Сэр??

– Ты заколебал своим «сэрканьем»! Открой глаза и сам смотри!

Америкос безропотно последовал моему совету, тем более было на что посмотреть. Из обоих кюветов опасливо вылезли в общей сложности девять эсэсманов, которые, побросав автоматы с винтовками в кучу, сгрудились посередине дороги с поднятыми руками. От этой картины сердце просто возрадовалось! Хотя, по логике вещей, гитлеровцы должны были сразу так поступить, едва получили достойный отпор. Сдаться или отступить, но не ввязываться в драку. Моя же мысль насчет того, что они захотели захватить новые колеса, сейчас представлялась достаточно сомнительной, а при ближайшем рассмотрении и вовсе – глупой. Какой на фиг транспорт, если вдруг наткнулись на тяжелый пулемет? Даже юнец из фолькштурма знает, что ДШК обычно поддерживает работу как минимум штурмового взвода. А то и роты. Две машины, стоявшие на дороге, возможно, и опровергали мысли о роте, но вот до четырнадцати человек на них вполне могло ехать. Считаю – полтора отделения. И, видя все это, немцы один черт атаковали? Зачем?

Глядя, как с «ганомага» прыгнул Змей и неторопливо направился в сторону кучки людей, стоявших на дороге, я, повернувшись к Говарду, попросил:

– Помоги...

Сержант мигом понял, что от него требуется, сцепил руки в замок и в один прием помог выбраться из кювета. Почти одновременно со мной на другой стороне дороги появился Марат. Немцы, увидев вновь появившихся людей, сбились в кучу и задрали руки еще выше, хотя, по-моему, это было уже невозможно.

М-да... насколько быстро человек может поменяться... Еще три минуты назад это были злые и опытные солдаты, готовые убивать и быть убитыми, а сейчас – просто кучка испуганных пленных. И вот что показательное: все немцы, когда сдаются в плен, в первую очередь скидывают каску и только потом задирают руки. Помню мне как-то объяснили, что это делается потому, что вид солдата в каске вызывает инстинктивную агрессию, а вот без нее он вроде как уже и не боец, а просто мужик, одетый в военную форму. Объяснение мне показалось несколько надуманным, но даже расспросы пленных, зачем они избавляются от шлема, ситуацию не прояснили. Фрицы все как один мялись и говорили, что, мол, так принято. Так, дескать, советовали делать опытные солдаты, воевавшие еще в Первую мировую.

Тряхнув головой, избавляясь от посторонних мыслей, а заодно и от периодически накатывающей тошноты, я спросил у подошедшего Марата:

– Ты как – живой? И где Фауст?

– Живой, что мне будет... А Шмидт у пулемета должен находиться. Во всяком случае пять минут назад он мне про захват «ганомага» продублировал... Сам-то чего молчал? Рация накрылась? – Тут Шарафутдинов заметил, что меня шатает, и встревоженно спросил: – Куда ранило?

– В руку, пульей. Херня, просто крови много потерял, а так – ничего.

– Хоть бы жгут сразу наложил!

– Времени не было...

Шах уже открыл рот, собираясь что-то сказать, как из канавы вылез Говард, и майор сразу переключил внимание на него, вскидывая автомат. Сержант от этого жеста шарахнулся в сторону, а я, хлопнув по стволу ладонью, сбивая прицел, рывкнул:

– Отставить! – А потом уже нормальным тоном продолжил: – Знакомься:

представитель армии союзников – сержант Фрэдди Говард. Единственный выживший из разбитого «виллиса».

Марат кивнул опасливо поглядывающему на него американцу и, обращаясь ко мне, сказал:

– Потом знакомиться будем, а сейчас, командир, давай перевяжу, а то ты, как мел, белый...

– Перевязывай.

Пока Шарафутдинов распарывал мне рукав и накладывал бинт, я, морщась от боли, наблюдал, как Змей и присоединившийся к нему Гек вяжут пленных. А еще через минуту появился Шмидт, который одной рукой держал каску за ремешок, а другой ощупывал себе голову. Подойдя ближе, он с удивлением посмотрел на амерского сержанта, а потом, обращаясь к нам, произнес:

– Фсе шивые и почти сторовые. Эгто карашо...

Дождавшись, когда Марат затянет узелок на повязке, я ответил:

– Так нас и ломом фиг убьешь... И чего ты себе башку постоянно трогаешь?

Макс молча продемонстрировал мне свою каску, на которой слева была здоровая вмятина, и пояснил:

– Фот... Не пыло пы шлема, и пашки пы не пыло. А так – только колофа гудит.

Я, вспомнив старый анекдот, фыркнул:

– Знаем мы про подобные случаи. Особенно на стройке. Одному рабочему упал на голову кирпич, и тот еле вылечился. А второй, в каске, заполучив очередным кирпичом, просто улыбнулся и – пошел!

Шах подхватил:

– До сих пор ходит и улыбается!

Шмидт ухмыльнулся:

– Я эту шутку тафно знаю!

Марат в преувеличенном испуге показал на Фауста:

– Смотри, командир, он тоже улыбается непрерывно! Это симптом!

Кряхтя, я поправил лохмотья рукава и ответил постепенно отходящим после боя мужикам:

– А вот сейчас мы вместе посмеемся, особенно когда узнаем, почему БТР нам так долго жизнь отравлял, и какого черта его вообще надо было захватывать... Пучков!

Гек, оторвавшись от пленных, радостно щерясь, подбежал ко мне. Но, увидев повязку на руке, улыбка у него увяла, и он уже открыл рот, чтобы что-то спросить, только я не дал.

– Докладывайте, товарищ старший лейтенант, как вы выполняли мое приказание?

– Илья...

– Я те дам «Илья»!

– Виноват! Товарищ полковник, то есть, тьфу, товарищ подполковник. Ваше приказание выполнено! Экипаж зенитки уничтожен! Во время ее захвата был взят пленный!... Илья, руку не сильно зацепило?

– Сильно! Пока вы там с захватами валандались, вместо того чтобы грохнуть эту каракатицу на месте, нас бы всех тут положили!

В запале я, конечно, преувеличил, но зато Лешка проникся чувством вины. Я несколько секунд глядел на удрученного друга, а потом уже другим тоном сказал:

– Ладно, проехали. А теперь объясни, почему поступили именно так.

Гек взбодрился и начал рассказывать. Оказывается, когда они поняли, что впрямую к зенитке не подобраться, ребята уползли сначала в поле, а там, найдя замечательную низинку, совершенно незаметную с дороги, быстро смогли зайти практически во фланг бронетранспортеру. Экипаж БТР работал без пехотного прикрытия и был весьма увлечен своим делом, поэтому уничтожить его не представляло особого труда. Нужно было только пробраться вдоль кустов, что растут у подножия холма и, пустив ракету из РПГ, отправить фрицев на тот свет.

Но ракурс был столь удачный, что после десятисекундного блиц-совещания Змей пообещал положить гитлеровцев из своей снайперки в три выстрела. Они очень удачно торчали над бронированным бортом, и щиток орудия тоже защищал их только спереди, поэтому опытному стрелку не составило труда выполнить свое обещание.

В общем, выбив расчет, ребята рванули к БТР, но тут Гек заметил еще двух немцев, которые, прикрываясь холмом, улепетывали от места боя и находились уже на довольно большом расстоянии. Лешка не зря почти три года служил в разведке, и поэтому, исходя из расстояния, которое отделяло его от беглецов, сделал вполне обоснованный вывод. Ведь, по логике, немцы, наткнувшись на сильное сопротивление, должны были сразу рассеяться. Они от войны бегут и шкуры свои спасают, так зачем им лезть на тяжелый пулемет, если можно просто откатиться назад и скрыться в лесу, который начинается почти сразу за холмом?

А вот приближающиеся к лесу беглецы более-менее объясняли ситуацию: эсэсовцы, вполне возможно, втянулись в бой именно для того, чтобы прикрыть этих двоих. И поэтому, пока Змей связывался с ребятами, Пучков развернул установку и вклепил длинную очередь в сторону бегущих. Попал удачно – прямо перед ними, отсекая немцев от леса. Те намек поняли правильно. Даже если они попытаются ползком продвинуться дальше, то пушка – это не винтовка, и поэтому шансов на практически открытой местности не оставит. Быстро врубившись в изменившуюся ситуацию, оба фрица, как по команде, задрали руки и побрели обратно...

Слушая доклад, я покачал головой:

– Ну вы и долбаки... А если бы как раз в этот момент помехи в эфире пошли? Вклепил бы Фауст по открытым фигурам возле БТР и пипец – только брызги в разные стороны...

– Не, – улыбнулся Гек, – он нас моментом засек, еще когда мы к «ганомагу» бежали, расчет выбив. И тут же дал подтверждение, что нас видит. Так что все нормально, командир!

Макс подтвердил:

– Та! Я феть штал, что они пояфятся, и поэтому сразу фсе поньял...

Ну ладно, с этим вроде разобрались. Почесав мочку уха, я стал отдавать распоряжения:

– Пучков, проверь машины и, если все нормально, вызывай Жана. Пусть сюда едут. Макс и Шах, собирайте пулемет. А я пока посмотрю, кого вы поймали...

После чего, подойдя к бронетранспортеру, возле которого сидели связанные немцы, спросил у Змея:

– Где те двое, что сбежать пытались?

– В кузове. Достать?

– Ага, доставай. И веди их к нашим машинам.

А потом, повернувшись к одиноко стоящему Говарду, я позвал:

– Сержант!

Америкос сорвался с места и, подскочив ближе, гаркнул:

– Слушаю, сэр!

Блин, как меня эти «сэрканья» после каждого слова достали! Но это их фирменные заморочки, поэтому я только поморщился и распорядился:

– Охраняйте пленных.

– Есть, сэр!

Еще раз поморщившись и оставив сержанта на охране эсэсовцев, я побрел в сторону «газика», к которому шустрый Женька уже гнал пинками двух одетых в обычные пехотные мундиры немцев. Сев на сиденье джипа, я пару секунд боролся с головокружением, а потом спросил у того, кто выглядел постарше:

– Фамилия, имя, звание, номер части?

– Рядовой восемьдесят шестого зенитного дивизиона Эрик Грубер!

– Давно на фронте?

– С апреля сорок четвертого!

Открыв протянутые Козыревым документы пленного, я сплюнул и спросил:

– Почему же у тебя тогда зольбух новенький, как будто вчера выдан?

И не дождавшись ответа «языка», чувствуя, как к головокружению опять примешивается тошнота, я откинулся на спинку и, прикрыв глаза, сказал Змею:

– Что-то мне херовато. Ладно, этих двух трясти будем, когда в расположение вернемся. А сейчас пока сунь их в «додик», отдельно от остальных...

Козырев понятиливо кивнул и погнал пленных к джипу, а я, похоже, на какое-то время потерял сознание. Ну правильно, адреналиновая волна, что была во время боя, прошла, вот и сомлел.

А очнулся я от того, что возле меня хлопотала Ольга Алексеевна. Надо же, как она и во Франции меня пользовала, и сейчас пришлось. Бывшая сестра милосердия как раз закончила накладывать новую повязку и, увидев, что я открыл глаза, улыбнулась.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Только голова кружится...

– Так и должно быть. Вы крови много потеряли, и пуля в руке осталась. Но сейчас мы перенесем вас в автобус, а в больнице вас быстро поставят на ноги.

Глядя на эту пожилую, но до сих пор миловидную женщину, я улыбнулся.

– На фронте больниц нет, только госпитали. И никуда меня не надо нести, я вроде очухался.

После чего, подтверждая свои слова, встал и, оглядев происходящее вокруг, удовлетворенно кивнул. Пробитое колесо на «УльЗиСе» поменяли, «ГАЗик» изначально был целенький, автобус подогнали. То есть все готово к дальнейшему движению. Единственное...

– Говард!

Сержант, который опять выпал из жизни, оставаясь в стороне от происходящей вокруг суеты, обрадовавшись, что единственный человек, который может говорить по-английски, пришел в себя, тут же оказался рядом:

– Слушаю, сэр!

– До вашего опорного пункта далеко?

– Километров пятнадцать, сэр! Мы расположены в Фильоне, сэр!

Хм... не по пути, ну да ладно. Тем более что у нас лишние колеса образовались. Окинув взглядом стоящего навтыжку Говарда, я спросил, кивая на «ганомаг»:

– Такой штукой управлять умеешь?

– Да, сэр!

– Тогда – дарю! Сейчас мои люди помогут погрузить в БТР твоего убитого сослуживца и можешь ехать. Только кресты грязью замажь и майку на антенну привяжи, а то свои же подстрелят ненароком...

– Есть, сэр! Спасибо, сэр! И...

Сержант замялся, потом, наконец, решившись, спросил:

– Разрешите не по уставу, сэр?

– Валяй!

Говард пару секунд собирался с мыслями, а потом выдал:

– Вы знаете, когда я слышал рассказы о русских «невидимках», то большинство из них считал преувеличением. Но сейчас я думаю, что в тех словах не было ни слова неправды! Скорее они преуменьшали ваши возможности. Сегодня своими глазами в этом убедился... Ведь произошел практически встречный бой с заметно превосходящими силами противника. А вы бошей уделали в несколько минут, захватили пленных и технику! Это фантастика!

Удивившись, что же такого фантастического сержант нашел в этом в общем-то рядовом происшествии, я пожал плечами и ответил:

– Это наша работа. А вот то, что советские ребята на фронте сделали, это действительно – фантастика!

– Да, я видел русскую хронику. Нам ее недавно показывали. И могу сказать: ваши солдаты прошли через ад и победили самого сатану!

М-да... впечатленный искренней горячностью Говарда, я подумал, что вряд ли этот

конкретный человек когда-нибудь забудет то, что сделал советский солдат для победы над фашизмом. И через что ему пришлось для этого пройти. Обидно только, что у политиков память уж очень короткая...

Тут голова у меня опять «поплыла», поэтому, пожав американцу руку, я закругляясь, сказал:

– Скоро стемнеет, так что не будем терять времени. Удачи тебе, Фрэдди Говард! И дай бог пережить эту войну без потерь!

Сержант, если и удивился, услышав упоминание о боге из уст советского офицера, то вида не подал, а просто козырнул и побежал в сторону разбитого «виллиса». А я скомандовал остальным:

– Жан, Гек, «мутные» «языки» пусть сидят в «додике», остальных пленных – в автобус. Сами оставайтесь там же. Змей, помоги Говарду.

Чуть позже, убедившись, что все указания выполнены, махнув на прощание рукой американскому сержанту, крикнул:

– По машинам!

И мы поехали дальше. На этот раз дорога прошла без приключений, только когда подъезжали к штабу армии, я чуть не выпал из «ГАЗика», на секунду потеряв сознание. А еще через минуту, видимо, окончательно вырубился, так как неожиданно сильно потянуло в сон, и глаза сами собой закрылись...

Глава 11

Открыл глаза уже в госпитале. Во всяком случае место, где я лежал, идентифицировалось сразу и без проблем. Даже не по мягкости подушки и не по чистоте палаты, а по всепроникающему запаху карболки. Приподнявшись, огляделся. Палата была маленькая, на четырех человек. Две койки стояли пустыми, а еще на одной кто-то лежал, накрывшись с головой. Осторожно сев, я прислушался к себе. Не тошнит, голова не кружится... Попробовал пошевелить перевязанной рукой. Больно, но терпимо. Правда, когда начинаешь ее поднимать, то боль становится резкой. Ну да ладно, я не воробей, чтобы крыльями махать...

Увидев под койкой тапочки, надел их и шагнул к вешалке, на которой висели два коричневых больничных халата. Накинув один из них себе на плечи, вышел в коридор и сразу столкнулся с медсестрой, которая несла на подносе несколько шприцов. Увидев меня, девчонка ойкнула и, улыбнувшись, сказала:

– А я к вам как раз иду. Укольчики надо ставить. Так что пойдемте обратно, в палату.

Вдохнув, я повернулся назад и, укладываясь гузкой вверх, глядя, как она раскладывает блестящие причиндалы на тумбочке, шепотом спросил:

– Давно я здесь?

Сестричка, оглянувшись на спящего соседа, так же шепотом ответила:

– Вас вчера вечером привезли. У нас как раз окно было, поэтому сразу прооперировали. И пулю достали, и артерию зашили. А вы что, не помните? Ведь в сознании были, перед тем как вам наркоз начали делать.

Я покачал головой:

– Не помню...

– Такое тоже бывает.

С этими словами она вогнала мне первый укол. Я, ожидая гораздо большего, радостно сказал:

– А у вас рука легкая!

Девчонка, протирая спиртом другую ягодицу, кивнула:

– Все так говорят. Даже Григорий Иванович. – И тут же пояснила: – Это наш заведующий отделением.

Дождавшись, пока она введет лекарство, я задал наиболее интересующий меня вопрос:

– А как в Берлине? Что говорят?
– Наши вышли к Шпрее. Бои идут по всему периметру. Немцы массово сдаются в плен. А еще говорят, что Гитлер убит!

Я подпрыгнул:

– Да ну! По радио прямо так и заявили?!
– Нет, – сестренка, укладывая меня обратно, пояснила: – Это связисты рассказали из штаба армии. И я им – верю! Господи, неужели все закончится? Неужели...

Но договорить она не успела, так как в дверь в палату открылась и появился Гусев. Увидев меня, он хохотнул:

– Ага, очухался! И, конечно, сразу затребовал к себе самую красивую девушку госпиталя!

– Не ори, человека разбудишь!

Сергеа, глянув на вторую занятую койку, тут же сбавил тон и, извинившись, елевым голосом поинтересовался:

– А как зовут эту прекрасную незнакомку, которая своими восхитительно нежными руками делает укол?

Сестричка фыркнула и покраснела, а я ответил за нее:

– Старый ты козел! Дома две жены, три любовницы, пятеро детей, а все туда же!

Командир от возмущения не нашелся, что сказать, а медсестра, незаметно мне подмигнув, собрала шприцы и сказала:

– У вас капельница в семнадцать часов, так что можете пока прогуляться по внутреннему двору, только недолго, а то вам еще вредны нагрузки.

Гусев, глянул ей вслед и, подождав, когда за сестричкой закроется дверь, обиженно сказал:

– Сам ты – козел! А вдруг это моя судьба?

– Твоя судьба должна быть минимум лет на пять постарше! Ты лучше скажи, что это за слухи, будто Гитлера ухлопали? И вообще, что сейчас в Берлине творится?

Сергеа, посмотрев на моего соседа, предложил прогуляться и, после того как мы вышли на утопающий в зелени двор, ответил:

– Информация насчет фюрера пока не подтверждена, но весьма правдоподобна, так как сегодня утром к нашему командованию обратились люди, назвавшие себя новым правительством нацистской Германии. Обратились с просьбой о перемирии, аргументируя свою просьбу тем, что фюрер мертв, и им необходимо время для решения организационных вопросов. Мы, разумеется, отказали, пояснив, что в данном случае приемлема только безоговорочная капитуляция. А антифашисты со своей стороны утверждают, что в рейхсканцелярию они смогли пронести бомбу, которая и убила Гитлера и Геббельса.

Обалдев от подобных известий, я решил оставить на потом вопрос по поводу нового правительства и спросил:

– Так, а теперь подробнее – что за антифашисты и откуда они там взялись? Понятно, что к этому «царская морда» руку приложила, но Гельмут без поддержки военных ничего бы не сделал. Так кто там за главного у этих повстанцев сейчас? Роммель?

М-да, хотел блеснуть своим логическим мышлением, поразив командира потрясающей дедукцией, но из этого ничего не вышло, так как Сергеа, усмехнувшись, ответил:

– Роммель на подхвате был. А начал восстание генерал Ридель.

– Епрст! А это кто такой?

– Командующий ПВО Берлина. Там ведь зенитчиков до хрена и больше окопалось. Вот их командир и соблазнился нашим предложением... А так как, в отличие от СС, солдатам частей ПВО никакие особые репрессии не грозили, они в большинстве своем пошли за командиром. Поэтому, когда Ридель отдал приказ блокировать четыре основных склада с боеприпасами и никого к ним не подпускать, это приказание было выполнено.

– Ого! И что, пэвэошников оттуда не выбили? Да эсэсовцы бы по ним прошли и не заметили!

– Не успели. Наши очень быстро продвигались. И ты учти, что восставшие ведь тоже не сразу начали стрелять куда попало. Захватив склады, они просто заворачивали транспорт, пришедший за боеприпасами, назад. Говорили, что у них есть какой-то свой приказ относительно очередности отгрузки. Водилы, вернувшись обратно на пустых машинах, докладывали об этом начальству. Начальство начинало разбираться, чей это был приказ и как его отменить. Да ты как будто сам этого армейского бардака не знаешь? В общем, пока суть да дело, склады отошли под наш контроль, благо еще они на окраине располагались. Так что обороняющийся гарнизон сейчас на голодном пайке. Но самое главное, что две из трех зенитных башен тоже подчинились приказу Риделя. А это, знаешь, какие узлы обороны!

– Знаю, я аэрофотоснимки видел...

– Вот, поэтому и объяснять не надо, как много крови они могли нам попортить.

Закурив предложенную Серегой папиросу, я спросил:

– И когда, думаешь, фрицев в городе дожмут?

Тот, как будто ожидая этого вопроса, уверенно ответил:

– Два дня – максимум. А потом все – капут войне! И вильгельмсхафенскую группировку штурмовать не придется, а то они там так в землю зарылись, что не выковыряешь.

– А вдруг к ним кто-нибудь из немецкого руководства попадет, кто на себя власть примет? Тогда ведь придется ковырять?

– Так в Германии сейчас новое правительство, которое только и думает, как бы поизящнее сдаться! А все остальные более-менее значимые фигуры заняты исключительно спасением своей жизни. Да! Ты же не в курсе, кого вы захватили! Там среди пленных один себя за рядового Грубера выдавал, а оказался бригаденфюрером Отто Каммлером!

Несколько секунд я вспоминал, кто это такой, а вспомнив, удивился:

– Фигассе! Зам Гиммлера, курирующий вопросы «оружия возмездия»?

– Он самый! Каммлер, еще когда наши войска только приступили к блокаде города, быстренько выправил себе документы и рванул из Берлина. Вот и смотри, если уж люди такого ранга бегут, то о чем можно говорить... А вообще – готовьте дырочки! Я за этого Каммлера уже представление на всех написал!

Я рассмеялся.

– Опять Иван Петрович будет говорить, что мы орденские документы выправляем еще перед тем, как «языка» взять! – И тут вспомнив вопрос, забытый из-за Берлина, Гитлера и выяснения личности антифашистов, поинтересовался: – А с семьей Кравцовых что? Я ведь, когда мы к штабу армии подъезжали, сомлел окончательно... У них все нормально?

Гусев кивнул:

– Более чем. Сегодня утром по личному распоряжению Тверитина их спецрейсом в Москву отправили. Они все твоим здоровьем перед отлетом интересовались, но я сказал, что операция прошла нормально и через пару недель ты как новенький будешь.

– Жалко, попрощаться не успел...

Серега пихнул меня в здоровое плечо:

– Да какие твои годы! В Москве и увидитесь. – И, видя вопрос в моих глазах, пояснил: – Тебя после лечения тоже приказано в столицу откомандировать. В Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Понятно... Стас все-таки выполнил свою угрозу и выцыганил меня у Колычева. Интересно только, чего же он не прямо сейчас отправки затребовал, я ведь вполне транспортабельный? Но почти сразу до меня дошло, почему Тверитин оставил Лисова в Германии еще на несколько дней. Ну надо же, запомнил, выходит, мои слова о старинной мечте...

Тут Гусев, глядя на меня обеспокоенно, сказал:

– Что-то ты, Илья, весь взбледнувший стал. Давай-ка обратно в палату провожу.

Опять чувствуя подкатившее головокружение, я согласился, и мы побрели в корпус. По пути расспрашивал, что это за новое правительство и с какой стати его возглавил адмирал

Дениц? Серега ответил, что Гитлер, хоть и отбыл в мир иной исключительно скоропостижно, но преемника, судя по всему, назначил заранее, так как никакой свары за место фюрера не было. Но с другой стороны, о какой борьбе может идти речь, когда этому правительству работать от силы несколько дней придется. И войдет оно в историю исключительно потому, что самым значимым действием нового руководства Германии станет подписание акта о безоговорочной капитуляции? Поэтому все нацистские бонзы думают сейчас не о министерских портфелях, а о том, как бы побыстрее «лечь на дно».

Ну, в принципе, объяснение вполне логичное, не хуже любого другого, поэтому я с ним согласился. А потом командир, оставив меня в палате, ушел по делам. После чего мы с соседом по палате, который оказался подполковником-танкистом, получившим пулю в плечо от снайпера, отведали принесенных Гусевым гостинцев, и я опять уснул. Потом были процедуры, потом концерт самодеятельности, потом опять уколы. В общем день прошел насыщенно. Второй день был как две капли воды похож на первый...

Да и утро 12 сентября тоже началось с того, что мне опять ввели укол в филейную часть и вежливо пригласили на завтрак. Сестричка помогла нам с танкистом надеть халаты и умотала по своим делам, а я, так как сосед после завтрака снова уснул, пошел в больничные парк. Там пообщался с другими ходячими ранеными, которые в пять минут расстреляли всю пачку привезенных Гусевым папирос, а потом просто сидел на лавочке, наслаждаясь бездельем и отсутствием постоянной боли в руке.

Вот на этой лавочке меня и нашли мои пацаны. Гек с Жаном сначала искали командира в палате, но потом, следуя вводным медсестры, принялись обшаривать парк. И хоть я сидел в стороне от главной аллеи, много времени на поиски не затратили. Ребята притащили целый вещмешок вкусняшек и несколько пачек французских сигарет, оказавшихся очень кстати, а то я уже подумывал, где бы раздобыть курево. Потом пацаны объяснили причину своего появления. Оказывается, еще вчера они думали заслать ко мне Северова, так как готовились к выходу, но потом все переигралось, и Марат со Змеем и Фаустом поехали решать координационные вопросы в штаб полка НКВД, а их отпустили проводить раненого.

Разговор у нас только начался, как вдруг вдалеке послышалась стрельба. Интенсивная. Очень интенсивная. Как будто батальон в прорыв пошел. И эта стрельба все нарастала и нарастала, охватывая нас со всех сторон. Жан, настороженно крутя головой, удивленно ругнулся и спросил:

– Что это?

Пучков тоже весь извертелся, держа оружие на изготовку и пытаясь понять, откуда может грозить опасность. А у меня вдруг ослабли ноги и защекотало в носу от внезапного понимания, ИЗ-ЗА ЧЕГО ИМЕННО поднялась канонада. Секунд десять я, скрывая выступившие слезы, молча смотрел на еле видимые в свете солнечного дня осветительные ракеты, взлетающие то тут, то там, а потом, встав, попросил у Лешки:

– Ну-ка дай мне автомат...

И, взяв у удивленного Гека «калашников», выпустил в небо весь магазин. Потом уронил ствол на гравий дорожки и, обнимая друга здоровой рукой, проорал, срывая горло:

– Победа!! Мужики, ПОБЕДА!!!

* * *

17 сентября 1944 года. Город Берлин

– Ты куда поехал, нам в другую сторону надо!

– Ничего подобного, вон надпись, специально для тупых!

– Сам дурак! Эти надписи тут на каждом доме намалеваны!

– Отставить базар!

Гусев начальственным рыком прекратил разборку между Гekom и Змеем, а потом, сверившись с картой города, приказал молча сидевшему за рулем Марату:

– Налево поворачивай.

Командир, как обычно, не ошибся, и поэтому буквально через пять минут наш «УльЗиС» выехал на большую, заваленную обломками строительного мусора и подбитой техникой площадь, по которой активно перемещались целые толпы народа в военной форме. А всю противоположную сторону этой площади занимала до сих пор дымящаяся громада рейхстага. Подъехать ближе было невозможно, поэтому мы вышли из джипа и пошли дальше пешком. Шли, сопровождаемые песней, льющейся из репродукторов агитационной машины, стоявшей тут же. Только что закончился «Синий платочек», и вдруг, после непродолжительного шипа, заиграла настолько знакомая мелодия, что я даже споткнулся от неожиданности. Ух ты! А я думал, что «Как, скажи, тебя зовут?» впервые прозвучит только на параде в Москве. Но видно, Верховный решил кое-что переиграть. Скорее всего потому, что песня «День Победы» очень понравилась ему при первом же прослушивании, а эта, как гораздо менее официозная, уже не вызвала такого всплеска эмоций. Вот он и разрешил ее запуск «в люди» досрочно. Но мне звучащая сейчас мелодия почему-то была гораздо ближе утвержденного лично Иосифом Виссарионовичем марша московского парада, коим и должен стать «День Победы». Может быть, как раз своей меньшей пафосностью и большей лиричностью. Наверное, поэтому и я и мои друзья, не сговариваясь остановились, вслушиваясь в эти слова:

Было много трудных дней,
Будет много трудных дней,
Значит, рано подводить итоги.
Вот и встретились мы с ней,
Вот и свиделись мы с ней
Где-то на проселочной дороге.

Только несколько минут,
Только несколько минут
Между нами длилась та беседа.
Как, скажи, тебя зовут?
Как, скажи, тебя зовут?
И она ответила: – Победа!

Под шинелью на груди,
Рядом с сердцем на груди
Скромные солдатские медали.
Только ты не уходи,
Больше ты не уходи,
Мы тебя в окопах долго ждали.

За тебя в огонь и дым,
Шли вперед в огонь и дым
Моряки в изодранных бушлатах.
Это именем твоим,
Светлым именем твоим
Бредили солдаты в медсанбатах.

А когда щипающий за душу марш сменился на разудалую «Ехал я из Берлина», то так же, не сговариваясь, пошли дальше. Только сразу к рейхстагу подойти не удалось, из-за того что нам постоянно преграждали дорогу... Поэтому мы пили сначала с какими-то танкистами, потом с целой толпой военных корреспондентов, которых сменили непонятно откуда взявшиеся мореманы. После этого пьяная и развеселая пехтура, с которой тоже пришлось

вмазать, долго и упоенно качала Гусева.

Но минут через сорок мы все-таки дошли. Одна рука у меня была на перевязи, зато во второй я крепко сжимал банку с краской. Потом мы долго выбирали подходящую колонну, потом искали лестницу, но в конце концов все было готово, и я, зажав в зубах кисточку, полез наверх. А когда долез, повесил банку на гвоздь и, макая кисточку в ярко-белую краску, стал выводить на закопченной колонне:

РАЗВАЛИНАМИ РЕЙХСТАГА – УДОВЛЕТВОРЕН!

И подписи – Гек, Шах, Змей, Колдун, Фауст, Гамаюн, Жан. Осназ СВГК³² СССР.

Эпилог

19 февраля 1994 года.

Тридцать пять километров северо-западнее Сталинграда.

Окрестности деревни Малеевка

В лесопосадке стояла совершеннейшая тишина – даже птиц не было слышно, и только снег тихо поскрипывал под лыжами. Я, размеренно двигая руками и ногами, совершал еженедельный обязательный моцион в семь километров – от хозяйства Завидова до Синецких прудов и обратно. Вот кто бы мне раньше сказал, что буду находить удовольствие от бесцельного хождения по лесу, ни в жизнь бы не поверил. А сейчас уже привык к этому прописанному врачами действию и уже лет пять, как не представляю себя без этой лыжной или пешей прогулки. Сзади почти так же бесшумно скользил мой телохранитель – Миша Ребров.

Михаил, в свои младенческие двадцать четыре года был старшим лейтенантом МГБ, а также ужасным занудой и, не побоюсь этого слова – педантом. В начале прогулки я, по устоявшейся традиции, зная его нелюбовь к пустому времяпровождению, коим он считал подобные вылазки, посоветовал Реброву не тащиться следом, а сгонять в Малеевку и купить в магазине сметану с местной молокофермы. Уж очень она там вкусная, с нашей городской – не сравнить. Но так же традиционно парень только укоризненно посмотрел на меня и, осуждающе качая головой, отправил в деревню водителя, а сам, пристегнув лыжи, замер в ожидании начала движения. Трудоголик, однако. И к работе подходит со всем тщанием. С одной стороны, он прав – генерал-полковник Лисов, пусть и в отставке, является очень лакомой фигурой для иностранной разведки. С другой – просто смешно предположить хоть какие-то действия иностранцев в этом направлении. Гораздо вероятнее, что меня в очередной раз инопланетяне похитят...

Вспомнив «зеленых человечков», которые запихнули меня в эту реальность, я только усмехнулся. Да-а-а... вроде это и со мной было, а вроде и не со мной. За десятками прожитых лет я как-то совершенно забыл, что может быть другое время и другая жизнь. И тем более в этой жизни я никак не рассчитывал прожить столько лет. Ведь постоянно помнил слова Мессинга насчет смерти после выполнения какой-то миссии. И в Китае помнил, и в Латинской Америке, и в Африке. А в Ливане, когда на наше представительство навалился чуть не полк местных повстанцев, думал, что кирдык просто неизбежен. Только вот не мог понять, а в чем же тогда эта миссия заключается? Неужели в успешном договоре с Могабит-шейхом?

В долине Бекаа тоже подобная мысль мелькала, особенно когда место дислокации

³² Ставка Верховного Главнокомандования – чрезвычайный орган высшего военного управления, осуществляющий в годы Великой Отечественной войны стратегическое руководство Советскими вооруженными силами.

объединенного советско-израильского штаба дивизии неожиданно атаковали арабские войска, густо напичканные английскими инструкторами. Тогда, в бардаке наступления, штабные, в чье число входил и я, остались без прикрытия, а тут как раз элитная бригада «Мучеников эль Такра» нарвалась на наше расположение. Эти недомученные «мученики» от нас бы мокрого места не оставили, но вовремя подошедший моторизованный батальон Армии обороны Израиля, усиленный ротой Т-44, отложил пророчество на неопределенный срок. Интересно, сколько лет прошло, а я до сих пор помню, как замкомвзвода из этого батальона, Лёвка Шпицельман, забыв с переполоху так и не выученный толком иврит, поднимал бойцов в атаку, привычным ему еще с Отечественной войны кличем «За Родину, за Сталина!». И евреи, многие из которых были из Америки и из Европы, и соответственно даже не знали русского языка, один черт отлично поняв своего командира, мощным ударом отбросили арабов с англичанами от мазаных домиков, в которых держали оборону штабные.

Да-а-а, жарко тогда приходилось... И вообще – пятьдесят четвертый год был «веселым»... В отличие от моего времени, наше военное присутствие осталось только в Германии (не считая нескольких баз в Норвегии и Австрии), и страны недообъединенной Гитлером Европы, чуть-чуть очухавшись от немецкой, а потом непродолжительной советской оккупации, тут же приступили к разборкам. Видно – накалилось... Польско-чешская напряженность, чуть не переросшая в вооруженный конфликт по поводу Тешинской Силезии, венгеро-словацкая «борьба флагов», югославо-албанский конфликт...

На востоке тоже все было не слава богу: первая Китайская война (когда Южный Китай с Центральным бодаться начал), индийское восстание. Хорошо что СССР этот бардак никоим образом не касался, так как все эти страны не находились под протекторатом Союза. Зато через два года вспыхнуло у нас. Точнее чуть не вспыхнуло, но Иван Петрович успел первым. Ведомство Колычева четко отслеживало реакцию как верхов, так и низов на происходящие в стране перемены. И вот что интересно – далеко не всем эти перемены пришлись по вкусу. Особенно из верхов и особенно на местах. Брать на лапу им и в голову не приходило, так как расстрельная статья с конфискацией имущества висела над потенциальными мздоимцами дамокловым мечом. Но представьте себе реакцию секретаря обкома, когда он узнает, что частный предприниматель товарищ Климов одних только партийных взносов заплатил около тысячи рублей? В смысле не за всю свою жизнь, а за один месяц. А уборщица его же предприятия, комсомолка Журавлева, за этот же месяц оплатила членский взнос в размере ста рублей!

Кстати, такая интересная пропорция получилась потому, что опять-таки, исходя из статьи закона, частник не мог себе назначать зарплату, больше чем в десять раз превышающую оклад своего самого низкооплачиваемого работника. В развитие своего дела или куда-то еще он мог вкладывать сколько угодно, но вот размеры оплаты труда были четко между собой взаимосвязаны. А сам закон был настолько хорошо продуман, что исключались все возможные махинации с субподрядами и прочими лазейками, позволяющими его обойти.

Только тому секретарю обкома было плевать, что Климов и мозгами работает и пашет день и ночь, чтобы обеспечить себе и своим работникам ТАКОЙ доход. Секретаря заел сам факт. А еще больше заело поведение Климова на партсобрании, когда глава областного комитета начал его учить жизни. настолько заело, что этот «новоявленный капиталист» был исключен из рядов ВКП(б). Но последней каплей стало то, что серьезные ребята из Центральной комиссии контроля после тщательного разбирательства, не обращая внимания на слова председателя, восстановили Климова в партии, а обкомовцу вынесли строгий выговор с занесением в учетную карточку.

А так как и «Климовых», и самых разных функционеров всех мастей на просторах нашей страны хватало, то и конфликтных ситуаций становилось все больше и больше. Нет, в центральных регионах страны шла активная замена некомпетентных людей на руководителей нового типа, но кадровый голод давал о себе знать, и поэтому на окраинах часто творился беспредел. Только Москва на каждую жалобу «наверх» реагировала с завидным проворством, и в конце концов конъюнктурщикам на местах это надоело.

Постепенно созрела идея заговора. Они хотели убрать как «предателя Кобу», так и всю команду Машерова, которая не давала им спокойно жить.

Вот только не учли того, что проводимые реформы хоть и давали очень много воли людям, но Министерство государственной безопасности тоже не зря ело свой хлеб. И поэтому сразу после смерти Иосифа Виссарионовича, в июне тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, когда заговорщики решили воспользоваться ситуацией, начались неожиданные для них «чистки». Как говорили в газетных интервью немногие успевшие сбежать и вынырнувшие в Англии «новореволюционеры»: «кровавая сталинская клика со смертью своего главаря развернула новый террор против собственного народа! Лучшие сыны и дочери России томятся в застенках! Так пусть все прогрессивное человечество сомкнет ряды в едином порыве гнева и осуждения».

Было, правда, несколько непонятно, почему лучшим сыном России с их точки зрения был инструктор райкома, который, вымогая взятку у кооператора и попав под следствие, с радостью примкнул к заговорщикам, рассчитывая после переворота уйти от ответственности. И с какой стати лучшей дочерью России стала заведующая медицинским складом, которая активно приторговывала лекарствами «налево» и ни в каких заговорах вообще не участвовала. А ведь и их фамилии были названы по Би-Би-Си в числе прочих «пострадавших от рук сталинско-машеровских палачей»

Но, как говорится: собака лает – караван идет. Мы и это прошли, тем более что выпускниками Академии управления, при Совете Министров СССР, вскоре смогли заткнуть практически все дыры, образовавшиеся после чисток или просто увольнения некомпетентных руководителей...

Слева, неожиданно громко застрекотала белка. Глянув в ту сторону, я увидел, как бело-коричневый комочек метнулся вверх по стволу. А оттуда, взамен лесной паникерши, свалился большой пласт снега, оставив в воздухе искрящееся на солнце облако. Проследив за медленно оседающим инеем, я обратил внимание на торчащий из снега куст, который внешне сильно напоминал гаолян. У меня непроизвольно заломило в левом подреберье, там, куда в сорок пятом попал осколок японской гранаты, и воспоминания нахлынули с новой силой...

Март сорок пятого у меня ассоциируется именно с гаоляном, песней «Высокое небо Хингана» и японскими камикадзе, атакующими нашу технику с минами на бамбуковых шестах. А также всепроникающей пылью... Но, наверное, самая яркая картинка той войны – это то, как огнем главного калибра «Калинина» сдуло с припортовой площади Пусана целую роту солдат противника, которые с истошным криком «Банзай!» выперлись прямо под стволы. Точнее говоря, выскочили они не просто так, а с целью захватить транспорт, который стоял на причале и, выгружая оружие, готовился принять на борт раненых. Японцы же, накопившись за домами, рванули в атаку. Впереди, как и положено, бежал офицер с уставным мечом в руках, а за ним густая толпа солдат с винтовками. Я думаю, они рассчитывали быстро сломить сопротивление взвода прикрытия и, прорвавшись на причал, обезопасить себя от огня кораблей поддержки. Других вариантов у них не было, так как не увидеть громаду крейсера, стоявшего в паре километров от берега, они просто не могли... Но на «Калинине» моментально среагировали (видно заранее просчитав такую возможность), после чего его орудия сказали «Ф-ф-ухба-н-нг-г»!!! И в общем-то всё – живых на площади не осталось. Да и сама площадь, как бы так помягче сказать – значительно расширилась...

А еще, при воспоминании о войне на востоке, перед глазами стоит недоуменно растерянная физиономия Змея, который первый раз в жизни наткнулся на представителя японского дворянства при полном параде. А если говорить точнее, то на Женьку напал какой-то хмырь, выраженный в средневековые доспехи. И как доложил удрученный Козырев, когда я высказал претензию о том, что противника надо брать живьем:

– Товарищ полковник. Этот недоделок из-за фанзы на меня с саблей прыгнул. Ну я от удара ушел и в ухо его слегка приголубил. Кто же знал, что он такой хлипкий окажется? Сразу взял и помер... – И в смущении трогая носком сапога свежий труп, добавил: – Судя по прикиду, точно – сумасшедший. Вон, сколько железяк на себя нацепил. Хотя, с другой стороны, вроде и псих, но сабля-то какая острая... И хатимаки³³ на голове...

Я, забирая у Змея трофейное холодное оружие, пояснил:

– Это не сабля, это меч. Катана называется. Хотя... – Оглядев поблескивающую полоску стали, которая формой несколько отличалась от виденных мною в фильмах японских мечей, поспешил добавить: – Может, и нет, я в них не разбираюсь. Но не сабля – точно. А завалил ты, похоже, самого настоящего самурая. Я точно такого же на картинке видел. Только тот в шлеме был.

Змей удивился:

– Ого! Интересно, а для чего он так оделся? И чего ему вообще надо было?

Я хмыкнул:

– Ну, чего он хотел, предположить не мудрено – росиадзину³⁴ башку снести. А вот почему в таком виде рассекал... Хм, если бы ты поменьше своими грабалками махал, то можно было бы узнать точно. А теперь – фиг его знает. Может, действительно крыша поехала. А может, от отчаяния. Увидел, что армии Страны восходящего солнца капут настал, одел дедушкины доспехи и выперся на улицу. На свой, так сказать, «последний и решительный бой»...

Козырев покачал головой:

– Странные они какие-то. Я бы на его месте нормальное оружие добыл и партизанить ушел. Или в крайнем случае засел бы на пагоде с пулеметом и показал врагам «козью морду». А этот...

Философски пожав плечами, я ответил словом из популярного анекдота:

– Азия-с...

А через пару дней мы узнали о еще более занимательном случае, связанном с японскими историческими персонажами. На этот раз ими оказались самые настоящие ниндзя, из школы Момоти Тэнсё. «Скрывающие личность»³⁵ тогда появились ночью в расположении штаба восемнадцатой горнострелковой дивизии. Нет, случись это чуть раньше, они бы наверняка смогли провести разведку, а возможно и диверсию, без проблем. Уж очень ловко прятались. Но ученики Тэнсё не учли прогресса, а именно – ПНВ на оружии дежурного пулеметчика. Молодой солдат, накрученный старшиной, а еще больше недавним нападением японского смертника на расположение стоящих неподалеку мотострелков, зорко оглядывал в прибор свой сектор. И как только заметил три полусогнутые фигуры, стелющиеся над землей, тут же влил по ним очередь. Часовой не заморачивался выстрелами в воздух и уставными: «Стой, кто идет?». Он просто, уперев сошки РПК поудобнее, с сорока шагов срезал всех, кто попал в зону обстрела. Контрразведчики подобной меткостью были очень недовольны, так как в результате испуганно-ворошиловских действий бойца образовалось целых два трупа и всего один раненый. Раненый, вооруженный исключительно холодным оружием, шипя и плюясь, умудрился подрезать связывающего его сержанта, а потом заткнулся и гордо молчал, не отвечая на вопросы. Молчал до тех пор, пока не появились волкодавы из СМЕРШа. Те и мертвого разговарят, поэтому уже через полтора часа ночной незнакомец принялся активно колотиться.

³³ Хатимаки (яп .) – головная повязка цветов национального флага Ямато, символизирующая у японцев непреклонность намерений. В частности их повязывали камикадзе.

³⁴ Русские (яп .).

³⁵ Нин – скрывать, дзин – личность (яп .).

Вот тогда-то и стало известно и про ниндзя и про Момоти Тэнсё. А результатом этих историй стало то, что я и поныне японские фильмы про суперменистых средневековых воинов смотреть без усмешки не могу. Сразу вспоминается козыревское «взял и помер...» и философское старшинское, сказанное про ниндзя: «И куды они с голыми задами супротив пулемета поперли?»

Хотя, честно говоря, тогда было вовсе не до смеха. И вовсе не из-за вражьих диверсантов, которые по сравнению с немецкими глубинными разведчиками были словно дети малые. Просто конкретно наша группа занималась поисками Исии Сиро. В смысле не его одного, а всего «Отряда 731». И вот когда под Муданьцзяном нашли брошенные лаборатории, у нас чуть крыши не поехали. Нет, мы, конечно, знали, что этот отряд занимается исследованиями, связанными с бактериологическим оружием. Разумеется, наивными мы тоже не были и вполне предполагали, что опыты будут проводиться не на каких-то банальных мышках и обезьянах, а на пленных да мирных жителях. Вот только никак не думали, что этих самых жителей в лабораториях просто на лоскуты резали, расчленив на самые мелкие запчасти еще живых людей. Бр-р... Зрелище было еще то, а я сделал вывод, что доктор Менгеле³⁶ из Аушвица³⁷ просто сопляк по сравнению с командиром «Отряда 731».

Поэтому, когда в семидесяти километрах от Шеньяна «Отряд 731» был окружен приданным нам двадцать девятым десантно-штурмовым батальоном, от смерти Сиро спасло только то, что Гусев ударил меня по руке, выбивая пистолет, и сказал, что этот гад быстрой пули вовсе не заслужил. Дескать, нехай живым помучается, в ожидании трибунала и смерти...

М-да... А ведь до начала войны я про этого Исию и не слыхал. И имел все шансы не слышать дальше, так как в феврале, еще до начала боевых действий, СССР предложил Японии свои услуги посредника в переговорах с США. Но поклонники кодекса бусидо категорически отказались. Да еще и (явно не подумав) устроили провокацию под Детели-Нуром. Ну и заполучили... Дальневосточный фронт маршала Горбатова за три недели наголову разгромил Квантунскую армию и вышел к Желтому морю. После чего произошло не менее молниеносное освобождение Кореи. А потом император Хирохито, поняв, что трындец не просто близок, а уже наступил, в срочном порядке послал свою делегацию в Москву.

В конце концов, после почти двухнедельных переговоров, было заключено перемирие, а затем и трехсторонний мир. А результатом этого мира неожиданно для меня стал распад Китая на четыре независимые государства. Маньчжурию, которая впоследствии вошла в состав СССР, Уйгуристан, Центральный Китай и Южно-Китайскую республику.

Последствия этого распада периодически икаются до сих пор, особенно когда вечно голодный центр начинает очередную склоку с богатыми и процветающими южанами. А мы можем в очередной раз оценить дальновидность Сталина, который был категорически против вхождения Уйгуристана в состав СССР. Ведь одно дело – взять псевдонезависимую страну под свой полный контроль и совсем другое – иметь непосредственно на границе Союза толпы нищих китайцев. Что характерно – получилось все очень замечательно, так как Уйгуристан поныне отлично выполняет роль буфера между СССР и скандальным южным соседом.

Да и вообще мир стал совершенно другим по сравнению с моим временем. В странах, активно поддерживавших Гитлера, был введен двадцатипятилетний режим денацификации. А остальные начали жить по собственному разумению. Разумеется, за исключением

³⁶ Ёзеф Менгеле – лагерный врач, ставивший опыты над людьми в Аушвице. Известен по кличкам «Доктор Смерть» и «Ангел смерти».

³⁷ Комплекс немецких концентрационных лагерей «Аушвиц-Биркенау», располагавшийся недалеко от города Освенцим.

Германии, которая полностью отходила под опеку СССР. В результате этого в пятьдесят втором году, за счет вхождения в состав моей страны Болгарии и Маньчжурии, количество республик в Советском Союзе увеличилось до четырнадцати. Спросите – почему так вышло? Было шестнадцать, добавилось две и получилось четырнадцать? А очень просто – Карело-Финская ССР в рамках общесоюзной административной реформы стала просто автономией. Что же касается других, то там все было гораздо сложнее. Карелию-то объединили лишь для удобства и не более того, но вот ее западным соседям пришлось конкретно отвечать за свои действия во время войны. Под денацификацию попала вся Прибалтика. Уж очень «кортые и сфопотолупифы» граждане Литвы, Латвии и Эстонии всех достали. Особенно когда, массово записавшись в войска СС и шутцманшафтбатальоны, зверствовали почище немецких карателей. И так как это было чисто внутреннее дело Советского Союза, то и режим денацификации был гораздо более жестким. Этих республик просто не осталось. Нет, никого никуда не выселяли, никого из своих домов не гнали, никого не арестовывали (разумеется, кроме бывших вражеских пособников). Просто часть территории отошла Белоруссии, часть – РСФСР, и на этом прибалтийский национализм закончился. Во всяком случае, внешне. А через тридцать лет, когда произошла смена поколений, и не только внешне...

А с остальной Европой были самые обычные отношения. С кем-то лучше, с кем-то хуже. С Грецией и Югославией так вообще вась-вась. С греками сразу как-то нормально сложилось, а вот на северных Балканах все наладилось лишь после того, как Тито, погибшего в автокатастрофе, сменил Ранкович. Были у нас подозрения, что главе Югославии помогли улететь на его «мерседесе» в пропасть, но Ранкович вполне устраивал СССР, и поэтому все были удовлетворены результатами официального расследования.

Что же касается противостояния с бывшими союзниками, то оно, конечно, было. Особенно с Англией, когда «лайми» поняли, что Союз вовсе не собирается уходить из Ирана. То есть тогда мы первый раз влезли на Ближний Восток, нагло потеснив «лимонников» там, где они давным-давно чувствовали себя как дома. А после того, как в Женеве, в штаб-квартире ООН, СССР пропихнул резолюцию о создании подконтрольного себе государства Израиль, островитяне просто взбеленились. Прямой войны, разумеется, не было, но Англия пакостила где только могла. И даже сейчас, через пятьдесят лет, не может нам простить той потери...

И с Америкой сильные разногласия случались. Только у буржуинов не было главного козыря – идеологического. Коммунизм у нас хоть и продолжал считаться наиболее прогрессивным учением, но был объявлен делом далекого будущего, когда его основной лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям» станет объективной реальностью. А пока мы просто строили социализм в отдельно взятой стране. Социализм, который вовсе не исключал ни частной собственности, ни свободного предпринимательства, ни прочих положений, принятых во всем мире. А уж когда в СССР, помимо коммунистической партии была зарегистрирована народно-демократическая партия, то есть появилась многопартийность, растерялись даже основные хулители нормальных отношений.

Так что ни НАТО, ни Варшавский договор, ни «холодная война» в этой действительности так и не случились. Гонка вооружений – была, тут уж никуда не денешься. И вершиной этой гонки стала разработанная в Штатах программа «космического зонтика». Точнее миллиардные затраты и практически полная неэффективность. Но иного и ожидать было странно, потому что первоначальные утечки по этой программе были организованы в нашем МГБ. Целых три секретных института старались предоставлять такие данные, чтобы они были очень похожи на реальные и в то же время, чтобы достичь их было либо невозможно, либо очень затратно. И амеры купились на эту «утку». А наши на протяжении почти семи лет поддерживали уверенность штатовцев в том, что в СССР вот-вот появится этот «зонтик» и Америка в очередной раз может опоздать.

После первого полета Андрея Соколова в космос, который произошел в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, янки любое упоминание об этом самом космосе

воспринимали как личный вызов. Они на годы опоздали тогда, позже для них шоком стала наша высадка в шестьдесят третьем на Луну, когда Юрий Гагарин и Георгий Гречко впервые в истории ступили на иную планету. Короче – штатовцы больше не собирались опаздывать. Не собирались, даже несмотря на почти десятилетнее отставание в этом вопросе. Поэтому и вбухивали огромные деньги, стремясь хоть сейчас опередить русских, пусть даже ценой урезания бюджета и засвечиванием практически всей своей агентуры в Советском Союзе. И ведь опередили! Первыми вывели на орбиту свои практически бессмысленные с военной точки зрения установки и тут же гордо оповестили об этом весь мир!

А мы ничего особенного не выводили, хоть и тоже потратились. Может, потому что вкладывались вовсе не в то, о чем думали стратеги из США... Просто в семьдесят шестом году, одновременно с завершением программы их «космического зонтика», в СССР появилось спутниковое телевидение нового поколения, которое могло вещать на весь мир. Тверитин, помню, на пупе от восторга извертелся, осознавая, какую силу он теперь держит в руках.

Только вот основные деньги, вполне сравнимые с затратами американцев, мы вложили даже не в космос. Пока штатовские военные объясняли своим налогоплательщикам на хрена они выбросили кучу баксов на столь экзотическое оружие, которое к тому же (теоретически) достаточно легко сбивается русскими «Березами», Союз выпустил в массовую продажу первые персональные ЭВМ.

Нет, до этого, конечно, существовали электронно-вычислительные машины. И даже достаточно компактные. Но стоили они запредельно и производительностью обладали сравнительно небольшой. А сейчас, при нормальной цене, с процессором в 40 МГц и операционной системой «Радуга» эти «эвэмки» стали доступны практически всем желающим. И мир перевернулся...

Все уже привыкли, что в Советском Союзе постоянно появляются какие-то новинки: от транзисторных приемников, цветных телевизоров и карманных калькуляторов до мини-вертолетов и мощных вездеходов. Но персональная ЭВМ ломала вообще весь привычный стиль жизни...

Хм... вспомнив про вездеходы, я усмехнулся. Вот интересно – почему так получается? Джипы у нас такие, что хоть на Эверест заедут, но вот обычные автомобили немецкие товарищи делают и лучше и комфортней? Пусть и с нашей электроникой, но все равно лучше. Вон, сравнить хотя бы «Дон» и «Фольксваген». Вроде одного класса, но «фолькс» мне нравится больше. Правда, последняя «Волга» на выставке в Париже признана лучшей машиной года, оставив за флагом и «Мерседес» и «Форд». М-да... а японцы в очередной раз пролетели... Черт его знает, может, в моем времени на них так сказались последствия ядерной бомбардировки и американская оккупация, но сейчас они ничем не блещут. Та же «Тойота», это вообще – кака на колесиках и по нашим дорогам ездить однозначно не сможет...

Да уж... с дорогами тоже интересно получается – столько денег в них вбухивается, а с европейскими трассами не сравнить. И ведь не воруют дорожники, это я точно знаю, просто климат такой, что по средней полосе и Дальнему Востоку лучше на джипах ездить. Ну или передвигаться на получившей огромнейшую популярность еще в конце шестидесятых легкомоторной авиации. Хотя сейчас легкомоторной эту авиацию назвать довольно сложно. Особенно после того, как лет семь назад в свободную продажу поступил реактивный «Ка-33». Камовская вертушка в своем классе переплывала большинство иностранных моделей, а уж по критерию цена-качество ей просто не было равных. Наверное, поэтому этот вертолет является чуть ли не единственной дефицитной вещью, которая есть в Советском Союзе. Уж очень много желающих его купить. Причем от лицензионных, выпущенных в Германии, Аргентине или на Кубе, наши люди отказываются и упорно стоят в очереди к отечественному производителю.

В этот момент из кармана раздалась мелодия звонка и, достав трубку, я услышал в ней голос Лешки, своего внука. Этот малолетний хулиган учился уже в пятом классе, и только хорошие оценки спасали химика-естествоиспытателя от непрерывных репрессий. Вот и сейчас он ошарашил меня вопросом:

– Деда, привет! Слушай, я у тебя хотел узнать, а сколько времени нужно нитровать толуол, чтобы получить качественный тротил?

Задыхнувшись, я завопил в ответ:

– А ну немедленно позови мать к телефону!!!

Лешка довольно засмеялся и удовлетворенно сказал:

– Какой ты доверчивый! Опять купился. Но ты не бойся, я этими штуками уже года два не занимаюсь. Что я маленький? – И без перехода добавил: – Папа сказал, что ты завтра к нам придешь. Ты с собой свой пистолет возьми, чтобы я его разобрал и смазал. Хорошо? Только не браунинг, а «грач» бери. А то Витька Самойлов говорит, что у восемнадцатизарядного пистолета рукоятка будет такой толстой, что ее держать неудобно. А я говорю – что удобно! Возьмешь?

Я перевел дух и ответил:

– Возьму...

– Спасибо! Пока, деда!

Покрутив головой, я подумал, как мало надо пацану для полного счастья. Принесет дед новый ствол, которым можно похвастаться, и он рад до невозможности. Хотя пистолетом, винтовкой или автоматическим карабином в этой реальности удивить кого-либо очень сложно...

Это сразу после войны началось, когда всем бойцам террор-групп и просто офицерам, званием от майора и выше, штатные пистолеты при увольнении оформлялись как наградные. И право им пользоваться для самообороны или защиты законности было четко прописано в соответствующей статье УК. А уже при Машерове был принят общий закон об оружии. Тогда, помню, долго судили-рядили, но боязнь чиновниками своего народа к началу шестидесятых сошла почти на нет и поэтому сейчас хоть одного ствола в доме нет только у ленивого или уж у совсем отъявленного пацифиста. Так что оружием советского штатского человека удивить мудрено. Если уж только совсем эксклюзивным и недавно появившимся, вроде моего «грача».

Подумав про новый пистолет, я вспомнил слова Лешки и огорченно сплюнул. М-да, совсем Лисов старым стал, так как последние три года постоянно ловится на приколы собственного внука. Правда, если вспомнить слова из анекдота, насчет того, что «внуки отомстят за детей», то все становится на свои места. Но с другой стороны, он подобными шутками до кондрашки меня доведет когда-нибудь. Хотя это еще ничего. Пучков, помню, жаловался, что его пацан решил посмотреть, как выглядит Южный Крест, и вместе с двумя друзьями рванули из дома. Начитались Сабатини и рванули. Пиратской романтики им захотелось... Но тогда и время романтическое было: в середине шестидесятых мальчишки были совсем другими – не утомленными Интернетом и гораздо более легкими на подъем.

А Гек на ушах стоял до тех пор, пока в Генуе троих путешественников не сняли с сухогруза. Да-а-а... Гек... До генерал-майора старый друг дослужился. Только вот уже два года, как его нет. Да и вообще из нашей легендарной спецгруппы Ставки всего двое в живых осталось – я и Даурен Искалиев. Но это и не удивительно. Жан у нас экстрасенсом заделался и вот уже лет сорок активно лечит людей, мотается по разным Тибетам и является главой целого исследовательского центра. В принципе, именно благодаря ему я пять лет назад дуба и не дал. Хотя до сих пор в шутку обзываю его Тутанхамом и говорю, что хитрый казах каким-то образом умудрился вживую заспиртовать себя в пятидесятилетнем возрасте и с тех пор вообще не меняется. На что Жан только усмехается и тут же начинает грузить лекциями о здоровом образе жизни...

А остальных уже нет. Кто умер, кто погиб. Грустно сейчас об этом думать...

Иван Петрович Колычев умер своей смертью в семьдесят втором. Серега Гусев возглавлял МГБ аж до олимпийского 1976 года, а потом и на нем сказались полученные раны... Максимилиан Шмидт погиб во время совместной операции, проводимой немецкой Штази³⁸ и нашим МГБ в Испании. Женька Козырев навсегда остался на Кубе, прикрывая отход группы «барбудос», в которой находился сам Эрнесто Гевара. И теперь в Гаване, в память о советском «невидимке» есть площадь, названная именем камарадо Куэлебре³⁹ с бронзовым памятником, в чертах которого можно легко узнать нашего Змея...

А Шах... Да-а-а... Марат Шарафутдинов был очень популярной фигурой. Причем во всем мире. Ведь именно он возглавлял отдел «Т» Министерства государственной безопасности. И занимался этот отдел тем, что проводил спецакции по всему земному шару.

Хотя, наверное, надо по порядку. Все началось с того, что советские люди получили возможность ездить за границу. Конечно, далеко не все. Но сдерживающим фактором была вовсе не «кровавая гэбня», а наличие финансов и личное желание. Поначалу, когда подобных туристов было мало, то все было нормально. Только вот по мере роста благосостояния у народа, желающих посмотреть «на за границу» или едущих «за бугор» по рабочим вопросам становилось все больше и больше. И вот тут начались проблемы. В некоторых странах все было нормально, а вот в других, особенно в странах «третьего мира», с нашими гражданами стали происходить неприятные вещи. Вплоть до убийств и взятия их в заложники с целью выкупа, или с последующим выдвижением политических требований. Нет, это вовсе не было целенаправленной охотой за советскими людьми, и вовсе не выбивалось из общемировой статистики происшествий с иностранными туристами, но это были НАШИ граждане.

До этого советские посольства, консульства и представительства четко отслеживали каждого нашего человека и в случае непоняток тут же выступали на его защиту. Но в случаях с заложниками посольские были бессильны. МИД СССР, конечно, выдал список стран, не рекомендованных к посещению, только как быть, если, к примеру, наших геологов захватили в каком-нибудь Йемене и, убив одного, потребовали за остальных два миллиона рублей? Или если в Ливии нагло похищают работника советского консульства и тоже требуют денег за его возвращение, обещая в случае отказа отдать дипломата по кусочкам?

Вот тогда и было решено создать при МГБ подразделение «Т», которое будет заниматься вопросами безопасности советских граждан за границей. После бурных дебатов и совещаний была выработана концепция. В общем, было решено, что своих в подобных ситуациях надо вытягивать любыми путями. Платить и за живых и, если вдруг кто-то в плену был убит, то значит, за мертвых. Но все должны быть возвращены. А вот после переговоров и проплат начиналась вторая фаза операции, которая могла длиться несколько лет.

Эта фаза делилась на несколько этапов. Ну, один из них – отловить и прижать к ногтю исполнителей был наиболее простым. Особенно при наличии достаточно разветвленной агентуры. Но основной задачей был выход на заказчиков и полная зачистка инициаторов данной акции. Кем бы они не являлись – шейхами, министрами, эмирами или просто главарями крупных банд. И только после ликвидации ВСЕХ заинтересованных лиц и возвращения денег (что тоже являлось желательным) операция считалась завершенной.

Очень часто было так, что затраты на операцию превышали сумму выкупа на порядок, а то и больше, но это уже не играло никакой роли, так как главное было вбить в головы бандитов принцип – «тронешь советского, умрешь сам и угробишь своих родственников». Родственников сюда включили потому, что очень часто на Востоке бандиты действовали при полной поддержке своей семьи. Что поделать – кормились они этим. И если у «невидимок» появлялись сведения, что родня рядового бандюгана или прямого заказчика акции хоть как-

³⁸ Ministerium für Staatssicherheit (нем.) – МГБ Германии.

³⁹ В испанской мифологии – крылатый змей.

то замешана в его делах, то и она шла под молотки.

Ну а политические требования не рассматривались вообще. Кого бы не захватили, в этом случае СССР в принципе не шел ни на какие переговоры. И если заложник просто отпускался, то дело считалось закрытым сразу. А вот если его или их убивали... Что ж, при таких раскладах подразделение «Т» работало до конца. Именно поэтому и прекратили свою деятельность камбоджийская «Синяя звезда», алжирский «Меч гнева», саудовские «Мюриды Азуара» и йеменский «Фурах». В этих организациях просто не осталось личного состава. Командиров, разумеется, тоже... Пусть это были небольшие и только начинающие свою деятельность банды, но ПОЛНОЕ их уничтожение показало всем заинтересованным лицам, что Союз в данном вопросе настроен ОЧЕНЬ серьезно. А так как часть политических акций заказывалась из-за границы (в основном из Англии), то постепенно «лайми» элементарно перестали находить исполнителей для своих заказов. Даже оголтелые уголовники, не говоря о более серьезных людях, не хотели связываться с островитянами, вполне резонно опасаясь неминуемой кары со стороны русских. Да и прочие шахи, шейхи и эмиры, у которых арабские и не только революции в одном месте зудели, тоже сильно притихли, не решаясь как-либо задевать граждан СССР.

А самым «лимонником» вскоре стало не до провокаций. Уничтожать заказчиков из МИ-6, которые действовали по указанию своего правительства, мы не стали, так как это могло вылиться во что угодно, вплоть до новой войны, но вместо этого сделали свой ход. В результате этого хода, боевики ИРА⁴⁰ настолько осложнили «лайми» жизнь, что вся деятельность английских спецслужб была вынуждена перенаправиться внутрь самой Англии.

Само же существование при МГБ отдела «Т» нами не скрывалось. Скажу больше, оно наоборот – рекламировалось. Даже несколько художественных фильмов сняли о действиях «невидимок» за границей. А уж как поначалу завывали газеты в Англии и Америке насчет государственного терроризма и попрания норм человеческой морали, это надо было читать. Буржуинские телевизионщики тоже постарались от души, постоянно показывая в своих «обличительных» репортажах каких-то чумазных большеглазых детей, правда, не имеющих никакого отношения к вырезанным боевикам. Вот только этот вой так и оставался пустым сотрясением воздуха. На территории англосаксов подобных операций нами практически не проводилось, да и вообще, при каждой претензии МИД СССР требовал доказательства причастности советских спецслужб к ликвидации той или иной иностранной банды. Прямых доказательств, разумеется, не было, так как «невидимки» следов не оставляли. Поэтому официальных нот тоже не было.

А Тверитин со своими головастиками попутно очень грамотно проводил контрпропагандистские мероприятия за границей. И в результате этих действий опросы общественного мнения в тех же Штатах раз за разом показывали то, что обычные люди в своем большинстве начинания советского правительства поддерживают.

То, что работа Шарафутдинова была вовсе не напрасной, наиболее наглядно стало понятно через восемь лет – в семьдесят девятом, когда боевики «Аль-Меасы» захватили пассажирский самолет в Тулоне. Первое, что они сделали, так это выгнали из лайнера советских граждан и только после этого начали выдвигаться перед камерами и растерянными полицейскими, выдвигая свои требования.

Это была настоящая победа. Особенно наглядная тем, с какой скоростью трое наших кооператоров были выпихнуты с того злополучного «боинга». Точнее, трое кооператоров и немецкая супружеская пара. Просто, проверив документы пассажиров, бандиты мудро решили, что связываться с союзниками СССР весьма чревато и поэтому громко ругающийся (кстати, по-русски) немец вместе с женой был тоже изгнан на летное поле. Эти кадры по

⁴⁰ Ирландская республиканская армия – военизированная группировка, ставящая своей целью воссоединение Северной Ирландии (Ольстера) с Ирландией.

всему миру разошлись. И мир завистливо хмыкнул...

После того как мировой «хмык» был оценен советским руководством, Марат получил свою вторую Золотую Звезду. А в восемьдесят третьем его не стало. Увидел автоаварию и полез вместе со своим охранником вытаскивать людей из перевернутой «Двины», лежащей на краю обрыва. Трех вытащили, а когда полезли за четвертым, произошел оползень и машина рухнула вниз... Глупо вышло, хотя спасенные, я думаю, так вовсе не считают...

* * *

Тут опять запиликал телефон. На этот раз звонили не хулиганистые отпрыски, а законная жена. Аленка напомнила, что Сережка прилетает сегодня из Лиона и поэтому, чтобы в семь часов я был дома. Клятвенно пообещав быть к назначенному времени, я покачал головой. Да уж, это ведь уму непостижимо, насколько Лисов в этой реальности размножиться умудрился. Два сына, дочка, куча внуков.

Только самое смешное, что по папиным стопам пошла именно дочь, которая сейчас возглавляет отдел «Юго-Восточная Азия» в УСИ. Иван, тот не без влияния бабушки с дедушкой пошел в Академию управления, а потом превратился в такого дельца, что переплюнул даже прожженного Карла. Нахтигаль-старший, который и так не чаял души во внуке, после того, как Ванька провернул свою первую крупную сделку, даже расплакался от восторга и сказал, что теперь он спокоен за семейное дело, которое есть кому продолжить. Ну конечно, на меня у тестя надежды не было никакой, на Аленку, которая к этому времени стала доктором медицинских наук, тоже. А вот внук порадовал...

Тут я ухмыльнулся, так как, вспомнив своего первенца, попутно вспомнил, как в пятьдесят первом году на одного из директоров тестя наехала самая настоящая мафия. Нахтигаль тогда, получая большие заказы от Союза, активно расширялся, вот и построил фабрику в Италии. К тому времени о бандитах там как-то успели подзабыть, но, оказывается, «Коза ностры», «Каморры» и прочие «Ндрангеты»⁴¹, практически уничтоженные Муссолини⁴², почуввав свободу, опять вернулись к жизни. И деятельно так вернулись, активно принявшись навестывать упущенное.

Глава итальянского филиала фармацевтического концерна, получив предложение от мафиозо, впал в панику и тут же наябедничал своему патрону. Нахтигаль, просчитав возможные убытки, мужественно удержался от падения в обморок и приказал задействовать местную полицию. А директор, Джунто Барези, в ответ тонко намекнул на особенности национального менталитета и на то, что ему еще хочется хоть немного пожить на этом свете. В конце концов тесть, поминая недобрым словом придурочного дуче, который не смог довести до конца ни одного дела, собрался ехать в Италию сам.

Неизвестно, чем бы вообще дело закончилось, если бы семья Лисовых как раз в этот момент не приехала на побывку к родственникам. Я, узнав о проблеме, сначала хотел было собственноручно разобраться с оборзевшими рэкетирами, но прикинул, что против сицилийской мафии в одиночку точно не потяну. Поэтому, вместо начала индивидуальной войны, тут же связался с Иваном Петровичем, выведя этот вопрос на государственный уровень. Ну еще бы – итальянская фабрика Карла поставляла в нашу страну какую-то там свежеразработанную и особо ценную ветеринарную вакцину, а оборзевшие сицилийцы грозились ее тупо спалить. Отделом «Т» в пятидесятых годах еще и не пахло, но дело являлось действительно делом государственной важности, поэтому сразу была задействована наша агентура в Италии и еще через каких-то два дня в сторону Сицилии убыли три пятерки

⁴¹ Названия итальянских мафий.

⁴² Насколько это не покажется странным, но диктатор Италии в реальной истории действительно весьма активно боролся с организованной преступностью.

«невидимок» МГБ, с целью кардинального решения проблемы. Мне же Колычев лично запретил даже думать о вступлении в эти разборки, поэтому об их результатах я узнал через месяц, читая отчет. Читал и офигевал...

«Невидимки», четверо из которых были чистопородными итальянцами, а остальные отлично владели языком Мандзони⁴³, в течение недели вели разведку, а потом сделали свой ход. И какой ход! Ведь никто из них про Марио Пьюзо и его «Крестного отца» слыхом не слыхивал (просто потому, что этого произведения еще в природе не существовало), но действовали ребята практически по книжке. Никакой тотальной резни они устраивать не стали, а поступили гораздо изящней. Любимой лошади у Джузеппе Кортэ – главы мафиозной семьи не было, зато была любимая собака. Вот ее голову и положили в постель к боссу⁴⁴.

На лоб безвременно усопшей псины присобачили красную звездочку от пилотки, а в пасть вложили записку: «Прежде чем сделать шаг, убедись, что он не станет последним в твоей жизни». Одновременно с этим, в Риме, за пару секунд нейтрализовав дюжих телохранителей, к старшему сыну Кортэ подошли два улыбчивых молодых человека и подарили парню никелированный патрон от «ТТ» на цепочке. Подарили, пояснив, что в виде брелка он смотрится гораздо лучше, чем в виде пули от этого же патрона в голове.

После чего претензия от бандитов была автоматически снята. И это не удивительно – про русский осназ уже тогда по миру легенды ходили, и дураков связываться с «невидимками» среди думающих людей просто не было. Но вот что странно – мафии хватило только одного намека и дохлой собаки для осознания простой истины – СССР и его союзники неприкосновенны. А неорганизованных ближневосточных и индокитайских террористов почти десять лет пришлось покланово изничтожать, прежде чем до них это дошло. Наверное, сказался другой стиль мышления, иная религия да и вообще совершенно особое отношение как к своей, так и к чужой жизни...

Эх, хорошо, что хоть мой младшенький очень далек от подобных дел. Сережка с детства бредил небом и в конце концов осуществил свою мечту, став летчиком. Летает теперь по всему миру и никаких тебе шпионско-рэкетирических заморочек... И молодец Аленка, что его сегодня на ужин заманила, а то я сына уже месяца полтора не видел. То он в отлете, то я занят. Но уж сегодня наобщаемся от души!

* * *

Метрах в ста от нас, по ходу движения, застрекотала сорока. Хм... кто-то ее вспугнул. Наверное, такие же любители лесных прогулок, как и я. Только они навстречу идут... Да-а-а, как нам эти сороки и мешали и помогали во время войны, слов нет. Иной раз так и хотелось поймать и придушить летающую сволочь. Но бывали случаи, когда они нас здорово выручали, демаскируя места прохода егерей. Вспомнив давно прошедшие годы, я вздохнул. Вот ведь как интересно получается – занесло меня в это время незнамо как, но прижился, счастье нашел, друзей преданных, дело любимое, себя, в конце концов! А попав сюда, помню, мечтал, чтобы страна, в которой я родился, не распадалась на никому не интересные «банановые республики», с которыми никто не считается. Чтобы сохранилась ее сила и мощь. Чтобы люди не были беженцами в собственном государстве. Ну что, как говорится – мечты сбываются. Хотел попытаться вернуть СССР, но в новом, гораздо более лучшем качестве, и попытка возврата удалась. Причем настолько хорошо удалась, что тогда, в сорок первом, о подобном и не мечталось...

М-да, и Мессинг со своим предсказанием все-таки ошибся. Я-то поначалу думал, что

⁴³ Алессандро Франческо Томазо Мандзони – итальянский писатель-романтик, творчество которого сыграло большую роль в формировании современного итальянского языка.

⁴⁴ Boss (um .) – глава клана.

миссия пришельца состоит в том, чтобы войну поскорее выиграть. И с меньшими потерями. Война прошла, а я остался жив. Потом думал, что отношения внутри страны надо изменить. Они изменились, но я все равно живой. Потом... да всего не перечислишь, сколько было этих «потом» и мыслей, что уж в этот раз предсказатель окажется прав. Но время шло, мир менялся, а я все больше утверждался в мысли, что, похоже, именно с этим пророчеством Мессинг промахнулся, и не было у меня никакой особой миссии, кроме той, чтобы просто жить...

* * *

– Слабо!

– Нет, не слабо!

– А я говорю – слабо!

– А я сказал, прыгну, значит – прыгну!

Детские голоса раздались откуда-то справа, с того места, где проходил здоровенный овраг, и оторвали от самовосхваления. Прислушиваясь, я заинтригованно остановился. Интересно, на что они там друг друга подначивают и куда собираются прыгать? Причем, судя по голосам, это два мальчишки лет восьми-десяти, и, хорошо зная своего Лешку, могу предположить, что прыгнуть они могут вообще куда угодно. Особенно если берут «на слабо». Резко изменив направление движения, я пошел на шум голосов и через минуту увидел спорящих. Ох ты ж вашу маман! Два шкета стояли возле глубокого оврага, и один из них явно собрался сигать вниз. Неслышно подкатив сзади, я крепко ухватил несостоявшегося прыгуна за шиворот и гаркнул:

– Вы чего тут делать собрались?! А?

Второй, видя, что дело может обернуться уходраловом, шустро рванул в сторону, а пойманный попробовал вырваться, но, не преуспев, огорченно засопел.

– Так чего вы хотели делать?

Поняв, что деваться некуда, мальчишка раскололся:

– В сугроб прыгнуть.

Зачем нужно было это делать, я даже не спрашивал, так как ответа бы точно не получил. Да и что тут глупые вопросы задавать? Есть овраг, есть сугроб, так почему бы не прыгнуть? Михаил тем временем подъехал к краю и, глянув вниз, нахмурился. Потом, выдрав из-под снега толстый, промерзший сук, кинул его в овраг и, проследив за падением, выдал:

– Это не сугроб. Это дерево упавшее, снегом так запорошило. И высота тут метров семь... Да, пацан... В лучшем случае ты бы себе ноги переломал. А в худшем – напоролся бы на сук и повис, как бабочка... Убился бы, понимаешь?

От этого известия я даже отпустил воротник, а прыгун, зашмыгав носом, неожиданно разревелся. Скинув лыжи, я присел перед мальчишкой и спросил:

– Чего плачешь? Испугался наконец?

Тот мотнул головой:

– Не-е-е. Теперь вы все мамке расскажете, а она меня побьет...

Хм... логика железная... Улыбнувшись, я натянул ему шапку на нос:

– Ничего мы ей рассказывать не будем. Правильно, Миша?

– Так точно, товарищ генерал-полковник! Хотя я бы ему всыпал!

– Зачем? Люди обычно плюют на старинную мудрость и предпочитают учиться на своих ошибках. Зато теперь он в этот овраг не сунется и другим не даст.

– Другой найдет...

– Так то будет другой овраг и иной опыт. – А потом, переключившись на пацана, который после Мишкиных слов насчет «всыпать» придвинулся ко мне поближе, поинтересовался: – Тебя как зовут, парашютист?

– Гриня...

– Григорий, значит? А фамилия?

– Ясенов.

– Так вот, Григорий Ясенов, родителям твоим мы ничего говорить не будем, но ты на будущее запомни, что прежде чем что-то сделать, надо хорошенько подумать. Понимаешь? Просчитать все возможные варианты последствий своего поступка. И если этого не делать, то можно поплатиться головой. Понял?

Заскучавший от моих нравоучительных слов Гриня кивнул головой и задал гораздо больше интересовавший его вопрос:

– А вы правда – генерал?

– Правда.

– А каких войск?

Я усмехнулся:

– Разведки.

Гришка недоверчиво шмыгнул:

– Таких старых разведчиков не бывает!

– Так я же не всегда был старым!

Ясенов опять окинул меня недоверчивым взглядом, но тактично промолчал. М-да, я в его возрасте тоже думал, что старики были стариками всегда... Через несколько секунд этого молчания я выпрямился и сказал:

– Ладно, беги, догоняй своего приятеля. И в овраг больше не лезьте!

Мальчишка радостно кивнул и уже на ходу крикнул:

– Не полезу! А Прыщ мне не приятель! Я ему еще морду набью, за то, что «на слабо» меня брал, а потом убежал!

Мишка, глядя вслед Грине, задумчиво произнес:

– Вовремя мы подошли. Опоздай хоть чуть-чуть, убился бы мальчишка. Как пить дать, убился.

– Это точно...

Одев лыжи, я уже хотел идти дальше, но не смог. Левое подреберье неожиданно скрутило резкой болью и, падая на бок, только и успел подумать: «Похоже, ошибся Мессинг насчет моей миссии». После чего наступила темнота...

* * *

25 июля 2057 года

Сетевые новости ТАСС. Экстренный выпуск.

«Сегодня, в Советском Союзе было произведено успешное испытание двигателя нового поколения, разработанного на основе физических принципов, открытых выдающимся советским физиком Григорием Александровичем Ясеновым. Двигатель показал стабильную работу и за пять часов доставил корабль-носитель к орбите Марса и обратно. При этом сам подпространственный прыжок занял доли миллисекунды, а основное время пришлось на разгон и торможение корабля. И это значит, что путешествие к другим звездам и планетам с этого дня перешло из разряда фантастики в повседневную реальность. Вот что по этому поводу нам сказал официальный представитель РКБ при МТМ СССР, Серебряков Евгений Федорович...»

* * *

...Увидев перед носом быстро приближающийся асфальт, я машинально выставил руки перед собой и сумел затормозить нырок в неглубокую лужу. После чего поднялся и огляделся. Хм... лес, дорога, машина... Лето... Итить твою дивизию! От осознания случившегося у меня подкосились ноги и я плюхнулся, где стоял. Это что же получается? Не

соврали «зеленые человечки»! Ведь это моя «бэха» стоит с открытой дверью! И куртка кожаная, которую я утопил в Буге, убегая от немецких автоматчиков. И документы в ней... Но как же? Как Аленка, как пацаны? Как вся моя жизнь? Ведь ТАМ, я получается – помер!!! И помер как-то глупо – на лыжной прогулке от сердечного приступа. Япона мама, полжизни соображал, что может быть за миссия у попаданца в прошлое, а никакой миссии и не было! Или все-таки была? Твою дивизию, ну не могла же она состоять в том, что какому-то пацаненку я не дал сигануть в овраг? Миссия должна быть – ого-го, если ради нее в прошлое попал!

Блин, а может, этот пацаненок, когда вырастет, лекарство какое-нибудь особое изобретет, от всех болезней? Или глобальную войну предотвратит? Или вечный двигатель сделает, хоть говорят, что это невозможно?

Епрст, да при чем тут какие-то двигатели или мифическая миссия, если меня Аленка к семи дома ждет!! А как я к ней попаду?!

И только тут окончательно дошло, что всё – ТАМ для меня уже нет. И меня ТАМ тоже нет... После чего я благополучно потерял сознание.

А когда очнулся, сел в машину и сидел до утра, уткнувшись в сжатые на руле кулаки. Мимо иногда проезжали автомобили, но я на них не обращал внимания до тех пор, пока какой-то трейлер, непонятно как оказавшийся на второстепенной дороге, не начал сигналить, сгоняя меня к обочине.

Вообще, наверное, только благодаря ему я и не чокнулся. А так, пришлось заводить машину. И после этого я не стал припарковываться, а просто поехал в сторону границы. Простояв там в очереди и пройдя все формальности, выехал с польской территории и покатил дальше. Куда? В принципе, было все равно – просто прямо по дороге. Но часа через три снова остановился и сам себе влепил несколько оплеух, чтобы прийти в себя, а то мысли лезли в голову самые поганые. Вплоть до того, что все случившееся со мной это просто глюк. Ага, как же! А знание немецкого тогда откуда появилось? Ладно немецкого, но арабский-то откуда знаю? От глюка?! Была мысль, что мне просто кажется, будто я знаю язык, поэтому, пока ехал, специально поймал «Немецкую волну» и убедился в отличном понимании того, что там говорят.

Так чего же ты спекся, генерал-полковник? Думаешь, столько сил зря положил и все зазря?! Ну уж нет! Я точно знаю, что где-то ТАМ существует мир, в котором война закончилась двенадцатого сентября тысяча девятьсот сорок четвертого года. Что ТАМ у меня были настоящие друзья и настоящая любовь.

А здесь?.. А здесь у меня есть целая жизнь! И к этой жизни прилагается опыт всех прожитых лет, так что мы еще посмотрим, кто кого! И пусть у меня не будет никакой повышенной регенерации, пусть везение только то, что сам себе обеспечу, пусть будущего не знаю – плевать! Главное, что у меня есть желание действовать.

Та-ак... Сейчас у нас июнь две тысячи шестого. Ну-ну... Что там Сашка Морозов говорил, когда с собой в Москву зазывал, на должность помощника депутата? Дескать, политика – дело, конечно, грязное, но если так все будут считать, то в ней и останутся одни подонки. Ну что ж, можно начать и с помощника... А дальше, как и в ТОЙ жизни, все будет зависеть только от меня. Ведь прошлый раз, сидя в лесу, я себе уже поставил цель и она была достигнута. Так почему же сейчас не получится?! Тем более что и цель осталась практически та же, только время немного поменялось. Но мне к смене времени не привыкать. Ведь правда?

Сам себе отвечая на заданный вопрос, я решительно кивнул и с силой нажал педаль газа...